

Труды Института Русской Геополитики

Выпуск 17

Вера в Меч

Уроки «Нации Самураев»

Москва
2024

УДК 613.2
ББК 51.230
В 15

В 15 Вера в Меч. *Уроки «Нации Самураев»*. - Москва,
2024. - 256 с.

Научный редактор - полковник, к.ф.н. В.Л. Петров

Японская государственность насчитывает 27 веков непрерывного существования. Когда речь идёт о настолько отдалённых временах, трудно отличить легенды и мифы от исторических реалий, но несомненно, что японская государственность, воплощённая в Императорском доме, является старейшей в мире. Душой японской державной традиции является «кодекс самураев». Дух неписаного кодекса самураев всё ещё жив в сердцах людей расы Ямато и продолжает быть движущей силой их страны. Подсознательная и непреодолимая сила «самурайской идеи» сплотила разрозненных людей в единую нацию. Стихи, написанные самураем Ёсида Сёин накануне своей казни, как нельзя лучше отражают характер японского народа: «Я знал, что это - путь к смерти, / Но дух Ямато приказал мне, / Принять безстрашно то, что неизбежно». Слово «самурай» – синоним отважного воина, сражающегося за высокие идеалы и ставящего честь выше своей жизни. Влияние самурайского военного сословия, долгое время первенствующего в Японии, распространилось впоследствии после «модернизации» Японии практически на все стороны жизни – от собственно Императорской Армии до, скажем, «деловой этики», тем самым в изрядной мере, превратив весь японский народ в «нацию самураев». Законы, по которым народы становятся великими, распространяются на всех так же, как и законы, по которым народы приходят в упадок. Из этой краткой истории «нации самураев» мы хотим напомнить о том, что в древние времена у этого народа на Дальнем Востоке были те же законы Веры и Чести, что и у наших арийских Предков, а также о том, что обычно именно меньшинства, имеющие наивысшую ценность, дают народу «идею», становящуюся для него «Путём, Истиною и Жизнью». И именно в этом духе Русским людям, не утратившим изконного «благородства», следует читать сей Сборник.

Содержание

НАЦИЯ САМУРАЕВ.....	4
Эдуард Юрченко. ЯПОНИЯ: 27 ВЕКОВ БЕЗПРЕРЫВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И УРОКИ ДЛЯ МИРА.....	10
САМУРАЙ (Рыцарь Империи в Чести и Верности).....	14
ФАШИЗМ В ЯПОНИИ.....	201
Юлиус Эвола. ПУТЬ САМУРАЯ.....	203
Никита Николаев. ЮКИО МИСИМА: «КНИГА САМУРАЯ».....	212
Даниэль Бугров. ЮКИО МИСИМА: СОЛНЦЕ И СТАЛЬ.....	217
Вольфганг Акунов. ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ.....	219
Александр Нечаев. ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В 1938-1939 гг.	240
18 В САМУРАЙСКОМ КИМОНО.....	248
Роман Раскольников. ИМПЕРАТОР ХИРОХИТО: «АЗИАТСКИЙ ГИТЛЕР».....	251

НАЦИЯ САМУРАЕВ

*Мчались танки, ветер подымая,
Наступала грозная броня.
И летели наземь самураи,
Под напором стали и огня.
На родной земле дальневосточной
Всех врагов доби́ли – не впервой! –
Три танкиста – Хаим-пулемётчик,
Экипаж машины боевой!*

***Русская народная песня «Три танкиста»:
ратья Покрасс на вирши Бору́ха Ласкина***

Война – ещё одно пространство, на котором сталкиваются дух Азии и дух Европы... Несмотря на периодически возникающие мечты о «вечном мире», Война и связанные с ней насилие и жестокость, каковы бы ни были новообретаемые ими формы, есть **неизбежность «мира сего, во зле лежащего»**. Впрочем, европейская «традиция Войны», даще ещё до приятия Христианства, стремилась поставить «пределы насилию», провести различие «меж безоружным и вооружённым врагом», наконец, она породила такое удивительное явление, как **Рыцарство**... «Во все времена наблюдались и две формы военного права, высшая и более варварская» (Э.Юнгер). Первая, в понимании Юнгера (и его интерпретатора Д.Веннера, чьими мыслями мы здесь воспользовались) отождествляется с Европой, вторая же – с Азией. Соглашаясь с вышесказанным, отметим, что «ни одно правило не бывает без исключений». Так, в Азии (по-крайней мере, географической), на самом дальнем её «краю», в Японии, возник **аналог Еропейского рыцарства – сословие самураев**, деяниям и своеобразному «этосу» коего посвящена книга, изданная в Берлине в 1943 г., и включающая две работы: «Самурай. Рыцарь Империи в чести и Верности» Хайнца Корацца и «Бу-

сидо. Душа Японии» Инадзо Нитобэ, положенная в основу настоящего выпуска Трудов Института Русской Геополитики... Слово «самурай» – синоним отважного воина, сражающегося за высокие идеалы и ставящего честь выше своей жизни. Влияние самурайского военного сословия, долгое время первенствующего в Японии, распространилось впоследствии после «модернизации» Японии практически на все стороны жизни – от собственно Императорской Армии до, скажем, «деловой этики», тем самым в изрядной мере, превратив весь японский народ в «нацию самураев» (Примечательно, что в советской пропаганде 1930-40-х гг., разоблачающей проиоски «японской военщины», как бы «предвосхищая» вышеприведённую характеристику, *все* японцы «без разбору», именовались «самураями», правда, с целым «набором» уничижительных эпитетов как у «изконно русских» псесельников бр. Покрасс с их «Тремя Танкистами» (подр. см. работу А.Нечаева в настоящем Сборнике)).

Говоря о «самурайской идее» в контексте современного мира, никак нельзя «обойти» случай Юкио Мисимы... Ю.Мисима, наверное, самый знаменитый из японских писателей, знаменит не только достижениями на «писательском поприще», но и тем, что с его именем связана трагическая и героическая попытка тотального воплощения «самурайского идеала» в исторических условиях, менее всего тому благоприятствовавших (Ю.Мисима закончил свой жизненный путь в 1970 г.). Мисима – парадоксальным образом сочетал в себе человека европейской культуры (проникнутого сей культурой до степени утончённости, пожалуй что и декадентской) и вместе с тем преданного самым традиционным, почвенно-японским ценностям самурайской традиции. Он и жизнь свою увенчал поступком, приличествующим истинному самураю – совершив ритуальное самоубийство (“сэппуку”) после неудачной попытки военного переворота, предпринятого возглавляемой им праворадикальной организацией “Общество щита”. *“Путь самурая есть смерть”* – слова из свя-

щенной книги “Хакагуре” (помимо всего, Мисима составил комментарий к сей книге – жест, в высшей степени традиционный). И все книги, и вся, как удостоверено кончиной, жизнь Мисимы были, по его же словам, “взгляд на жизнь с позиций смерти в противоположность взгляду на смерть с позиций жизни”. Как в капле воды отражается Небо, так в фигуре Мисимы отражается в полноте *«Сияние Славы»* Самурайского сословия, ибо декадент Мисима стал поистине одним из *последних самураев Японии*, чей отчаянный призыв к национальному Величию оказался чужд и непонятен ни армейским чиновникам, ни быдловатой солдатской массе, только лишь формой одежды напоминающих воинов Императорской Армии, духом же уподобившихся “презренным торговцам”...

Последние слова Мисимы: *“Да здравствует Император!”* отсылают нас к ещё одной особенности японского традиционного духа – уникальному монархизму, замешенному на признании Императора существом божественной природы и на абсолютной преданности ему. Профессор А.Н.Мещеряков, составивший интереснейшее сравнительное исследование “Японский тэнно и русский царь” (“тэнно” обычно переводится как “император”, хотя, как настаивает упомянутый исследователь, “статус тэнно и его функции имеют мало общего с “императором” в его европейско-русском понимании”), отдаёт решительное предпочтение японскому Монарху в части объёма сакральных полномочий. Не станем, движимые патриотическим чувством, оспаривать данный вывод маститого японоведа, хотя заметим, что, например, понимание статуса Императора в *гибеллинской традиции* отличается гораздо большей степенью сакралитета, а именно эта традиция лежит в подпочве феномена Русского Самодержавия, какие бы затемнения “исторически” на него не наслаивались. Тем более, что сам проф. Мещеряков к своему утверждению “в образе русского царя, равно как и в его поведении... почти отсутствуют черты, позволяющие го-

ворить о жреческой природе его власти” делает многозначительную оговорку – “исключение представляет собой только некоторый период жизни Ивана IV...”. Речь идёт об ОПРИЧНИНЕ и здесь нельзя не заметить разительного сходства меж кодексом чести опричника и самурая. Путь опричника есть смерть – подобное изречение не звучит никаким диссонансом, равно и попытка определения Опричнины, как взгляда на жизнь с позиций Смерти (**“кремешник”**, помимо прочего, может означать и обитателя Страны Мёртвых).

В современной, погружённой в безвременье России подобные сопоставления должны восприниматься совершенно по-особому («безвременьем» назовём такой исторический период, когда История не «свершается нами», а «свершается-с-нами», помимо наших Веры и Воли). И здесь весьма уместно ещё одно сопоставление – сопоставление с Достоевским, чьё имя как правило связывают с патологическими состояниями русской национальной психеи (к примеру, “Исповедь маски” у Мисимы – роман точно “достоевский” по филигранной анатомии малейших психологических извивов). Однако, ***Достоевский-романист и Достоевский-публицист являются собой два поразительно несходных меж собой образа***. Если первый – весь излом, весь “достоевщина”, весь декаданс, весь психопатология, то второй – весь здравие душевное и телесное, весь осмысленная преданность и яростная защита русских коренных начал ***Православия, Самодержавия и Народности***. Сие видимое противоречие находит своё объяснение в том, что главной своей целью Достоевский полагал слитие утончённо-аристократических, европейских дворянских идеалов и органических, почвенно-народных идеалов в новом, но одновременно верном преданиям старины, гармоническом синтезе. Он предрекал: ***“Народная правда сольётся с нашею, и мы пойдём вместе. Близится время”***. Характерно и то, что на объявление Мисимой о начале переворота военные-вырожденцы ответили насмешками, среди коих было и слово: “Идиот!”...

...Кажется, се déjà vu: Император-Тенно, вырожденцы и изменники генералы, «кругом измена, трусость и обман»... Меч Самурая, Меч Мисимы – вот что необходимо было Русской Империи в окаянном Феврале 17-го... Се «по-максимуму» прочувствовал один из наирусейших наших поэтов:

Алексий Широпаев

МЕЧ В ФЕВРАЛЕ

О, если б в те дни, провонявшие псиной,
Когда побеждали измена и лжа,
На станции Псков объявился Мисима,
Острейшей катаны клинок обнажа!
Прекрасен и прост, без рубах и актёрства,
Он – смерть, и по-прежнему к смерти готов,
С горячим, пургой овеваемым торсом,
Похожим на бронзу нездешних богов!
Чтоб двинулся он истребителем скверны –
Не духом надвьюжным, а грозно-весом –
Неверных солдат, генералов неверных
С плеча разсекая, разя остриём!
Клинок бы о трупы изменников вытер –
Единственный верный в империи меч –
И дальше, на тонущий в мерзости Питер,
Чтоб гно́ище сталью холодной прижечь!
Там шашку срывали толпой с офицера –
Получит катану взбесившийся сброд!
Вперёд же, Мисима! Одна у нас вера:
Немногие – в истине, шаток народ.
И сник бы мятеж, по углам замирая,
Гулял бы лишь ветер, шелухою соря –
Пришла из грядущего месть самурая,
Отдавшего жизнь за микадо-царя.

...Впрочем, действительно близится время. Мы не знаем, сколько трупов унесено будет “рекою времён”, знаем точно другое: здесь у нас в России самая жизнь родины и нации останется под вопросом до тех пор, пока не выявится некое критическое число тех, кто пройдя сквозь “войну чувств” безоговорочно *изберёт путь смерти*. Умирающей Родине смертельно необходимы *“православные самураи”*, вернее сказать (не изобретая диковинных сочетаний слов) *царские опричники*. Люди Веры и Воли, не чуждые ни истинно аристократической утончённости, ни истинно народной, кровно-нутряной приверженности Почве. Аще ещё возможно на Руси появление «нации самураев», им обетовано: *“Аминь аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит”* (Ин. 12, 24).

протоиерей Роман Бычков

д-р Эдуард Юрченко

ЯПОНИЯ: 27 ВЕКОВ БЕЗПРЕРЫВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И УРОКИ ДЛЯ МИРА

11 февраля 2024 года Япония отмечала 2774-ю годовщину со дня учреждения своей государственности. Согласно традиционной японской историографии, именно в этот день потомок богини солнца Аматерасу, первый Император Японии Дзимму, занял престол. Сейчас трудно отличить легенды и мифы от исторических реалий, когда речь идет о настолько отдалённых временах. Но несомненно, что японская государственность воплощённая в Императорском доме, является старейшей в мире.

Не следует думать, что этот длинный путь был лёгким. Неоднократно возникали угрозы для государственности и национального единства, но каждый раз японцы с честью проходили испытание на прочность.

В конце Средневековья Япония погрузилась в «эпоху воюющих провинций» - Сенгоку. На протяжении нескольких поколений японцы жестоко воевали между собой. Следует отметить, что в те времена междоусобица накладывалась на огромные культурные и языковые отличия между регионами. Императорская династия полностью потеряла реальную власть и, фактически, не могла обеспечить даже собственную безопасность. Но даже в эти страшные времена не возникало мыслей о расчленении страны или уничтожении императорской власти. Несмотря на пролитую кровь и отсутствие реальной силы за Императором, все японцы продолжали считать себя единым народом под его властью, которая в тех условиях носила характер духовный и символический.

Никто из полководцев после захвата реальной власти над страной не осмелился свергнуть Императора, занявши его место. Даже могущественный Иеясу Токугава, который заво-

евал всю Японию, остался лишь первым из слуг Императора. Вожди самураев хорошо понимали, что на сильного всегда находится более сильный, и власть основанная на силе, рано или поздно падёт. Но упав, похоронит под собой национальное единство.

Следующее испытание пришло в Японию вместе с экспансией Запада в XIX веке. За времена изоляции страна отстала от Запада на много поколений. В случае войны, самураям в средневековых доспехах пришлось бы противостоять армиям с нарезным оружием и, даже, первыми пулемётами.

Страна снова оказалась пред трудным выбором: превратиться в фактическую колонию, оставшись самими собой, или попробовать обезьянничать чужеземцам (не имея никаких гарантий успеха). Япония избрала другой путь: измениться для того, чтобы остаться самой собой. Был провозглашен лозунг «японский дух и знания иностранцев»! Стремительных политических реформ стали не сомнительные «прогрессивные» эксперименты, а возвращение всей полноты власти Императору. Радикальные реформы, развёрнутые в стране, опирались на прочный фундамент традиционных ценностей и осознания необходимости изменений именно в национальных интересах.

Экзамен на успешность был с блеском сдан в 1905 году, когда Япония выиграла войну с Российской империей. Характерно, что генералы и адмиралы, которые привели её вооруженные силы к победе, начинали свою военную карьеру с самурайским мечом в качестве основного оружия. Российско-японская же война была выиграна, в том числе, и за счёт более грамотного использования военной техники. Япония за одно поколение перегнала одну из сильнейших держав тогдашнего мира...

Первая половина XX века прошла для Японии в военных конфликтах, в которых императорская армия покрыла себя бессмертной славой. Но в конце Второй мировой войны оказалась в безвыходном положении. После того, как была

осуществлена ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, она была вынуждена капитулировать. Но малоизвестным фактом является то, что «безусловная капитуляция Японии» не была безусловной. Одно условие Союзники были вынуждены принять – сохранение монархии и неприкосновенность Императора.

После войны японцев старались «демократизировать». На первый взгляд это будто бы удалось. Но лишь на первый взгляд...

Япония проводит жёсткую миграционную политику, допуская к себе лишь тех иностранцев, которые могут быть полезными. Япония принципиально чтит память своих героев Второй мировой войны. Важным моментом является то, что среди них есть официально признанные Токийским процессом (аналогом Нюрнбергского) «военными преступниками». Это вызывает непрерывные протесты со стороны леваков всего мира и разных «потерпевших» (типа коммунистического Китая). Но японцы не признают справедливым суд победителей над побеждёнными.

Экономическое могущество Японии построено на традиционной трудовой этике, которая восходит к корням мировоззрения средневековых тружеников. У нас в Европе на смену ей пришёл, в лучшем случае, лишённый морального измерения капитализм, а в худшем - марксистская идеология социального паразитизма. Но элементарное сравнение экономической эффективности явным образом свидетельствует не в пользу «прогрессистских» инициатив.

Какие же уроки даёт нам несколькотысячелетний опыт сохранения японской государственности?

Во-первых, нет ситуации, в которой можно добровольно поставить государственность под угрозу или тем более от неё отказаться. Это наихудшее, что может случиться со страной. Даже когда Японию разделяли междоусобицы или она стояла перед необходимостью капитуляции, она сохраняла Императора, как воплощение государства. Если бы японцы

в 1945 году оказались перед необходимостью пожертвовать Императором под угрозой продолжения ядерных бомбардировок, они бы избрали бомбардировку. И не следует это считать тупым фанатизмом. В лишённой государственности Украине не было ядерных бомбардировок в 1932-1933 годах, но людей погибло на порядки больше, чем в Хиросиме и Нагасаки.

Во-вторых, изменения должны происходить не ценой разрушения Традиции, а для её сохранения. Если меч самурая устарел, это повод дать ему в руки более современное оружие, а не превращать в пацифиста. Япония времён Императора Дзимму технологически отличается от современной больше чем Украина 2021 года от Украины Скифо-Сарматского времени. Но это та же самая государственность, история которой не прерывалась, а фундаментальные ценности которой не ставились под сомнение.

Третье: осознание того, что покорение воле чужеземцев может быть лишь временным злом, и то лишь в случае отсутствия другого выхода. Опыт Японии после Второй мировой войны ясно об этом свидетельствует. Японцы не собираются ссориться с США, потому что им это не выгодно. Но они не позволяют никому (в том числе и американским союзникам) лезть в свои дела. И если «мировому сообществу» не по душе японские герои или миграционная политика, это проблемы «мирового сообщества», а не японцев.

Эти простые выводы по японскому опыту могут быть полезным не только современной Украине, но и странам Запада, в двери которых настойчиво стучит «не политкорректная» реальность.

В качестве подведённого итога и иллюстрации приведём прощальные слова молодого пилота-камикадзе, написанные им накануне добровольной смерти в бою:

«Японский образ жизни воистину прекрасный, и я горжусь им, так же, как горжусь историей Японии, её сказаниями, которые отображают чистоту наших предков и их верований

- неважно истинные были эти верования или нет. Этот образ жизни является результатом всего наилучшего, что передали нам наши предки. И живым воплощением всего прекрасного, что есть в нашем прошлом, является Императорская семья. В ней выкристаллизовалась слава и красота Японии и её народа. Великая честь - возможность отдать жизнь, защищая эти красоту и славу» (пилот-камикадзе Тэруо Ямагути).

САМУРАЙ
Рыцарь Империи в Чести и Верности

ХАЙНЦ КОРАЦЦА
Бусидо
Душа Японии Инадзо Нитобэ

Sonderdruck aus dem „Schwarzen Korps“
Berlin 1943

DIE SAMURAI

Ritter des Reiches in Ehre und Treue

von

HEINZ CORAZZA

Mit einem Vorwort des Reichsführers SS
und Chefs der deutschen Polizei

HEINRICH HIMMLER

Перепечатка из «Чёрного корпуса» Берлин 1943

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не случайно в газете «Das Schwarze Korps», газете Охранного Отряда Адольфа Хитлера, была опубликована серия статей под названием «Самурай, рыцари Империи в Чести и Верности». Законы, по которым народы становятся великими, распространяются на всех так же, как и законы, по которым народы приходят в упадок. Нам, как учащимся, полезно снова и снова представлять себе жизнь других народов.

Из этой краткой истории самураев мы хотим напомнить о давно забытом: о том, что даже в ранние времена у этого народа на Дальнем Востоке были те же законы чести, что и у наших отцов в более раннем, слишком быстро разрушенном прошлом, а также о том, что обычно именно меньшинства, имеющие наивысшую ценность, дают народу жизнь, которая по земным меркам является вечной. Такова цель этого специального выпуска. И именно в этом духе многие, особенно эсэсовцы, могут прочитать эту брошюру.

Х. Химмлер, Райхсфюрер SS

Возвышение Ниппона - беспрецедентный случай в мировой истории: за восемьдесят лет он превратился из экзотического углового государства в первоклассную великую державу. На Западе этот феномен часто описывают с высокомерной поверхностью как незаслуженное чудо. Но мы, немцы, прекрасно знаем, что таких чудес и незаслуженных удач не бывает. Удача благоволит только тем, кто неустанно борется.

Сегодняшняя Япония - это результат многовекового кропотливого труда очень специфического сословия бойцов - ордена самураев. Любой, кто углубится в японскую историю, придет к пониманию, которое в корне справедливо и для западного взгляда: В начале есть кровь - только высококачественные расы способны производить героических людей. Но только после того, как отдельные лидеры, устремленные в будущее, продемонстрируют четко определенную цель, героические элементы могут быть объединены в сплоченное сообщество, орден. Отношение этого боевого сообщества в конечном итоге становится отношением всего народа.

В чем же суть самурайской жизни? Чтобы ощутить всю магию его формирующей сознание силы, давайте обратимся к первоисточнику:

Любящий роскошь император Кодайго (около 1330 г. н. э.) благоволит к придворным, монастырям и женщинам, а народ

обложил тяжелыми налогами. В результате в разных частях Империи Восхода вскоре начались волнения. Неверный феодалный князь по собственному почину стал императорским правителем (Schogun), безцеремонно сверг Кодайго в начале 1336 года и возвел на трон теневого императора. Но рыцарь Кушуноки Машигэ пожертвовал собой ради безнадёжного дела своего недостойного господина.

Даже сегодня, ровно 600 лет спустя, он по-прежнему пользуется почти божественным почитанием среди японской молодежи как «вечный самурай».

Знаменитая хроника сообщает:

«16 мая 1336 года Кушуноки Масашигэ отправился в провинцию Хёго с более чем 700 всадниками. Понимая, что это будет его последняя битва, он отпустил сопровождавшего его одиннадцатилетнего сына Масацуру со словами: «Предстоящая битва решит судьбу империи. Я думаю, что вижу тебя в последний раз в этой жизни. Когда вы услышите, что я пал в бою, то узнаете, что империя перешла под контроль Сёгуна. Но тогда вы не должны ради сохранения своей жизни отказываться от нашей давней преданности и верности и подчиняться Лейнде (Leinde). Если хоть один из молодых людей нашего рода останется в живых, он должен стоять за своего господина до последнего вздоха. Это будет для тебя первым и самым важным доказательством сыновней покорности».

Он сказал это со слезами на глазах, после чего они расстались. Повернувшись к своим соратникам, он продолжил спокойным голосом: «Будем считать этот день последним и прогоним все мысли о пустоте. В старые и новые времена были примеры, когда даже знаменитые полководцы и доблестные воины, когда их армии терпели поражение, а удача покидала их, попадались на глаза странникам, как маленькие проказники. Все это происходило из-за ничтожного стремления избежать неизбежной смерти.

Давайте же сегодня все отдадим свои жизни на растерзание и не будем думать ни о чем, кроме как о том, чтобы оставить потомкам честное имя!» Тут же он выстроил своих всадников в боевой порядок и ринулся в ряды превосходящих сил противника.

Девять раз воины сходились, девять раз расходились, пока их ряды постепенно не поредели и не сократились до 73 всадников. Даже с ними Масашиге мог бы пробиться и спасти свою жизнь. Но, убедившись, что наступил конец царства, он отказался от борьбы и, полностью истощив силы, отправился в деревню вместе с остальными своими последователями. Он снял доспехи, чтобы искать смерти в предписанном торжественном Лорме (Lorm). Вместе с тринадцатью членами своего рода и 60 своими людьми он совершил сэппуку (Harakiri).

Масашиге сел на почетное место и, вонзив смертоносное железо себе в живот, сказал, сдерживая боль, повернувшись к своему брату: говорят, что последняя мысль человека определяет благополучие и горе в его будущей жизни. Каково твое желание еще девяти миров?» - Брат, проявляя такое же самообладание, ярко рассмеялся и сказал: „Я надеюсь родиться в той же человеческой жизни, по крайней мере, еще семь раз, чтобы семь раз стать самураем». - Масашиге радостно ответил: «Это хорошее желание - я думаю, что то же самое. Теперь мы хотим выполнить наше намерение и перейти в другую жизнь».

Улыбаясь, братья легли на ту же подушку, чтобы умереть улыбаясь».

Самурай Хидэёси объединяет Империю

В Японии в начале XVI века все пошло наперекосяк. В то время как черный крестьянский флаг развевался по районам Германии, как Флориан Гайер и Энгель Хильтенспергер, Ульрих фон Хуттен и Франц фон Зиккинген сражались за империю, в Ниппоне разразилась битва всех против всех.

Более двухсот независимых феодалов (Daimio) своими незаконными распрями превратили островное королевство в кипящий котел.

Полностью зависимый от прихотей своих генералов, императорский управляющий (Schogun) проживал в старом императорском городе Киото, водрузившись на свои упакованные чемоданы, словно готовый к бегству. Вдали от ничего не подозревающего, терзающего себя Ниппона в 1540 году на Западе возникла новая сила, которая - как и Красный Коминтерн почти 400 лет спустя - не хотела останавливаться ни перед одной страной и ни перед одной точкой опоры в мире: Черный интернационал генерала-иезуита Игнатия Лойолы.

Мрачная судьба страны восхода солнца приближалась гигантскими шагами. В 1549 году иезуит Ксавер высадился в Кагошиме (южная Япония) и немедленно приступил к миссионерской работе. Он безжалостно нес пропагандистскую волну в самое сердце главного острова: каждый, кто хотел получить португальское огнестрельное оружие от феодалов, должен был дать разрешение на неограниченную миссионерскую деятельность на своей территории. В результате братоубийственная война становилась все более ожесточенной.

Низшая точка национального унижения была достигнута, когда при императорском управляющем Йошиаки (около 1570 года в Киото), принявшем христианство, стал возможен публичный диспут (теологический диспут) между иезуитским священником Фудвигом Фроюсом и буддийским аббатом. Естественно, аббат потерпел поражение благодаря блестящей рабулистической диалектике иезуита.

На этих дебатах присутствовал и генерал Нобунага, которому первому удалось вбить клин в хаос, всего за несколько лет объединив в своих руках 22 небольших государства. Почти все Daimio (феодалы) южной Японии и многие офицеры Нобунаги приняли христианство.

Только блестящий начальник штаба Нобунага, прошедший путь от безвестного самурая до великого стратега, остал-

ся верен старой патриархальной вере, но, как и его господин, благосклонно отнесся к знающим миссионерам. В 1581 году иезуиты смогли сообщить в Рим о великой победе:

150 000 японских христиан и 200 церквей!

Терпимость Нобунаги к безжалостной прозелитической деятельности иезуитов вызвала живую горечь даже среди его собственных последователей. В то время как начальник штаба Хидэёси разгромил непокорного феодала вдали от столицы, Нобунага стал жертвой заговора некоторых самураев, обвинивших его в измене и насмешке над старой верой в богов. Хидэёси стремительным маршем помчался в Киото, чтобы отомстить за своего господина. Он разгромил мятежников, как бы ни относился к их мотивам. Через двенадцать дней после смерти Нобунаги мир был восстановлен.

Подчиненные склонились перед возвышающейся личностью Хидэёси, который теперь возвел Осаку в свою резиденцию, которую по его приказу португальские инженеры превратили в сильнейшую крепость Японии. В 1585 году неизвестный самурай из армии Нобунаги возвысился до высшего императорского достоинства: император назначил его Камбакку (императорским канцлером). Великое дело объединения было завершено: весь Ниппон находился в руках Хидэёси. Семь лет спустя он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы напасть на китайского гиганта.

В 1592 году Хидэёси за удивительно короткое время высадил девять армейских корпусов на корейском побережье. 160 000 японцев шли от победы к победе по Корее и постепенно приблизились к китайской границе. Осенью 1593 года Тэнно (император) присвоил своему успешному полководцу Хидэёси звание тайко (маршала). В японский штаб прибыли китайские переговорщики. Но мирные переговоры провалились, и война продолжилась. Однако она уже не была такой стремительной и успешной, как прежде, поскольку чума и голод опустошали армию Хидэёси больше, чем противника.

Летом 1596 года японское правительство устроило первому римскому епископу торжественный прием. Но осенью все резко изменилось. Ставший жертвой ураганов испанский корабль «Сан-Фелипе» сел на мель у обрывистого японского берега. На банкете, устроенном в его честь, спасшийся капитан с помпой заявил, что весь мир принадлежит королю Испании и что миссионеры - лишь авангард непобедимой испанской армии, которая должна последовать за ним. Узнав об этом странном заявлении, Хидэёси немедленно приказал установить строжайший надзор за всеми христианскими монастырями. В его сознании замаячила манящая тень испанского вторжения.

Чтобы раз и навсегда лишить лис в шкуре невинного кролика смелости совершать новые набеги, необходимо было действовать быстро и жестко. После короткого расследования 26 миссионеров погибли на кресте в феврале 1597 года. Все оставшиеся испанцы были депортированы в Манилу.

В марте того же года Хидэёси бросил в Корею последнюю резервную армию (1 300 000 человек), чтобы вновь продвинуть вялотекущую корейскую кампанию вперед. Шаг за шагом пополненная армия продвигалась к Пекину. Как раз в тот момент, когда готовилась обидная атака, Таико (маршал), который был тяжело болен дизентерией и теперь беспокоился о наследстве своего шестилетнего сына, приказал отступить. Хидэёси умер 16 сентября 1598 года после беспрецедентно славной военной жизни в истории Японии.

Лишь однажды он отклонился от пути самоотверженного самурая, сражающегося за империю: на смертном одре он думал только о будущем своего ребенка.

За эту оплошность его роду пришлось жестоко поплатиться.

«Подданный своих подданных»

Чтобы обеспечить преемственность своему сыну Хидэёри, маршал Хидэёси сформировал Императорский совет из пяти человек, в который назначил своего начальника штаба То-

кугаву Лиясу и четырех генералов корейской армии. Чтобы скрепить завет верности, маленький Хидэёри был символически женат на двухлетней дочери Иэясу на смертном одре императорского маршала. Иэясу должен был править до тех пор, пока Хидэёри не исполнится 15 лет. Однако всего через несколько месяцев после смерти великого императорского объединителя вдова маршала Ёдогими, подстрекаемая четырьмя другими императорскими советниками, заподозрила регента в узурпации власти и лишила его опекуновства. Однако на самом деле четыре императорских советника хотели поделить Ниппон между собой. Регент принял объявление войны жаждущими власти военачальниками и в ходе двухлетней борьбы доказал свое абсолютное превосходство над ними. В памятной битве на озере Бива (1600 г.) он подготовил полный крах врагов императорского единства, которое было куплено столькими жертвами. «После победы покрепче завяжите шлем!» - кричал самурай империи своим ликующим солдатам. С покорением резиденции Хидэёси в Осаке, где укрепился род Хидэёси, использовавшийся императорскими советниками в качестве орудия, Иэясу стал хозяином всей Японии. Он великодушно оставил только что взятую крепость своему подопечному Хидэёри, а также пожаловал ему три большие провинции. В 1603 году борьба Иэясу за императорскую власть завершилась юридическим подтверждением императором наследственного наделения дома Токугава титулом императорского правителя (Shogun).

Теперь Иэясу приступил к выполнению трудной задачи по созданию государственной структуры, которая гарантировала бы его дому многовековое правление, а японскому народу - счастье, которое мы считаем бесконечным миром. Управление государством Токагава было поставлено на почти непоколебимую основу благодаря детальной организации. Иэясу разделил тридцатимиллионное население на пять сословий. Он поставил дворянство перед огромной массой народа (Heimin).

О том, какое значение он придавал дворянству, можно судить по тому, что вторым сословием он объявил крестьянство. За ними следовали ремесленники, объединенные в гильдии (Za), и только на четвертом месте - купцы, презируемые дворянами ('У купца нет чувства чести').

Пятым и последним сословием были «нечистые нелюди» (Eta hinin), то есть палачи, кожевники, гейши, актеры и иностранцы.

И снова Иэясу пришлось взяться за меч. В 1614 году Хидэёри, подстрекаемый своей амбициозной матерью, призвал князей (Daimyo) юго-западной Японии, настроенных против Токугавы, к восстанию. После годичной осады Тайясу удалось взять штурмом крепость Осака (3 июня 1615 года). При этом крепость была подожжена. Хидэёри и его мутьер Ёдогими погибли в пламени. Тайясу безжалостно уничтожил остатки рода Хидэёси. Его последний значительный указ в 1616 году, в год его смерти, привел к возведению самураев в закрытую касту воинов, которых он требовал «сделать меч своей душой». Раннесредневековый обычай носить два меча теперь стал для самураев юридической обязанностью.

В письме, которое гениальный создатель самурайского ордена адресовал своей невестке незадолго до смерти, он развил свою доктрину лидерства, которая поставила его в почетное соседство с прусским королем Фридрихом Великим, действовавшим через сто лет после него:

«... Дети обычно непослушны своим родителям. Если их не заставляют повиноваться родителям, то они еще менее склонны подчиняться своему окружению. Но способны ли такие люди управлять странами? Вовсе нет - они не могут управлять даже собой!

Разница между господином и его подданными необходима для поддержания социального порядка, но господин должен помнить, что он - подданный своих подданных. Мой наставник Окура повторял мне это наставление снова и снова в юности, и я нахожу его весьма обоснованным. В обыч-

ное время подданные подчиняются своему господину, даже если он несправедлив, они служат ему, даже если он ведет себя как тиран, но в чрезвычайных обстоятельствах все может легко измениться. Поэтому правитель должен быть милостив к своим подданным и безпристрастно распределять между ними награды и наказания, строго, но справедливо. Он должен рассматривать их как основу своего правления, ведь без последователей нет правителя.

Что касается научного образования, то отпрыску княжеского дома, разумеется, не нужно так глубоко погружаться в его изучение. Скорее, ему достаточно ознакомиться с основами отдельных отраслей знаний под руководством специалистов. Однако очень важно и необходимо, чтобы он был осведомлен о деяниях великих полководцев и верных последователей и, с другой стороны, о судьбе нелояльных подданных, которые обманули своих правителей и внесли смуту в страну. Из таких образцовых или сдерживающих примеров он сможет извлечь уроки для своих собственных действий.

Вкус и талант у людей очень разные: один человек больше всего любит то, что другому не нравится, второй с легкостью добивается благодаря своему таланту того, чего не может добиться третий, несмотря на усердие и настойчивость. Поэтому не следует слишком поспешно судить о ценности человека и его способностях. Некоторых людей неправильно оценивают и принижают, а между тем каждый человек наделен определенными способностями и может стать полезным членом общества, если только знает, как правильно их использовать.

Самая необходимая и в то же время самая прекрасная добродетель человека, но особенно правителя, - это самообладание. При любых обстоятельствах он сдержит данное однажды обещание, а если он служит господину, то готов пожертвовать ради него жизнью. Он не всегда будет заботиться сначала о себе, а потом о других, но в первую очередь будет стремиться к благу целого. Однако необходимо упорно зани-

маться самоконтролем. Если для достижения определенной цели человеку приходится десять раз упражняться в самоконтроле, и девять раз ему удается преодолеть себя, но в последний раз он теряет силы, значит, все предыдущие усилия были напрасны. Самоконтроль ничего не стоит и бесполезен, если не практиковать его до конца.

Способ управлять страной и лучший способ сохранить ее - не быть расточительным, а бережливо относиться к имеющимся средствам. История учит нас, что самые мудрые правители, в частности, дарили очень мало подарков и избегали всякой роскоши.

Смелость - это добродетель, которой должен обладать каждый, но слишком большая смелость может стать опасной. Пословица справедливо гласит: «Твердая вещь легко ломается». Поэтому мягкость и великодушие приносят больше успеха, чем стремительность и безрассудство. Наставляйте окружающих в этом духе».

Меч - это Душа, Верность и Честь Самурая.

Пожалуй, нет на земле другого народа, кроме японцев, который мог бы утверждать, что почти четверть тысячелетия живет в глубочайшем мире, не изменяя мужским добродетелям сражения.

В 1637 году, во времена правления третьего сёгуна Токугавы (императорского наместника), границы старой Японии были закрыты, а в 1854 году вновь открыты под натиском батарей кораблей американского коммодора Перри.

Любому японцу, пытавшемуся тайно покинуть родину, грозила смертная казнь. Самое совершенное авторитарное государство в мире на тот момент, поддерживаемое самурайским орденом численностью около 400 000 человек (включая женщин и детей, около двух миллионов душ), приближалось к своему самому славному периоду. То, что не смогла сделать Великая китайская стена, здесь удалось сделать организации, продуманной до мелочей, и добиться невероятной самоизоляции нации в тридцать миллионов человек.

Поэтому единственным носителем власти в государстве была аристократия меча. Сёгун Иэмицу приложил немало усилий, чтобы обеспечить ее полное равновесие. Из 262 князей 176 уже объявили о своей верности новому государству до прихода к власти Токугавы Иэясу; как наследственные князья (Fudai-Daimio), назначенные сёгуном, они теперь стали естественными управляющими центрального правительства. Остальные 86 императорских князей (Tozama), официально получившие свои вотчины от императора, не имели доступа к государственным должностям как бывшие противники рода Токугава. Вместе с силами наследных князей (Fudai) самураи власти Токугава превосходили сторонников императорских князей (Tozama) примерно на две трети.

Средства, с помощью которых сёгунат пытался обезопасить себя от императорских князей, были необычными. Например, были снесены все мосты, через которые проходила старая императорская дорога, соединявшая императорский город Киото с резиденцией сёгуна в Эдо (современный Токио). Считалось, что это защитит от внезапного марша на Эдо. На самом деле быстро переправить большое количество войск через не очень широкие, но глубокие и бурные реки с помощью примитивной паромной переправы было бы невозможно. Чтобы держать даймио-лордов под полным контролем, Иэмицу издал закон «Sankin-Kotai», который обязывал феодалов отправлять своих жен и детей в Эдо в качестве залога верности государству и постоянно содержать их там в соответствии с их рангом. На это, конечно, уходили огромные суммы денег. Но как будто этого было недостаточно, раз в два года даймио должен был совершать великолепное путешествие в резиденцию сёгуна с большой свитой и проводить там полгода в своем дворце с единственной целью - освободить свою личную казну от опасных для государства излишеств с помощью великолепных пиров. Ведь, как гласит старая поговорка, без денег нельзя вести войну.

Однако все эти меры сами по себе не смогли бы обеспечить сохранение мира на протяжении десяти поколений, если бы Токугава не использовали самое мощное оружие, доступное смертным: Веру и Волю.

Вбив в душу самурая веру в безусловную верность и потребовав от него нестигаемой воли жертвенно хранить эту верность и после смерти, Токугава Иэясу не только создал непоколебимый фундамент для своей домашней власти, но и новый тип человека, который сегодня является образцом для всего японского народа.

Необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что этот новый японский человек появился не вдруг, а стал результатом кропотливой и упорной воспитательной работы. Уже в пять лет самурайский сын должен был пройти первые испытания на смелость (пересекать овраги на раскачивающихся бревнах, посещать места, где проводились обряды ночью) и сделать свое юное тело безчувственным к жаре и холоду (не пить во время прогулок при ярком солнце, посещать храмовую школу зимой без обуви и в легком зимнем кимоно и т.д.). В 15 лет самурайский отпрыск получал от отца два меча и поступал в «университет».

Самурайская школа эпохи Токугава была поистине университетас («всеохватывающей») в понимании западной античности. Здесь весь человек обучался умственно (Bun) и физически (Bu). Однако одной лишь эрудиции и умения владеть оружием было недостаточно, чтобы стать самураем, если обучаемому не хватало честности (характера).

Без любви к чести, без искренности, без доброты к слабым и безсильным (под которыми подразумевалась огромная масса безоружного японского народа) даже самый лучший фехтовальщик, самый лучший знаток классической философии не мог стать идеальным самураем.

В двадцать лет молодого религиозного деятеля выпустили из школы со следующими словами: „Меч - это душа самурая,

а верность своему господину - его честь. Тот, кто потеряет и то, и другое, не будет прощен».

С тех пор самурай носил свои два меча гордо и скромно одновременно. Гражданину было позволено дать себе волю, человек с двумя мечами должен был практиковать самодисциплину всю свою жизнь. 56-й закон Иэясу (Ieyasu) гласит: «Внутренняя сила меча заключается в том, что он пугает противника даже в ножнах». Но горе, если меч вылетал из ножен на поединок после того, как его владельца оскорбили: один из двух фехтовальщиков оставался лежать на земле мертвым, а оставшийся в живых должен был совершить сэппуку (Harakiri), чтобы его семья не лишилась жизни!

Инцидент, произошедший во дворце сёгуна 21 апреля 1701 года, и сегодня вспоминается в Японии как яркий пример этого понятия о чести:

Именно здесь Даймио из Эдо был оскорблен неким Кирой Йошинака. Ако выхватил меч и хотел зарубить своего противника, но ему помешала стража. Однако, поскольку во дворце сёгуна было запрещено обнажать оружие, Ако пришлось в тот же день совершить сэппуку. Последователи Ако, 47 самураев, в течение двух лет скитались без хозяев по всей Японии.

Они сдавали себя в наем крестьянам и ремесленникам, чтобы собрать деньги на новое оружие. В начале декабря 1702 года 45 из 47 приверженцев встретились со своим предводителем Оиски Кураносукэ и через несколько дней взяли штурмом замок оскорбителя Киры Ёсинака. Кира был зарублен на куски до неузнаваемости. Затем 45 самураев с холодной естественностью совершили сэппуку.

Когда двое отставших узнали о поступке своих товарищей, они тоже покончили с собой. Чувство чести самураев не оставило им другого выхода после того, как их господин был отомщен.

Небольшое кладбище, где похоронены эти «47 самураев Ако», до сих пор почитается современными японцами как

самый ценный мемориал высшей верности. Вы можете зайти туда, когда захотите, но на простых надгробиях вы всегда найдете свежие цветы - призрачные знаки вечной памяти.

«Почитайте Императора и изгоните Варваров!»

В начале XIX века государство Токугава, созданное с таким гением и энергией, демонстрировало все более вопиющие признаки неуклонного самоотравления. Например, закон об обязательном проживании, который должен был обеспечить поддержание мира в стране путем наложения крайних трудностей на даймио (князей), действовал как неумолимый и прогрессирующий разрушитель всей национальной экономики. Дворянину, вынужденному на полгода переехать в столицу, нужны были деньги. И купцы Киото и Осаки выдавали ему эти деньги в обмен на залог дорожных денег его провинции. Таким образом, за несколько поколений купеческий класс, презираемый дворянством, обрел такую власть в государстве, что в пословице можно было бы сказать: «Князья дрожат, когда купцы сердятся». -

За мешки с перцем в Осаке брали до тридцати процентов ростовщического процента! Эта непомерная задолженность дворян и их крестьянских последователей неизбежно привела к катастрофическому сужению продовольственной базы всей нации. Бегство из деревень, урбанизация, сокращение населения из-за голода, аборт и отказ от детей, моральное разложение и растрата народной энергии на безрассудные занятия - таковы были безошибочные симптомы болезни государства.

Даймио (правитель) Мито опубликовал памфлет, в котором первые историки того времени доказывали, что не сёгун (императорский наместник), а император является законным носителем императорской власти, и что верность императору, таким образом, обязательно предшествует верности сёгуну. Достаточно было сделать небольшой толчок, и правлению Токугава пришел конец.

Толчок пришел - извне.

В марте 1854 года энергичный коммодор Перри, старый борец за свободу Америки, появившийся у берегов Эдо (Токио) с 250 морскими орудиями, совершил всемирно- исторический подвиг - открыл Японию. Сёгунат - император отказался от каких-либо переговоров - обеспечил американцам свободное передвижение по всей Японии. В позе спасителя (знакомой нам, немцам, по президенту Вильсону) генеральному консулу Харрису удалось в течение двух лет закрепить за США опеку над Японией на целую человеческую эпоху.

Когда основные гавани Эдо и Осаки были открыты для европейцев, первая буря протеста поднялась со стороны князей Даймио, собравшихся вокруг императора. Министры сёгуна, посетившие Киото, были избиты населением под громкие крики « Sono-jō-i»

(Почитайте Императора и изгоните Варваров).

Прибывшие французские, британские и русские эскадры заставили сёгуна подписать новые договоры, в то время как император по-прежнему жестко враждебно относился ко всему иностранному шантажу.

В марте 1860 года ненавистный канцлер Токугава Камон пал под ударами мечей безхитростных самураев (Ronin). С этих пор ронины, изгнанные из дома и двора покладистым правительством, стали вечно бдительной совестью нации, решительно настроенной - подобно святой пастве Альберта Лео Шлагетера в самый позорный период Германии - на фанатичную борьбу против любого международного порабощения Империи Солнца.

Вскоре все великие державы имели свои представительства в Эдо. Только Германия не имела. Германской империи не существовало. Была только Пруссия и «Германский таможенный и торговый союз». Правительства Берлина, Дрездена, Шверина, Любека, Гамбурга и т. д. решили, что нужно что-то делать. Неудобно было идти под крыло англосаксонской конкуренции, когда речь шла о торговле с Японией.

В мае 1860 года под руководством графа Эйленбурга отплыла первая прусская экспедиция в Восточную Азию. Когда осенью того же года прусский военный корабль «Аркона» прибыл на рейд Иокогамы, над Японией бушевала гроза. Граф Эйленбург должен был заключить договоры не только для Пруссии, но и для «Германского таможенного союза». «Договоры с двумя государствами?» - нервно спросил министр Андо Цусима. - «Нет. С Пруссией и тридцатью с лишним немецкими государствами, входящими в Таможенный союз». - « .. С тридцатью государствами?» - ошеломленно произнес министр. «С Пруссией - да; но с тридцатью германскими государствами - об этом не может быть и речи!» - Недели переговоров...

В Новый год 1861 года японский государственный секретарь заявил, что в договор, который уже был окончательно оформлен, необходимо внести одну поправку. В одном из предложений содержалась фраза «немецкий язык», которую нужно было заменить на «прусский язык», поскольку немецкий был языком тридцати государств Таможенного союза!

С трудом нам удалось убедить госсекретаря, что пруссаки тоже говорят по-немецки. Через несколько дней договор был подписан. При отъезде из Японии прусский посланник вместо обычных денежных подарков вручил японскому почетному караулу мечи и олени шлемы. Это вызвало бурное ликование среди храбрых самураев: «Пруссаки не все делают деньгами - хороший знак!»

Сёгунат терпел одну неудачу во внешней политике за другой. В январе 1868 года самураи императорских князей Сацума, Мито и Тоса, верные императору, захватили власть в стране. Они выгнали из императорского дворца верных сёгуну придворных гвардейцев, которые с этого момента составляли телохранителей. Сёгуну было приказано вернуть временную власть в руки своего императорского господина. Сёгун Кэйки сопротивлялся с большим трудом и потерпел

жалкое поражение в трехдневном сражении, в котором использовались только меч и копье (30 января 1868 года).

С большим трудом ему удалось бежать в свою резиденцию Эдо на американском военном корабле. Здесь его государственный советник Кураноками попросил его спасти свою честь, совершив сэппуку (Harakiri). Но сегун отказался, предав добродетели, которые привели его дом к верховной власти. Отныне честь и верность принадлежали только солнечному знамени императора.

Всего через несколько недель после провозглашения молодого императора Муцухито некоторые самураи князя Тоса доказали, что старый дух самопожертвования жив как никогда. Они увлеклись и обстреляли французское исследовательское судно. Чтобы спасти молодую империю от гибельных связей, они согласились выполнить французский ультиматум, требующий их самоубийства в присутствии европейских свидетелей.

Французский капитан Пти Туарс получил довольно неприятный приказ присутствовать с двадцатью людьми на жуткой церемонии в храме близ Сакаи. Когда он прибыл на место, двор храма уже был заполнен двумя мечниками, которые освободили лишь немного места для его маленькой группы. Прошло некоторое время, прежде чем в зал храма вошел первый приговоренный к смерти и началось непонятное зрелище:

«Первый приговоренный, а их было двадцать, разрезал свое тело так, что внутренности вывалились наружу, и с ними в руках пел издевательские песни в адрес чужестранцев, осыпая их оскорблениями и проклятиями. Второй сделал то же самое, и остальные последовали примеру своих предшественников с большей или меньшей энергией и яростью. Волнение среди присутствующих самураев росло с каждой упавшей головой.

Становилось все темнее и темнее, и капитан де Петит Туарс начал подумывать о том, удастся ли ему и его маленькому

отряду выбраться из этого ведьминого котла с целыми шкурами. После того как одиннадцатый человек искупил свою вину – одиннадцать французов были убиты, - ему пришлось в голову заявить, что он поставит перед посланником вопрос о том, что правосудие свершилось недостаточно, и поэтому дальнейшие казни следует отложить. Он удалился со своими людьми, и посланник одобрил этот шаг офицера, который был настолько разумным, насколько он соответствовал обстоятельствам. (По словам Брандта.)».

Самурай XX века подчиняются неписанному закону

12 октября 1868 года молодой Муцухито вззошел на трон в качестве 122-го императора Страны восхода солнца. Он дал наступившей эпохе бессмертное имя Мэйдзи (произносится как Мэйдзи, «эпоха просвещения»). Старый Эдо стал «восточной столицей», то есть Токио. В марте первого года Мэйдзи некоторые даймио (князья) ради единства империи решили добровольно вернуть императору свои вотчины, которыми они должны были продолжать управлять в качестве императорских губернаторов до конституционной реформы.

После того как все, кроме семнадцати ярых сторонников сёгуна, вернули свои вотчины, в Токио был создан первый парламент, состоящий только из самураев. Первая парламентская сессия была жаркой.

Предложение правительства ограничить ношение двух мечей только военнослужащими и отменить почетное самоубийство (Seppuku) было отвергнуто подавляющим большинством голосов. 18 апреля 1869 года император внезапно покинул Киото и вскоре после этого во главе 2 000 самураев вошел в Токио. На следующий день в городе появились безчисленные плакаты с надписью:

«Изгнание варваров всегда будет высшим законом страны!» Теперь император проявил себя как благочестивый лидер: повсюду он вмешивался, давая указания, ободряя песси-

мистов и утихомиривая огнепоклонников. Всегда стремясь к примирению и объединению всех сил, он относился к своим противникам с победной снисходительностью, как только побеждал их.

Муцухито был настолько впечатлен успехами прусской армии во Франции, что издал указ о введении всеобщей воинской повинности в 1871 году одновременно с окончательной отменой феодальной системы. Даймио и самураям, добровольно отказавшимся от своих привилегий, было обещано единовременное выходное пособие. Членам самурайского ордена теперь приходилось обращаться к буржуазным профессиям, если они не могли быть приняты в армию или владели поместьем.

Многие из них отправились в Европу в качестве студентов, в том числе и некоторые седые головы. Домой они возвращались как солдаты фабрики Тэнно, как квалифицированные врачи или инженеры-механики.

Годы между 1875 и 1885 были наполнены упорным трудом по строительству фабрики, плоды которого созреют лишь спустя десятилетия. Лишь немногие европейцы и американцы знали о беспокойной деятельности в Японии, о министрах и солдатах, которые буквально до смерти работали в офисах и казармах, на заводах и верфях.

С 1874 года из победоносной Бисмарковской Германии были вызваны десятки советников. Ученые, государственные служащие и офицеры. Посланник в Берлине, виконт Аоки, выступал посредником. В университете преподавали доктора Скриба и Базэльц, ставший впоследствии личным врачом Микадо. Генерал-майор Мекель и его преемники В. Бланкенбург и В. Вильденбрух заложили основы армейской организации, которая в будущем позволит Японии стать мировой державой.

Полицейский советник Хён создал полицию, доктор Грассманн занимался лесным хозяйством, а геолог Науманн исследовал геологическое строение японских островов. Не-

мецкие архитекторы строили важные государственные здания в Токио под руководством градостроителя Геймрата Энде, президента Прусской академии художеств.

Французское влияние в армии, укоренившееся в Японии со времен союза сёгуната с Наполеоном III, неуклонно снижалось. Законодательство, которое ранее полностью зависело от французского духа «Кодекса Наполеона», теперь, благодаря работе профессора Германа Рёсслера, также познакомилось с германским взглядом на право. Рёсслер также разработал проект японской конституции, основанной на прусско-баварской модели.

Двое мужчин - одна Воля

К самураям в доспехах теперь присоединились самураи во фраках. Вместе с фельдмаршалом Ямагатой дипломат Ито, «японский Бисмарк», боролся за превращение Японии в мировую державу. Как день и ночь - борясь друг с другом и все же образуя высшее единство, - Ито и Ямагата стояли друг напротив друга. Создатель конституции Ито, мастер слова, гибкий и жесткий, как бамбук, своими успехами был обязан извечной тактике джиу-джитсу «победа через уступку», тактике кулака в бархатных перчатках.

Ямагата, молчаливый, жесткий, непопулярный, маячивший в темноте на заднем плане властной сцены, ковал и охранял меч нации для момента молчаливого действия.

Стратегически верная расстановка этих двух самураев, осуществленная гением Муцухито, привела к уникальным успехам империи Мэйдзи в современной мировой истории: победе над Китаем в 1895 году и над Россией в 1905 году.

30 июля 1912 года умер император Муцухито, и теперь он живет вечной жизнью Мэйдзи Тэнно в качестве полубог-покровителя Ками. В тот самый час, когда Тэнно, как великому из древних, готовят последний штаб в Куриной могиле Момоямы (недалеко от Киото), генерал Ноги, завоеватель

Порт-Артура, отправляется в Царство Ками по пути сэппуку, чтобы похоронить его.

Как в мифические времена люди племенного князя позволяли похоронить себя заживо после его смерти, так и самурай Ноги - а вместе с ним и его храбрая жена - отказались пережить своего господина. Однако молодой император Ёсихито (1912-1926) обнаружил на своем столе документ, в котором Ноги страстно умолял его поддерживать добродетели предков.

Железный Фундамент

18 сентября 1931 года лейтенант Канадзава получил приказ отправиться в Маньчжурию. «Война уже здесь», - сказал он жене. «Я готова принять все, что наступит», - ответила она. «Хорошо сказано, мой дорогой, прощай!» Когда он стоял в палисаднике, она дрожащим голосом позвала его за собой: «Сражайся храбро и умри достойной смертью!» Он рассмеялся: «Надеюсь, вы не будете ждать меня с детьми, даже если я вернусь домой в ясене!» - «Лейтенант Канадзава, вы остаетесь с командованием этапа в Чанчуне», - приказал командир роты. «Капитан, вы не хотите, чтобы я отправился с вами на фронт?» - «Дежурство на сцене не менее важно, чем на передовой, Канадзава... Кстати, я думал и о вашей семье, у вас шестеро детей...» - «Хорошо, я подчинюсь, но ты не сможешь помешать мне совершить сэппуку в твоём присутствии в конце кампании». . «Но, ради всего святого, по какой причине? - Чтобы наказать себя за то, что в течение многих лет бесполезно выманивал у государства деньги на мое военное обучение...!» - Капитан долго молчал, а потом медленно сказал: «Я мог бы посадить вас под замок... «Слушаюсь!» Лейтенант Канадзава глубоко поклонился своему начальнику. - На следующее утро лейтенант Канадзава получил приказ сопровождать своего капитана на фронт. В марте 1933 года он был убит во время боев за Дзёхоль.

Самурайского ордена больше нет, но его неписанные законы и сегодня являются железным фундаментом Империи Солнца, несмотря на все параграфы, которые являются неотъемлемой частью современного государственного аппарата. В спокойные времена японцам достаточно писаных законов, которые мало чем отличаются от западных, но в бурные времена только вечные добродетели являются верным руководством.

БУСИДО – ДУША ЯПОНИИ

BUSHIDO

DIE SEELE JAPANS

Eine Darstellung des japanischen Geistes

von

PROFESSOR DR. INAZO NITOE, TOKIO, JAPAN

Aus dem Englischen übertragen von

ELLA KAUFMANN

In neuer autorisierter Bearbeitung von

H. KLÄNKE

Моему уважаемому дяде Токитоси Ота (Tokitoshi Ota), который учил меня уважать прошлое и восхищаться духом самурая, я посвящаю эту небольшую книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Примерно 10 лет назад, я провел несколько дней в гостеприимном доме выдающегося бельгийского юриста, профессора г-на де Лавелье (1). Во время одной из прогулок, наша беседа коснулась темы библейских заповедей. «Вы считаете», - спросил почтенный профессор, - «что обучение в школах ведется отдельно от религии?». На мой утвердительный ответ, он резко остановился и с интересом уточнил: «но если в школах прописные истины не преподаются, то каким образом ученики узнают о них?». Этот вопрос ошеломил меня и я не мог найти какого-либо удовлетворительного ответа. Все, что я знал о морали, я узнал вне школьных стен. Я начал анализировать различные знания, которые сформировали мое понимание этики и в ходе этих исследований соприкоснулся с Бусидо.

Также одной из причин для написания этой небольшой книги стали вопросы, часто задававшиеся мне женой (она была американка) - почему и какие идеи повлияли на мировоззрение японцев. В поисках ответов на вопрос г-на де Лавелье и моей жены, я пришел к выводу, что Бусидо времен феодальной Японии и его влияние на современную жизнь до сих пор мало изученная тема.

Используя вынужденное безделье вследствие моего вынужденного отдыха, у меня было много времени, чтобы представить читателю некоторые сведения, полученные из домашних бесед во времена моего детства, когда в Японии еще была феодальная система.

Я выражаю особую благодарность г-ну Лафкадио Хирну (2) и г-ну Хью Фрэзеру (3), а также профессору Чемберленского университета г-ну Эрнсту Сатоу (4) за тяжелый труд по переводу моей книги с японского языка на английский язык. Я часто думал с сожалением, что если бы я достаточно хорошо знал английский язык, то смог бы более точно описать традиции древней Японии. Но не имея этой возможности, я чрезвычайно признателен им за то, что они смогли для меня сделать.

В тексте повествования я использовал примеры из европейской истории и литературы, полагая, что это поможет иностранному читателю лучше понять суть рассказываемого.

Я старался не морализировать на темы христианского учения, но тем не менее считаю принципиальным высказать свое мнение о том, что современные духовные методы и формы искажают истинное учение Христа. Я искренне верю в учение Христа и его заповеди, преподанные нам в Новом Завете, как в закон Божий, написанный из глубины сердца. Кроме того, я считаю, что послание Божие предназначено для всех, будь то язычники, христиане или представители иных верований.

В заключение хочу выразить отдельную благодарность моему другу г-же Анне К. Хартшом (Anna C. Hartshome), которая оказала мне неоценимую помощь при написании этой книги.

Инадзо Нитобэ

ВВЕДЕНИЕ

Автор книги, доктор Инадзо любезно предложил мне написать вступительную часть к этому новому для англоязычных читателей изданию. Я знаком с автором более 15 лет, а с темой его книги более 45. В 1860 году, в Филадельфии (ранее в 1847 я имел возможность видеть там же флагманский корабль «Саскэганна» commodора Перри (5)) я впервые увидел японцев, которые прибыли из Эдо в качестве членов японского посольства. Эти люди меня поразили, ведь в те времена Бусидо был все еще действующим кодексом самураев.

Позднее, обучаясь в колледже Ратджерс (Rutgers, New Brunswick, N.J.) я в течение 3 лет общался со своими сокурсниками из Японии. В те дни в разговорах с ними я часто слышал о Бусидо и заинтересовался им. Какой удивительный порядок жизни был у этих будущих управляющих, дипломатов, военных, педагогов и банкиров, даже ритуал погребения «впавшего в вечный сон» на «кладбище ивового роши» - все

было пронизано таинственным духом далекой и загадочной Японии. Я никогда не забуду, как мой сокурсник Кузакабэ (Kusakabe (6)), из самураев, незадолго до своей трагической кончины, ответил на предложение о предсмертном причастии: «даже если и существует ваш господин, Иисус, то как я могу нарушить его покой своими речами о моих неблаговестивых поступках». Так, проводя вместе время с сокурсниками из Японии, занимаясь спортом или просто перебрасываясь шутками за столом во время ужина, я невольно противопоставлял два мировоззрения - японского и американского. Беседуя с ними на темы этики, я старался узнать, как больше о «неписаном кодексе», о котором когда-то мне писал мой друг Чарльз Дадлей Уорнер (7). Даже наши понятия эстетики разительно отличаются. Как писал один японский поэт, примерно тысячу лет назад:

«Бродя по болоту, влажные цветы, оставляют капли на одежде, блестя как парча, любуюсь ими и не стряхну их с моего плеча.»

Я безконечно удивлялся их культуре. Ведь наша жизнь это только хитроумное переплетение научных знаний и суеверий. И поэтому в исследованиях культуры, этики, религии и традиций других народов всегда можно открыть для себя не только что-то новое, но и полезное.

Следуя своим интересам, в 1870 году, я поехал в качестве консультанта по введению общественно-образовательной системы по американскому образцу в Японию, и оказался в городе Фукуи (Fukui), провинции Этидзен (Echizen), в котором все еще продолжала действовать старая феодальная система. Там я впервые столкнулся с проявлениями Бусидо не по рассказам, а наяву. Изо дня в день я видел его реальное воплощение: в чайных церемониях «Тян-но-Ю», в занятиях дзю-дзюцу, я видел ритуал харакири, созерцание на циновках, коленопреклонения перед самураями на улице, правило «меча и дороги», неторопливые приветствия и самые вежливые обороты речи - каноны искусства поведения, ритуалы

поведения женщин и детей самураев. Эти правила выполнялись сызмальства каждой девочкой и мальчиком. Я во отчую увидел то, о чем доктор Инадзо, будучи сам самураем, писал так изящно и убедительно, с такой широтой понимания и представления. Японская система феодализма умерла не бесследно, ее удивительный «цветок света» - Бусидо, продолжил свое благоухание.

Наблюдая лично за реформацией японского феодализма и вместе с ним Бусидо, я могу свидетельствовать правдивость рассказанного в этой книге. Она написана умелой рукой мастера и повествует о событиях, о которых вот уже тысячу лет так великолепно размышляет японская литература. Благородный кодекс слагался в течение 10 веков и автор книги тонко подмечает переломные моменты пути, по которому шагали миллионы благородных душ его соотечественников.

Эта книга углубила мои познания и убеждение в ценности Бусидо. Несмотря, на двадцатое столетие, автор книги прекрасно осведомлен в древней истории Японии. Даже сейчас, с точки зрения иностранца, современное поколение японцев, не взирая на возраст, несет на себе отпечаток своего недавнего прошлого. Несомненно, что духовные качества современного японского общества все еще находятся под влиянием кодекса самураев.

Сахарный кубик растворился, подсластив чашку чая, но аромат чая остался. Кодекс самураев, невзирая ни на что, продолжает жить в его народе.

Возможно вы скажете, что доктор Инадзо несколько идеализировал Бусидо. Это риторический вопрос. Он считает себя «человеком, принявшим вызов». Всем идеям, культам и системам по мере своего развития свойственно изменяться.

Постепенное накопление и медленное обретение гармонии – это закон. Бусидо в своем развитии не достиг заключительного этапа. Он все еще жив, поскольку «умер» в расцвете своего блеска и славы. Столкновение Японии с мировым прогрессом и связанные с этим процессы, которые последо-

вали за вторжением эскадры Перри и Харриса, все это привело к крушению многовековой феодальной системы. И Бусидо пребывает отнюдь не «забальзамированной мумией», он продолжает быть опорой мировоззрения японцев. Япония открывшись для мира, продолжает сохранять свою культуру. Эта реформация, грандиозная по своим масштабам, стала уникальным и позитивным примером для всей Азии. Но и сама Япония дала многое миру. Влияние японской культуры ощущается не только в наших садах и домах, украшенных цветами, картинами и другими уникальными произведениями японского искусства, но и во новом взгляде на физическую культуру, общественную гигиену, а также на идеи войны и мира.

Автор книги предстает перед нами не только как талантливый рассказчик, но и как мудрый учитель, знающий прошлое и настоящее. На сегодняшний день ни один человек в Японии не составил более гармоничного описания и комментариев к Бусидо. Автор книги являет нам собственный жизненный пример напряженного труда, мастерства руки и кисти. Светоч прошлого, доктор Инадзо, является истинным представителем новой Японии. От Формозы (Окинава) - новой японской провинции - до Киото доктор Инадзо почитается, как ученый и практик, который приложил кропотливые усилия для создания этого исторического труда.

Эта небольшая книга о Бусидо, является своеобразным посланием к Западу. Это - достойный вклад в дело решения великой проблемы – понимания и обретения гармонии между культурами Востока и Запада. Человечество пережило множество цивилизаций. Противопоставление «Восток» и «Запад», со всем сонмом взаимного невежества и пренебрежения должно уйти в прошлое. Нужно выбрать лучшее - мудрость и коллективизм Азии и энергию и индивидуализм Европы и США.

Доктор Инадзо - истинный исследователь традиций. Будучи знаком с заповедями христианства, он приводит примеры

из текстов священного писания, размышляя об этических, рационалистических и духовных аспектах жизни человека. В своем предисловии автор пишет, что он не претендует на разрушение веры человека иной религии. Это дает мне уверенность думать, что даже в столь отдаленной Японии,

христианство со временем перестанет быть экзотическим учением и пустит глубокие корни в почву, на которой когда-то вырос кодекс самураев. Я думаю, что с глаз японцев спадет пелена заблуждения и учение Господа станет им столь же насущным, как и воздух.

Преподобный Уильям Эллиот Гриффис (8) Итака (Ithaca), май, 1905

БУСИДО КАК ЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Бусидо как цветок - эпитет не менее подходящий для Японии, как и ее символ - цветок вишни. Это не засохшее растение, которое хранится в «гербарии» истории человечества. Это живое воплощение силы и красоты, если даже при этом он не имеет определенного материального образа или формы. Его аромат - моральный дух - дает нам понять, что мы все еще находимся под его мощным влиянием. Ранее существовавший порядок безвозвратно ушел, но как и звезды, которые давно угасли, но продолжают слать нам свой далекий свет, так и Бусидо, возникший еще во времена феодализма, продолжает освещать нам путь человека. В этой книге я позволю себе поразмышлять об этом, а также произнести несколько панегириков на забытой могиле его европейского аналога.

Мне приходится с грустью констатировать, что о моральных ценностях Дальнего Востока в мире все еще существует множество заблуждений. Например, недавно известный ученый, доктор Джордж Миллер (George Miller) без малейших сомнений утверждает, что понятий благородства, как и иных аналогичных категорий, на Востоке никогда не существовало.

Такое невежество по-видимому объясняется тем, что третья книга доктора Миллера вышла в год, в который commodор Перри открыл «двери нашей исключительности». Спустя всего десятилетие после вторжения в Японию иностранцев, наш феодализм уже содрогался в предсмертной агонии, а Карл Маркс в своей книге «Капитал» призывал читателей к последней исключительной возможности изучения социальной и политической системы феодализма на примере Японии. В качестве неожиданного сюрприза, я хотел бы порекомендовать ему также призвать западных историков и этнографов к исследованиям этических норм в феодальной Японии.

Я бы мог пуститься в исторический экскурс, сравнивая понятие благородства во времена европейского и японского феодализма, но это не является темой этой книги. Я хочу рассказать прежде всего об истоках происхождения нашего понятия благородства; затем охарактеризовать его и методы его воспитания; отразить его влияние на общество и в заключении рассказать о его преемственности и будущем. По первому пункту я дам только краткий обзор, поскольку не хочу вводить читателя в глубины нашей национальной истории; на второй части я остановлюсь подробнее, так эта тема может заинтересовать лиц, изучающих мировое культурное наследие и этнографию; последние две темы будут дополнением к двум первым.

Японское слово «благородство» более точно отражает суть этого понятия, чем «рыцарство» в европейских языках. «Бу-Си-До» дословно переводится как «Путь благородного воина», которое подразумевало свод этических норм, которых должен был придерживаться каждый воин в своей жизни. Бусидо был этическим кодексом высшего сословия в феодальной Японии - самураев. Таким образом, объяснив значение слова «Бусидо», я позволю себе его использование далее в книге.

Использование оригинального названия также необходимо для того, чтобы более тонко объяснить сущность этого

уникального явления, которое имело настолько огромное влияние на мировоззрение японцев, что заслуживает уважение в самом своем имени.

Некоторые слова имеют свой национальный колорит, столь выразительный, что лучшие переводчики не способны подобрать к ним аналогичные слова в своих языках.

Таким образом, Бусидо – это свод моральных качеств, которые требовались от воина, или принципов, которые он был обязан соблюдать. При этом Бусидо никогда не существовал ни в устном, ни в письменном изложении. История сохранила лишь отдельные цитаты из него, записанные в свое время некоторыми прославленными воинами или философами.

Тем не менее, этот негласный и неписанный кодекс обладал силой настоящего закона, хранимого в сердце каждого воина. Бусидо не был результатом труда одного человека и не был описанием жизненного пути конкретного воина. Бусидо сложился в результате опыта и идей множества поколений воинов. Его можно сравнить с английской конституцией, но все же он имеет мало общего с тем, что называется «Великая хартия вольности» (Magna Charta) или «Закон о судопроизводстве» (Habeas Corpus Act), по которому виновный в злодеянии человек предавался суду. Правда, имелось «Уложение о самурайских кланах» (Буке-Сё-Хатто), написанное в 17 веке сёгуном Токугава Иэясу (1542-1616), но в его 13 коротких главах были в основном изложены правила, касающиеся брака, устройства замков, организации кланов и т.д. Поэтому у меня нет возможности достоверно сказать, что послужило причиной для возникновения Бусидо.

Поскольку истоки Бусидо теряются в глубине веков, то периодом его возникновения можно считать начало возникновения феодализма в Японии. Феодальная система по мере своего развития изменялась, и вместе с ней и Бусидо. Периодом зарождения феодальной системы в Англии считаются времена норманнского нашествия (12 век). В Японии феодальная система также возникла в 12 веке, в период Ка-

макура (9). Поскольку имеются сведения, что в Англии отдельные элементы феодального общества существовали еще до времени вторжения (1066) в Англию армии Вильгельма Завоевателя, то вполне вероятно, что это могло происходить и в Японии.

С незапамятных времен в Японии, как и в Европе, профессия воина была окружена почетом. Сословие воинов в средневековой Японии имело название «самураи», что примерно соответствует понятию «рыцарство» в английском языке. Оно происходит от старо-японского слова «воин» - «бу-си» (bu-shi) или «бу-кэ» (bu-ke). Во времена раннего феодализма по своей сути самураи представляли собой воинов или стражников по типу солдат Аквитании или германских ландскнехтов («солдаты удачи»), о которых говорили римский император Цезарь (10) и историк Тацит (11). Для них война или убийство были непосредственным средством к существованию. За времена продолжительных войн из этих людей выкристаллизовались умелые и храбрые воины. На смену армии варварского типа, говоря словами американского пацифиста Эмерсона (12), «животной и примитивной силы», пришла строгая регламентация воинских рангов и структуры самурайских кланов. Новая самурайская иерархия возвысила понятие «честь», «привилегия» и «статус», а также уточняла обязанности самурая каждого ранга (13). Следом за этим возникла необходимость в общих стандартах поведения, что было особенно важно, учитывая наличие оружия у самураев и их принадлежность к различным кланам.

Бой по честным правилам! Какие основы заложены в основу такой морали, этой своеобразной смеси жестокости и ребячества. Из чего рождается чувство воинской или гражданской чести? Мы читаем с улыбкой (видимо, вспоминая в своем детстве страстное желание самоутвердиться перед взрослыми), как юный англичанин Том Браун (14) отстаивал свое право на уважение. Кому из нас не знакомо желание юношеского самоутверждения, этого фундамента, на

котором впоследствии строятся наши моральные принципы? Требование Тома – это традиционная основа, на которой в значительной мере выстроено величие Англии. Но можно без преувеличения сказать, что в Японии Бусидо основывается на не меньших принципах уважения человека к человеку.

Большинство квакеров считают, что бой – это только агрессия и жестокость, то есть нечто злобное и недостойное человека. Но вспомним слова Лессинга (15): «наши достоинства - это продолжение наших недостатков» («Натан Великий»), а также Рескина (16): «расцвету благородства мы обязаны войнам» («Венец из дикой маслины»). И я вполне согласен с мыслью, что ужас войны позволяет продемонстрировать не только отвагу, но и выявить самые высокие качества характера человека. Возможно эта мысль кому-то покажется странной и быть даже крамольной, но в этом суть человечества... Дух любой нации крепнет в испытаниях войной и приходит в упадок в мирное время. Или говоря иными словами, высокие понятия морали рождаются в страданиях и умирают в наслаждениях.

Эпитетами «подлец» и «трус» называют человека с наихудшими качества характера. Что они значат и такое «честно» понимают даже дети. И поскольку со временем жизнь человека становится более сложной и включает в себя более многосторонние отношения, то эти одни из самых первых понятий детства, приобретают со временем еще более высокие и тонкие критерии, становясь мерилем всех наших поступков и поступков других людей.

Идеал воинского благородства никогда бы не возник, если бы военные не уделяли должного внимания высоким нравственным качествам воина. Христианство также всегда по достоинству оценивало благородство, считая его высоким духовным проявлением в человеке. «Религия, война и слава - вот три главных качества души прекрасного христианского рыцаря», - писал Ламартин (17). Поэтому и Бусидо также в своих основах исходил из идеалов благородства.

ОСНОВЫ БУСИДО

Я начну с Дзэн-буддизма. Вера в карму и понимание ее неотвратимости, самообладание в любой опасности или горе, брэнность жизни и осознание неизбежности смерти – все это Дзэн. В старину, когда мастер меча видел, что ученик постиг большую часть искусства, говорил ему: «больше я тебе ничем помочь не смогу - дальше начинается Дзэн». «Дзэн» - это японский эквивалент древнеиндийского учения «Дхьяна» (Dhyana), в котором «если ум спокоен и не замутнен мыслями или желаниями, то позволяет увидеть свое глубинное Я» (Лафкадио Хирн, «Экзотика и перспективы», «Exotics and Retrospectives», с. 84).

Методы Дзэн основаны на медитации (созерцании), с помощью которой постигается единый универсальный принцип, который лежит в основе всех явлений природы или иными словами – это постижение законов природы и обретение, таким образом, своей гармонии в жизни. Человек, обретший гармонию, по-иному воспринимает «Небеса и Землю», его дух свободен от проблем повседневной жизни, поэтому его жизнь наполнена только красотой.

Кроме Дзэна часть принципов Бусидо заимствовал из Синтоизма. Например, преданность суверену, почитание предков, сыновнее благочестие - все это было необходимо для смирения и предотвращения возникновения в самураях высокомерия и заносчивости. В Синтоизме отсутствует понятие «греха». Он проповедует врожденное совершенство и чистоту человеческой души, считая ее проявлением божественного в человеке. Посещая синтоистские святыни можно заметить отсутствие в них ритуальных предметов и изображений святых, за исключением вывешенного на видном месте зеркала.

Присутствие столь странного на первый взгляд религиозного предмета объясняется тем, что согласно синтоистских догм зеркало символизирует человеческую душу, поэтому глядя на себя человек может одновременно видеть прояв-

ление божественного, коим является он сам. Поэтому синтоисты фактически поклоняются самим себе, как божествам. Созерцая себя на гладкой поверхности зеркала человек размышлял аналогично максиме, начертанной над входом в храм Аполлона в Дельфах: «познай себя (и пойми, что противники твои... не такие, какими ты их себе мыслишь» (Хилон). Самопознание в греческом и японском учении не подразумевают изучения в зеркале своих физиологических или анатомических особенностей, это самоанализ своей духовной природы. Историк древнего Рима Моммсен (18), сравнивая древнегреческое и римское язычество, отмечал в своей книге, что поклоняясь своим богам эллины воздевал глаза к небу, поэтому его молитва по сути была обращена извне, тогда как древний римлянин склонял голову, поскольку его молитва была обращена внутрь себя. Римская концепция имеет много общего с японской, их объединяет идея приоритета общества над отдельной личностью. С Синтоизмом также связано поклонение силам природы, любовь к стране, что выразилось в особом почитании императорской семьи, от божественного начала которой, как считается, произошли все японцы. Для японцев их родина – это не просто земля, где они родились, которая кормит и поит их, это также священное место обитания богов и духов их предков, где император считается представителем Небес на Земле, символом гармонии силы и страдания. Бутми (19) писал, что «британская корона это не только символ власти, но и основа национального единства» (*The English people: A study of their political psychology*, 1904, Нью-Йорк, Putnam, с. 188) и эта фраза как нельзя кстати соответствует Японии.

Жизнь японского народа неотделима от главных принципов Синтоизма – патриотизма и преданности. Артур Мэй Кнапп (Arthur May Knapp) как-то заметил: «читая Ветхий завет зачастую очень сложно понять, идет ли речь о Боге или об его избранном народе, о Небесах или об Иерусалиме, только о Мессии или обо всем народе» (*Feudal and Modern*

Japan, Бостон, изд. J. Knight Co, 1897, т. 1, с. 183). Аналогичная двойственность присуща и мировоззрению японцев. Я использовал слово «двойственность», поскольку оно наиболее точно отражает его суть, которая не базируется на какой-то конкретной форме философии или религии. Эта идея или иными словами национальное самосознание полностью нашло свое отражение в Бусидо в виде преданности суверену и патриотизма к стране. Но эти чувства есть не только в Синтоизме, но в Христианской церкви, приверженцам которой вменяется в обязанность не «credenda» (лат. - в веру верить), а «веры придерживаться».

Большое влияние на Бусидо имело и учение древнекитайского философа Конфуция (20). Согласно Конфуцию существует пять великих добродетелей (21), находящихся в гармонии с законами природы и являющихся важнейшими условиями разумного порядка и сосуществования людей. Государство рассматривается как одна большая семья. Кто в семье слушается отца, тот в государстве повинуется правителю. Благожелательный и мудрый характер конфуцианских доктрин прекрасно подходил для самураев, а аристократический и консервативный оттенок этого учения соответствовал требованиям, предъявляемым к управлению государством воинским сословием.

Кроме Конфуция на Бусидо также оказало влияние учение другого китайского философа - Мэн-Цзы (22). Его учение базировалось на тезисе об изначальной доброте человеческой натуры. То есть человек обладает врожденным знанием добра и способностью его творить. Идеи Мэн-Цзы были настолько передовыми для своего времени, что считались опасными для общественного строя, поэтому достаточно долгое время были запрещены. Однако они все же нашли свой отклик в сердцах самураев.

На трактатах Конфуция и Мэн-Цзы воспитывалась молодежь, а изложенное в них воспринималось самураями, как непреложные «буквы закона». Тем не менее, глубокий ана-

лиз классических трудов этих великих философов не поощрялся. Среди самураев бытовало мнение, что худшее для воина, если он изменив своему долгу, погружался в глубины осмысления «Аналектики» (Analects) Конфуция, вставая таким образом на путь философа. Самураи считали жизнь философов путем «книжных червей», не достойным отважных воинов. Они сравнивали философскую мысль с «подгнившим овощем, который нужно долго варить прежде, чем съесть». Человек, который предпочитал долго рассуждать не мог быть хорошим воином. Он утрачивал воинский дух и превращался в философа. Философию ценили как интеллектуальное подручное средство. Но среди самих самураев интеллектуальные изыски или аналитические способности к достоинствам не причислялись. Каждый человек являет собой миниатюрную копию вселенной, включая духовные и этические аспекты. Бусидо чужды идеи Хаксли (23), который отрицает объективные процессы во вселенной, объявляя их безнравственными.

Бусидо – это не сборник заповедей. Это своеобразная методика для постижения мудрости. Самураи сравнивали человека, следовавшего Бусидо без понятий его глубинной сути, с музыкальным инструментом, который играет музыку, но сам не воспринимает ее. Все принципы Бусидо было невозможно изложить на бумаге, поскольку они постоянно менялись, следуя за процессами, происходившими в жизни. К требованиям постоянно менявшегося Бусидо приложима максима Сократа (знание есть действие), которая может соответствовать изречению еще одного древнекитайского философа Ван-Ян-Мина (24): «знать и уметь – это одно и то же».

Здесь я считаю нужным остановиться и несколько подробнее рассказать об учении Ван-Ян-Мина, поскольку японская история хранит множество благородных образов самураев, которые находились под влиянием его идей. Читая трактаты Ван-Ян-Мина западный читатель без особо труда заметит в них множество идей, аналогичных Новому Завету.

Например, с учетом специфики выражений и манеры изложения, присущей христианскому учению, мысль: «ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (От Матфея 6:33) прослеживается почти во всех трактатах Ван-Ян-Мина. Один из приверженцев учения Ван-Ян-Мина – Мива Сиссай (Miwa Shissai) писал: «владыка Небес и Земли и всего живого на земле одарил людей сердцем и разумом (kokoro), поэтому именно ум человека отличает его от всех других живых существ в природе». Или еще: «законы природы, осознанные нами, не могут быть по сути ни плохими, ни хорошими – они просто есть, такие какие они есть и будут всегда, не взирая на наши страстные желания изменить их. Следуя законам природы, мы всегда будем знать, что правильно, а что нет. Это интуитивное мерило правильности и неправильности согласно законов природы люди называют «Совестью»». Суть этих идей разделял Айзек Пеннингтон (25), а также другие западные философы. Этика японского народа, основанная на простых принципах Синтоизма, стала благодатной почвой для восприятия идей Ван-Ян-Мина. Ван-Ян-Мин развил идею совести до необычайных высот, говоря о способности человека не только различать правильное и неправильное, но также выявлять взаимосвязь жизни человека с законами природы. Идеи Ван-Ян-Мина идут далее идей Беркли (26) и Фихте (27), которые отрицают природные процессы вне человеческого восприятия. Хотя идеи Ван-Ян-Мина и несут на себе некоторый оттенок солипстического характера (28) его этический идеал человека не противоречит природе.

Таким образом, на Бусидо повлияло несколько независимых источников, которые он ассимилировал в простые и доступные для самураев понятия. Их было достаточно для того, чтобы сохранять безопасный порядок в обществе даже во времена самых бурных периодов японской истории. Грубая и безхитростная натура древних воинов обрела возможность для духовного роста на основе этических принципов Бусидо,

впитавшего в себя всю мудрость предков и выработавшего идеал воина новой формации.

Мазельер (29) так писал об истории Японии: «в Японии до середины 16 века в управлении государством и религии царил хаос. Но варварство периода средневековых междоусобных войн привело к возникновению определенных критериев поведения благородного воина. Это был тип воинов, аналогичных итальянцам 16 века, о которых французский историк Тэн (30) писал:

«...они энергичны, всегда готовы на отчаянные действия и удивительно стойки» (*Essai sur l'histoire du Japon*, Париж, изд. Nourrit & Cie, 1899). В Японии, как и в Италии грубые манеры, характерные для воинов раннего средневековья, привели к возникновению воинов нового типа, которые характеризовались сочетанием воинственности и самообладания. Именно с началом 16 века наметились первые тенденции к радикальному изменению духовности японского народа. Если к примеру индийский и китайский народы характеризуются в современном мире, как мне кажется, в основном своей энергичностью и мудростью, то японцев отличают особым характером. Как говорит Ницше (31) об Азии: «и печальные мысли приходят в голову о древней Азии и ее выдвинутом небольшом полуострове, Европе, которая во что бы то ни стало хочет казаться перед Азией «прогрессом человечества»». Я позволю себе несколько подробнее рассказать об этике воина нового типа, о котором писал Мазельер. И начну с Прямодушия.

ПРЯМОДУШИЕ (Ги, Gi)

Прямодушие согласно Бусидо должно быть основой характера самурая. Самыми отвратительными признаются лживость и лицемерие. Концепция Прямодушия имеет широкое понятие. Один из известных самураев древности так говорил об этом:

«Прямодушие – это решительность в действиях, когда нужно сражаться несмотря ни на что и пожертвовать своей жизнью, если это необходимо». Другой известный самурай высказывался об этом так: «Прямодушие – это как остов, на котором держится все тело. Как без него голова не может держаться на шее, а руки и ноги действовать, так и без Прямодушия никакие способности или знания не способны выработать у человека самурайский характер». Отсутствие Прямодушия считалось большим изъяном в характере. Мэн-Цзы называл добросердечность, Прямодушие и справедливость главными положительными качествами человека. «Печально наблюдать», - учил он, - «когда люди пренебрегают путем Истины, не видя смысла в жизни в совершенствовании своего ума!

Когда люди превращаются в домашних животных, которые давно разучились существовать самостоятельно». Другой великий философ, постигавший путь истины 300 лет назад, сравнивал разум человека без Прямодушия с «затуманенным зеркалом». Но мне больше нравится выражение Мэн-Цзы: Прямодушие - это кратчайший путь к обретению человеком гармонии в жизни.

Даже в последний довольно мирный период феодализма, во время которого самураи относительно бездействовали и это привело к некоторому упадку их духовных качеств и мастерства в искусствах, эпитет «гиси» (gishi – прямодушный человек) ценился выше востальных. Например, 47 ронинов, история которых в Японии стала примером подвига духа, называют 47 гиси.

Во времена войн, когда процветало коварство, оправдываемое как военная стратегия, наиболее высоко стали цениться доблесть, прямодушие и честность, которые считались величайшими из всех достоинств характера. Прямодушие сродни храбрости - другому ценному качеству воина. Но перед тем, как рассказать о храбрости, позвольте мне несколько подробнее задержаться на одном ключевом моменте, связанном

с искажением первоначального понятия Пряמודушия, которое получило широкое распространение в последнее время. Я говорю о «гири» (giri), которое на японском языке означает примерно «обязанность», выполнение которой человеком согласно общественной морали необходимо. Изначально гири имело более простой и конкретный смысл, как обязанность нашим родителям, руководителям, обществу в целом и т.д. В обоих случаях гири подразумевает обязанность, которую человек обязан исполнять.

Гири, прежде всего, связывается с понятием совести, категорией, которая не существует ни у одного живого существа в природе, за исключением человека. Например, именно совесть обязывает нас любить и уважать родителей. Такая любовь не сродни половой любви между мужчиной и женщиной. Это обязанность любить - так называемое «сыновнее благочестие». Некто очень точно подметил, что гири – это великое достижение человека, который способен любить осознанно. То же самое верно и для других видов наших обязанностей. Если выполнение обязанности становится тягостным, то совесть призывает нас к порядку. Образно говоря гири это нечто нашего личного надсмотрщика с розгой в руке, который заставляет нас выполнять наши обязанности.

Чувство гири всегда имело большое этическое значение. Оно сродни непреложному закону христианской заповеди о любви к ближнему. Но по моему мнению гири, являясь неким искусственным продуктом общества, в котором многое зависит от случая удачного рождения в обеспеченной или высокого социального статуса семье, а также от порядка, укоренившегося в семье, согласно которому старшинство возраста имеет большее значение, чем превосходство талантов, привело к тому, что со временем чувство гири приобрело несколько иной смысл. Чувство гири получило негативный оттенок в связи с такими жестокими поступками как, например, долг матери принесения в жертву своих детей ради спасения своего сюзерена или долг дочери принесения в жертву

своего целомудрия в оплату долгов ее расточительного отца и т.п. Возникнув как понятие высокого морального долга, гири со временем впало в казуистику. Это во многом было связано с боязнью человека общественного порицания. Выражаясь словами английского писателя Скотта: «под маской долга зачастую скрывают совсем другие чувства».

Смысл чувства гири чудовищно извратился. К нему стали применяться все виды софистики (32) и лицемерия. Под чувством гири могла бы легко маскироваться трусость, если бы Бусидо не требовало от самурая еще одного качества - Храбрости.

ХРАБРОСТЬ (Ю, Yu)

Храбрость едва ли можно причислить к достоинствам характера, если побуждающим поводом для ее проявления не является справедливость. В своей «Аналектике» Конфуций объясняя Храбрость, в свойственной ему манере, характеризует ее противоположным качеством. «Понимать, что является справедливым», - пишет он, - «но не действовать согласно этому пониманию, является трусостью». То есть, переиначивая это высказывание в положительное утверждение: «Храбрость – это делать то, что справедливо». Поиски рискованных приключений, необдуманные поступки и другие игры со смертью – все это у многих людей зачастую считается Храбростью и несправедливо прославляется. Но в воинском искусстве такое неразумное поведение говоря словами Шекспира считается «позорной храбростью». Смерть по причинам, не достойным смерти, самураи называли «собачьей» смертью. «Подвергнуть себя необдуманной опасности и погибнуть», - говорил японский даймё Мито (33), - «не геройство, такая смерть просто пошла», - и продолжал, - «истинная Храбрость – это продолжать жить, когда не хочется жить и умереть, когда не хочется умирать». Эта мысль Мито перекликается с идеей Платона (35), который размышляя о Храбрости, говорил: «истинно храбрый человек всегда оди-

наково хладнокровно оценивает ситуацию - вне зависимо от того, происходит это в момент опасности или безопасности». То есть и в Японии и на Западе существует понимание разницы между истинной и ложной Храбростью.

Кто из молодых самураев не слышал поучительных историй о храбрости воина и храбрости глупца? Доблесть, сила духа, храбрость, безстрашие, мужество – все эти качества наиболее импонируют юным умам. Понятия о Храбрости самурая прививались детям с молоком матери. Например, если ребенок упал и расплакался, мать укоряла его: «ты вырастешь трусом, если не можешь стерпеть такой пустяковой боли! А если тебе в бою отрубят руку? Ты опозоришься от страха, если тебе прикажут сделать харакири». Детям самураев рассказывали короткие нравоучительные истории о героической силе духа, например, как в рассказе о маленьком принце Сэндай (Sendai (36)): «крошечные воробушки широко раскрыли желтые роты, потому что видят, как прилетела их матушка, чтобы покормить их. Как жадно и нетерпеливо едят малыши! А для самурая, даже если его живот много дней пуст - позор, чтобы так есть». Существовало множество историй о силе духа и храбрости специально для детей, но воспитание маленького самурая не ограничивалось только рассказами. Строгость подчас граничила с жестокостью, когда родители поручали задания, для выполнения которых детям было необходимо проявить все свое мужество. «Медведица, чтобы медвежонок рос смелым, сталкивает его с обрыва», - говорили родители-самурай. Детей самураев «сталкивали с обрыва», чтобы погрузить их на «дно» сложного для них задания, поощряя их к его героическому решению. Испытания голодом или холодом считались эффективными методами, чтобы приучать детей стойко и без жалоб переносить невзгоды. Маленьких самураев посылали с поручениями к далеко живущим незнакомым людям, заставляли их до восхода солнца упражняться в боевых искусствах, в каллиграфии, в чайной церемонии, изучать китайскую классическую литературу,

плавать в холодной воде и совершать прогулки по снегу. Несколько раз в месяц, по аналогии с ритуалом праздника бога учения, их с вечера собирали группой, чтобы бдить до утра, читая по очереди сутры. Испытание Храбрости с помощью посещения различных таинственных и мрачных мест – заброшенных могил и кладбищ, домов и старых храмов и т.д. - было излюбленным занятием у самурайской молодежи. Во времена, когда обезглавливание было публичным, маленьким самураям наказывалось присутствовать на этой ужасной процедуре, а верхом храбрости среди мальчишек считалось пойти ночью к месту казни и оставить на отрубленной голове какой-либо знак.

Такая ультраспартанская система¹ «тренировки нервной системы» может ужаснуть некоторых современных педагогов, у которых может возникнуть вопрос: а не приведет ли такое воспитание в столь юном возрасте к развитию жестокости у человека? Позвольте мне перейти к следующей главе и объяснить почему этого не происходило.

Строки из пьесы, приводимые далее мною, являются изложением реальной истории об Ота Докан (37) - великом строителе замка в Токио. К нему в дом проник наемный убийца и нанес удар копьем, и зная поэтическое мастерство

¹ Примечание Инадзо Нитобэ: духовный аспект Храбрости взаимосвязывается с Самообладанием – спокойным состоянием духа. Спокойствие духа – это «храбрость на отдыхе» - статическое состояние Храбрости до момента, пока необходимая смелость для выполнения каких-либо дел не переведут ее в динамическое состояние. Истинно храбрый человек всегда спокоен, его невозможно застать врасплох, ничто не поколеблет спокойствие его духа. В пылу сражения он хладнокровен, в момент катастрофической опасности не теряет самообладания. Ни землетрясения, ни тайфуны не пугают его. Мы восхищаемся людьми, которые в минуту смертельной опасности, храня самообладание, способны слагать стихи или проявлять выдержку перед лицом нависшей угрозы. В минуты опасности написать строки недрогнувшей рукой или произносить слова без дрожи в голосе - это ли не верный признак сильной натуры или как еще говорят - человека глубокого ума (уоуи)?

Ота (говорят, что свою подпись он слагал из камней), убийца произнес:

«Только в это мгновение, Наше сердце может оценить
Всю радость жизни».

На что Ота, истекая кровью и не взирая на боль, ответил:

«В тихие часы покоя

Оно было приучено

Смотреть на жизнь без сожаленья».

В Храбрости также присутствует элемент куража. Вещи, которые иным людям кажутся опасными, для других могут быть объектом игры. В старые времена во время войны было нередким, когда противники обменивались остроумными репликами или вступали в поэтическое состязание. Поединки бывают не только с помощью грубой физической силы, но и в виде интеллектуального сражения. Пример такого поединка в стиле «коромо» (38), произошел в один из моментов 11-летней войны (39).

Восточная армия была разбита (Куриягава, 1062). Ее полководец Садато Абэ пытался ускакать, спасаясь бегством с поля боя, но самураи Минамото поймали его и с криками - «показывать спину врагу - позор для самурая!» - привели к своему командующему Ёсия Минамото, который посмотрев на него, задумчиво произнес: «порвана в клочья мятая ткань».

Необескураженный Садато мгновенно подхватил фразу: «от долгой носки истлели нити. Только время вечно».

Ёсия помедлил и вдруг неожиданно для всех низко поклонился своему поверженному противнику. Когда его спросили о причине столь странного поведения, он ответил, что был восхищен самообладанием своего врага в минуты позора его поражения.

Потерпев поражение в борьбе с триумвирами Антонием и Октавианом, Брут покончил жизнь самоубийством – это ли не пример храброго человека? Два великих полководца - Уэ-суги Кэнсин (40), даймё из провинции Этиго и Такэда Син-

гэн (41), даймё из провинции Каи враждовали в течение 14 лет. Когда Сингэн узнал о смерти Кэнсин, он был опечален потерей «лучшего из своих врагов». Кэнсин был для Сингэн примером благородного противника. Провинция Сингэн находилась в гористой местности далеко от моря, поэтому чтобы покупать соль на токайдском тракте, ему нужно было пересекать территорию Ходзё. Даймё Ходзё не был с Сингэн в состоянии открытой войны, но в тайне, желая ослабить его клан, не пропускал людей Сингэна через свои земли. Кэнсин, прознав о проблеме своего врага и имея возможность покупать соль на побережье, написал Сингэн, что по его мнению даймё Ходзё поступает подло, и что он, хотя они (с Сингэн) и находятся в состоянии войны, распорядился, чтобы его снабдили большим количеством соли, приписав: «я (по сравнению с Ходзё) воюю не солью, а мечом» (то есть, честно и открыто). Эта фраза Кэнсин аналогична словам Камилла (42): «мы, римляне, воюем не золотом, а железом». Ницше говорил о сердце самурая, когда писал следующее: «вы должны гордиться победами своего врага, тогда победа над ним будет вашей победой вдвойне». Мы всегда должны помнить о том, что человек, который является врагом на войне, может в мирное время быть достойным другом. Чтобы Храбрость достигала таких высот, требовалось еще одно качество души - Сострадание.

СОСТРАДАНИЕ (Дзин, Jin)

Сострадание, великодушие, благосклонность, милосердие во все времена признавалось одним из наивысших достоинств человеческой души. Это чувство считается царским в двойном значении: в смысле царского среди других признаков благородного духа и в смысле царского непосредственно у монархов. Перефразируя Шекспира: милосердие лучшая корона для короля, сила его воздействия больше, чем скипетра. Конфуций и Мэн-Цзы, рассуждая о необходимых достоинствах в характере правителя, прежде всего указывали на

Сострадание. Конфуций: «если император милосерден к людям, то люди будут стремиться к нему; с людьми расширятся его владения и он станет еще богаче, а богатство укрепит его власть. Милосердие - корень, а богатство – результат». И еще: «император не может быть сильным, если он не милосерден, потому что не бывает людей, не любящих справедливость». Мэн-Цзы говорит примерно о том же: «в истории известны случаи, когда люди без милосердия обладали высшей властью в каком-либо княжестве, но редчайшим случаем было, чтобы целой империей правил человек, не обладавший этим качеством. Править империей – это прежде всего править в сердцах людей». Таким образом, оба философа считали Сострадание самым важным качеством души у правителя, говоря: «Сострадание – это прежде всего Человек».

Феодальная система может легко выродиться в деспотизм, если люди не будут задумываться об этом. Обладание неограниченной властью при управлении государством может привести монарха к проявлению произвола и росту абсолютизма, часто именуемого западными историками «восточным деспотизмом», как будто в истории Запада не было фактов тирании!

Я далек от мысли, чтобы поддерживать идею деспотизма в любом его проявлении, но считаю, что полностью идентифицировать его с феодализмом было бы ошибочным. Когда Фридрих Великий (43) сказал: «король – этой первый служащий в государстве», то правоведы справедливо посчитали, что наступает новое время - эпоха демократии.

Странно совпадая по времени, далеко, на северо-западе Японии, Ёдзан (Yozan), даймё

Ёнедзава (Yonezawa, префектура Ямагата), выразил примерно ту же мысль - феодализм не означает тиранию и притеснения. Феодальный правитель должен чувствовать свой долг перед вассалами, понимая в этом смысл своей высокой ответственности перед предками и Небесами. Правда в жизни не всегда так бывает. Но он должен стремиться быть «отцом» для людей, которых Небеса вручили его заботам.

В одной из древнейших китайских книг «Ши-Цзин» (44) рассказывается, что когда дом Иня (45) «отверг поручение Небес, то он навлек на себя их гнев». Конфуций в «Великом учении» объяснял: «если благородный муж (правитель) любит то, что любят люди, и ненавидит то, что ненавидят люди, то люди будут называть его своим благодетелем».

Таким образом, народное и монархическое, или выражаясь по иному - демократия и абсолютизм сливаются в единое. Отеческого отношения к своим людям требовало и Бусидо. Разница между деспотическим и отеческим правлением заключается в том, что при деспотизме люди повинуются неохотно, и наоборот при отеческом: «даже деспот, если усмирит свою спесь, найдет поддержку в сердцах других людей - даже в рабстве есть дух высокой свободы» («Размышления о Французской революции», Бёрк (46)).

Есть доля правды в высказываниях народа о своих монархах, например, об английских, что «они короли дьяволов», поэтому народ часто бунтовал против них, о французском монархе, что «он король пройдох, потому что ввел неимоверное количество всяческих налогов и поборов» или о короле Испании, что «он король монахов, потому что потакает только церковникам». Но те времена прошли.

Для английского ума, Сострадание и абсолютизм – понятия не совместимые. Причину этого нам убедительно объяснил Победоносцев (47), говоря об особенностях английского абсолютизма, который отличается от других европейских тем, что большинство из них основываются на европейских коллективных интересах, а английский подчеркивает свою индивидуальную исключительность. Идея этого российского государственного деятеля о зависимости людей от социального происхождения и, в конце концов, от государства у представителей континентальных наций Европы и особенно у славянских народов, вдвойне верна для японцев. В Европе сейчас много говорится о проявлении отеческой заботы в осуществлении монархической власти. «Абсолютизм», -

говорит Бисмарк (48), - «требуем от правителя прежде всего безпристрастности, честности, ревностного служения и внутренней скромности». И еще, позвольте мне привести цитату из речи германского императора, произнесенную им в Кобленце: «королевский сан - это не просто благоволение Божие, но и тяжкая ноша, от которой никакой человек, министр или парламент, не может освободить».

Всем известно, что чувство Сострадания особенно свойственно матерям. Поэтому, если храбрость и справедливость считаются чувствами, имеющими жесткое мужское начало, то Сострадание имеет мягкую женскую природу своего происхождения. Сострадание зависит от справедливости, потому что именно чувство справедливости решает, когда нам нужно проявить Сострадание, а когда нет. Датэ Масамунэ (49) так сказал об этом: «храбрость без Сострадания приводит к жестокости, а Сострадание без справедливости - к безволию». Люди давно подметили, что самые отчаянные храбрецы всегда очень чувственные натуры, поэтому можно сказать, что одним из верных признаков храбрости является Сострадание. «Буси-но-насаке» (bushi-no-nasake) – «Сострадание воина» - благородное сочетание этих слов трогает тонкие струны нашей души, и не потому что оно чем-то особенно отличается от сострадания других людей, а потому что мы понимаем, что Сострадание воина не может быть слепым порывом души, оно связано с моментом вершения правосудия, с решением сохранить или лишить человека жизни. Определяя экономическими терминами «эффективное» или «неэффективное», можно сказать, что Сострадание воина должно было быть эффективным, так оно предопределяло его действия во имя добра или зла.

Если бы Бусидо не требовало от самураев чувства Сострадания, то их привилегии, особенно право убийства человека из другого сословия, могли бы привести к тому, что преобладающей чертой в характерах самураев была бы спесивая надменность. Мэн-Цзы учил: «добросердечие охлаждает

гордыню, как вода гасит огонь – весь вопрос только в количестве воды. Полыхающий костер из охапки хвороста невозможно загасить одной чашкой воды». И добавлял: «чувство Сострадания - корень добросердечия, поэтому благородный муж всегда осознает горе и страдания других людей». О том же что и Мэн- Цзы говорит Смит (50), который положил эту идею в основу своей философии.

Удивительным образом, но основные положения кодексов благородной чести различных стран очень близки по смыслу. Восточная этика аналогична описаниям благородных принципов, встречающихся в европейской литературе. Например, знаменитое изречение римского классика Мантуана (51) абсолютно соответствует понятиям японского Бусидо:

«*Haec tibi erunt artes - pacisque imponere morem, Parcere subjectis, et debellare superbos*» (лат. – «Править народами - вот твое искусство; тебе быть миротворцем, щадить покоренных и поражать гордых»).

Сострадание к слабому, униженному или побежденному всегда прославлялось в среде самураев. Многим любителям японского искусства, знакомым с пьесой театра «Но» «Тайра-но-Ацумори» (Taira-no-Atsumori) хорошо известен образ монаха, сидящего задом наперед на корове (в средневековой Японии коров использовали как ездовых и выючных животных). Монаха звали Кумагаэ-но-Дзиро Наодзанэ (Kumagaе-no-Jiro Naozane) из провинции Мусаси. Он был реальным историческим лицом и знаменитым воином. В 1184 году в битве при Сума-но-Ура войска клана Минамото (52) сошлись с войсками клана Тайра. Разразилась одна из самых кровавых битв в истории Японии. Кумагаэ в один из моментов боя вступил в поединок с воином вражеской армии и скрутил его в мощных объятьях. Согласно самурайской этики ведения войны, не следовало убивать противника, если он был явно физически немогущ, не назвал свое имя или был просто человеком, не достойным смерти в бою. Его пленник отказался назвать свое имя и тогда Кумагаэ сорвал маску с

его шлема. При виде юного безусого лица (Тайра Ацумори было 16 лет) руки старого воина непроизвольно разжались. Подняв его на ноги, Кумагаэ покровительственным тоном предложил: «бегите! Немедленно возвращайтесь домой к своей несчастной матушке. Не хочу, чтобы меч Кумагаэ был загублен кровью наследника дома Тайра. Бегите пока вас никто не заметил!». Но переживая свое поражение молодой самурай отказался бежать и предложил Кумагаэ помочь ему расстаться с жизнью. Тускло блеснула на солнце узкая полоска холодной стали, Кумагаэ занес меч над головой, который до этого множество раз обрывал чьи-то жизни. Но внезапно, из глубин его мужественного сердца всплыло воспоминание об его собственном сыне, который вот так же, по знаку боевого сигнала пошел в бой, чтобы впервые опробовать свой, еще не знавший крови меч. И сильная рука воина дрогнула, он вновь предложил юноше бежать. Видя, что тот не склонен в своем решении, и слыша шум шагов приближавшихся солдат Минамото, он воскликнул: «нас увидели, сюда бегут... вы можете умереть смертью менее достойной, чем от моего меча! О, Небеса, примите его душу!». Меч очертил резкую дугу и когда опустился, на землю хлынула алая кровь. Война была закончена и Кумагаэ с триумфом вернулся домой, но ни слава, ни восхищение людей не принесли ему покоя. Эта смерть так потрясла его, что он отказался от Пути воина, обрил голову, одел монашеское одеяние и посвятил остаток жизни паломничеству по святым местам, никогда не оборачиваясь спиной в сторону Запада, поскольку согласно Синто там находится Рай, откуда прибывает спасение и куда опускается солнце для своего ежедневного отдыха (поэтому он изображается, сидящим спиной на корове).

Критики могут усмотреть некоторую казуистику в приведенном мною примере. Может быть это и так, но все же он наглядно показывает, что даже самые кровавые деяния самураев происходили не без таких чувств, как чуткость, сострадание и великодушие. Старая поговорка гласит «подлец

тот охотник, способный убить птицу, которая ищет убежища на его груди». Это в большой мере объясняет тот факт, почему новое и непривычное для Японии христианское движение «Красного Креста» с такой готовностью нашло понимание среди японцев. Но еще за 10 лет до того, как в Японии узнали о Женевской конвенции, наш известный японский писатель Бакин (53), рассуждал о Сострадательности оказания медицинской помощи раненому противнику.

В провинции Сацума, которая в Японии славилась своим особым самурайским духом, среди молодых людей была распространена традиция занятий музыкой, причем не на боевых трубах и барабанах, «этих громких предвестниках крови и смерти», побуждающих нас подражать действиям тигра, а грустных и нежных мелодий на «бива» (бива – музыкальный инструмент семейства лютневых. Самые распространенные разновидности – «гакубива» и «гогэнбива»), которая способна успокоить пламенный дух, уводя наши мысли вдаль от запаха крови и сцен резни. Полибий (54) повествовал о жизненном укладе своего государства Аркадия, согласно которому вся молодежь в возрасте до 30 лет была обязана заниматься музыкой, чтобы это возвышенное искусство помогало переносить суровость жизненных невзгод. Именно по причине благотворного влияния музыки, как считают историки в характере жителей той части аркадских гор отсутствовала жестокость.

Провинция Сацума была не единственным местом в Японии, где у самураев чувству Сострадания уделялось должное внимание. Император Го-Сиракава (правил с 1158 по 1192) имел обыкновение записывать свои мысли, среди которых например были такие: «пусть они и крадут ваш сон в тихие ночные часы, но не сердитесь, а лучше насладитесь ими: ароматом цветов, отдаленным звоном колокола, жужжанием насекомого в морозной ночи», или: «может быть эти три больно ранят вашу душу, но вы им простите: ветру, сломавшему ваши цветы, облаку, скрывшему от вас луну, и человеку, обидевшему вас».

Тем же целям воспитания, ощущения и выражения тонких человеческих чувств служило и стихосложение. Поэтому вся японская поэзия пронизана сильным чувством затаенной нежности и печали. Есть такая история про грубого самурая, который пытался понять стихотворение «Песня певчей птицы», но ему это никак не удавалось, и тогда его неотесанный дух восстал, он бросил свиток с текстом в ноги своему мастеру стихосложения и в отчаянии заявил:

«Храбрым воинам

Незачем слушать Пение певчих птиц».

Но мастер промолчал и продолжил наставлять молодого человека, до того самого чудесного дня, пока «Песня певчей птицы» не зазвучала в душе юноши, и под чувством нежных звуков «угуису» (55), он написал:

«Песню «Певчей птицы» услышал Храбрый воин - суровый и сильный.

Сладкую нежность среди веток деревьев...».

Мы восхищаемся героическим поступком Кёрнера (56), который смертельно раненный на поле боя, написал свои знаменитые стихи «Прощание с жизнью». Подобные случаи были очень распространены и во времена японских войн. Особенность японского стихотворения, состоящего всего из нескольких простых, но очень емких по смыслу строк, особенно хорошо подходит для выражения переживаемого чувства. Поэтому почти каждый воин слагал стихи. Случаи, когда самурай останавливался, чтобы достать бумагу и кисть и под впечатлением нахлынувших чувств набросать несколько строк были не редкостью, их часто находили под шлемами и нагрудниками павших воинов.

Что во времена войн для культивирования среди людей чувства Сострадания сделало христианство в Европе, то в Японии сделали музыка и стихи. Акцент на необходимости чувства Сострадания возвысил гуманное отношение человека к человеку. Сдержанность и обходительность, которые связаны с уважением чувств других людей, также являются основой Вежливости.

ВЕЖЛИВОСТЬ (Рэй, Rei)

Вежливость и обходительные манеры - особенность японцев, которую всегда отмечают туристы, посещавшие Японию. Вежливость – это достоинство, которое может позволить себе даже бедняк. Вежливость, если она конечно является действительной, а не показной - это внешнее проявление уважительного отношения к чувствам других людей. Кроме того Вежливость это демонстрация признания существующего социального порядка, не взирая на различные плутократические особенности (57).

В наивысшем своем проявлении Вежливость почти приближается к любви. О Вежливости можно с почтением сказать тоже, что и о любви: «любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» («Послание к Коринфянам» 13:1-13). Может кому-то покажется удивительным, но профессор Дин (Dean) в своих размышлениях о шести элементах гуманности, ставит Вежливость на первое место, поскольку она является венцом социального общения.

Я также разделяю мнение о том, что Вежливость относится к разряду наивысших достоинств в человеке. Анализируя эту черту характера, можно прийти к выводу, что она взаимосвязана с другими высокими чувствами, в том числе и с благородством. В среде военных Вежливость всегда ценилась особенно и уважалась даже больше, чем заслуги.

Конфуций учил, что правила поведения также необходимы для людей, как ноты для музыки.

Когда со временем Вежливость стала непременным условием социального общения и в жизнь вошла сложная система этикета, возникла необходимость в обучении молодежи правильному поведению в обществе. Как кланяться людям различного статуса, как ходить или сидеть преподавались и изучались самым тщательным образом. Со временем премудрость этикета выросла до высот науки. Процесс распития

чая или саке превратился в сложный ритуал. Предполагалось, что хорошо образованный человек должен быть мастером во многих церемониях. Очень хорошо сказано об этикете в интереснейшей книге Веблена (58) «Теория праздного класса» (Theory of the Leisure Class, Нью-Йорк, 1899, с. 46) – «этикет - это продукт и образец жизни праздного класса».

Я слышал некоторые упреки от европейцев в сложности нашего ритуала Вежливости. То есть в том, что японская Вежливость требует слишком много времени и усилий. Отчасти я согласен с этим, возможно есть некоторые ненужные тонкости в нашем церемонном этикете. Но и нам допустим также не понятна безумная приверженность западных людей к вечно меняющейся моде. Конечно, я не считаю всех поклонников моды жертвами тщеславия. Напротив, их действия мне видятся бесконечным поиском человечеством прекрасного. Но в церемониальном порядке есть свой смысл. Он является результатом длительных наблюдений и тщательного отбора наилучших методов достижения качественного результата. Они же, как правило, являются и самыми рациональными. Спенсер (59) также определяет совершенный метод, как самый экономичный способ действий. Чайная церемония представляет собой определенный порядок действий и манипуляций с чайником, ложкой, салфеткой и т.д. Для новичка все это кажется запутанным и утомительным. Но со временем он понимает, что четкий порядок действий в чайной церемонии обеспечивает экономию времени и труда, поэтому он является наиболее эффективным. То есть, выражаясь иными словами - это самое экономичное приложение силы и, следовательно, согласно Спенсеру, это самый совершенный метод.

Социальный этикет и связанные с ним ритуалы, говоря выражением, заимствованным из книги Спенсера «Синтетическая философия», являются нашей внешней поведенческой «одеждой», которая позволяет не только соблюдать приличия, но и облегчает общение. Я бы мог привести множество примеров, иллюстрирующих причины возникновения япон-

ских церемоний, но это не соответствует теме моей книги. Я лишь подчеркиваю важное значение, которое придавало Бусидо Вежливости и строгому следованию ритуалам и правилам этикета.

Для изучения и отработки до тонкостей различных ритуалов возникла целая система школ. И все они преследуют общую цель, о которой, например, в одной из самых древних и знаменитых японских школ этикета «Огасавара» (Ogasawara) говорится следующее: «венцом в обучении этикету является обретение духа, при котором ни один человек не осмелится позволить себе быть с вами непочтительным». Или иными словами, мастерство духа во плоти - это подбор правильных слов и выражений в разговоре, а также постоянный контроль над своими жестами и действиями, чтобы сохранять в любой ситуации гармонию между собой и окружающими людьми. И если ритуал означает рациональное использование физических сил, то следовательно безупречное поведение способствует сохранению и накоплению запаса жизненных сил у человека. Или кратко выражаясь, Вежливость – это экономия сил.

Во время разграбления Рима, галлы ворвались в здание римского сената и ситуация дошла до того, что они осмелились оттащить за бороды некоторых почтенных сенаторов. Мне думается, что эти господа были в этом сами виноваты, поскольку не обладали совершенным духом и достойными манерами. Возможно кто-то усомнится в способности достижения высокого уровня духа только с помощью этикета. Но почему бы и нет? «Все пути ведут в Рим!»

В качестве примера как самые простые действия могут развиваться в искусство и стать элементом духовной культуры, я расскажу о «Тя-но-Ю» (Cha-no-Yu) - чайной церемонии. Потягивание чая может быть прекрасным искусством! Сомневаетесь? Дети, рисующие в детстве палочкой на песке или вырезающие фигурки из дерева, став взрослыми могут стать Рафаэлями или Микеланджело. Точно также и искусство чая

началось с обыкновенного индийского отшельника и превратилось в один из культов японской культуры. В чайной церемонии главными требованиями являются спокойствие разума, безмятежность духа, самообладание и безупречность поведения, что без сомнения способствует идеальным условиям для размышлений и анализа чувств. Безукоризненная чистота небольшой комнаты сама по себе позволяет отвлечься от вида и шума мирской суеты, способствуя самосозерцанию. Скромный интерьер помещения без всяких украшений и занятых безделушек, подобен монашеской келье, в которой взгляд человека ни на чем не задерживается. В этой изысканной пустоте помещения выделяется «какемоно» (60), который сам по себе призван больше оценить изящество его замысла, чем красоту изображения. Вся комната подчинена единой цели – абсолютная, предельная утонченность вкуса, возведенная в ранг благоговения. Сам факт того, что чайная церемония возникла в результате размышлений монаха во времена непрерывных войн, когда мысли людей были в основном связаны с тяготами войны, наглядно демонстрирует, что причиной ее возникновения было больше, чем случайное умозаключение. Прежде чем войти в тихую обитель чайного домика, самураи, собравшиеся разделить чайную церемонию, были обязаны отложить в сторону, вместе со своими мечами, всю жестокость полей сражений или забот о государственном управлении, чтобы вспомнить в чайном домике о том, что все в этом мире преходяще.

Но Тя-но-Ю – это больше, чем только церемония - это изысканное искусство, поэзия жестов тела в ритме природы: это – «modus operandi» (лат. - образ действий) нашей души. Главный эффект чайной церемонии заключен в финальной фазе его исполнения. Однако это не означает, что предшествующие ритуальные действия менее значимы, они также несут в своей основе духовное значение.

Вежливость – великое приобретение человечества. Ее значение гораздо больше, чем только изящество манер. Ее

основы связаны с такими чувствами, как доброжелательность и сдержанность, взаимодействие которых приводит к возникновению у человека Сострадания к другим людям, то есть - к сопереживанию. Именно из чувства сопереживания мы способны разделять чувства других людей - страдать или радоваться вместе с ними. Это дидактическое требование должно было выполняться самураями во всех действиях повседневной жизни, даже кажущихся им на первый взгляд очень незначительными, или, как однажды 20 лет тому назад заметила одна моя знакомая миссионерская дама из Америки, действиях «ужасно забавных». Как-то раз я стоял в полдень на улице. Солнце было в зените и нещадно пекло.

В этот момент мимо меня проходила моя знакомая с зонтиком от солнца. Поприветствовав ее, я заговорил с ней и, естественно, снял шляпу, а она из вежливости сдвинула зонтик назад, открывая лицо.

В результате наши головы оказались под палящими лучами солнца. Этот необходимый ритуал вежливости моя знакомая нашла «ужасно забавным». «Как глупо и ужасно забавно», - сказала она, - «мы вынуждены страдать от солнца из-за приличий. Я могла бы накрыть вас своим зонтиком, если бы он был больше или мы были бы более близкими знакомыми. Поскольку я не могу этого сделать, то я вынуждена разделить ваш дискомфорт». Этот небольшой пример «забавного» поступка из Вежливости показывает, что Вежливость – это не только набор традиционных правил поведения. Проявление Вежливости может быть результатом сопереживания другому человеку, это – вдумчивое чувство заботы о комфорте других людей.

Или еще один пример «ужасно забавной» Вежливости, который люди, мало знакомые с культурой и традициями Японии, приводят в качестве иллюстрации «ненормальности» традиций японского народа. Многие иностранцы, которые получали от японцев подарки, признавались потом в

своим чувстве неловкости при этом. Объясню подробнее. В Америке при вручении подарка, принято превозносить его ценность, а в Японии же наоборот - при вручении подарка вам скажут примерно так: «я надеюсь, что это хороший подарок, потому что если бы он не был хорошим, то я не смел бы вам его подарить, поскольку это было бы оскорблением вручить вам подарок, который не является для вас хорошим». Или: «вы – настолько хороший человек, что никакой подарок не может быть достаточно хорош для вас. Но я не могу ничего сделать кроме того, что положить его к вашим ногам, как символ моей доброй воли. Я прошу вас принять его, не как ценность, а как символ. Потому что ценность никакого подарка не может превысить вашей ценности для нас». Вникнув в смысл этих слов, можно заметить, что манера и идея вручения подарка у японцев далека от «ужасно забавной». Американец намекает на сумму денег, которую он уплатил за подарок. Японец же говорит о чувстве, которое он испытывает, вручая подарок, поэтому это не является результатом каких-то «ненормальных» идей, чтобы делать вывод о том, что смысл японской Вежливости заложен в каких-то «странностях» нашего поведения. На вопрос: «что важнее для насыщения человека – еда или сам процесс еды», один из китайских философов ответил: «просто еда без действий не приведет к насыщению человека. Поэтому нельзя сказать, что еда важнее». Обычно металл тяжелее пера. Ну, а если это металлическая булава против вагона перьев?

Возьмите длинную палку, поднимите ее вверх и подпрыгните так, чтобы конец палки поднялся выше края крыши дома, но опустившись на землю, можете ли вы утверждать, что конец вашей палки выше крыши дома? На вопрос: «что важнее, быть искренним или быть вежливым», японцы, отвечают диаметрально противоположно американцам, но я воздержусь от комментариев причины этого, пока я не расскажу о значении Искренности в Японии.

ИСКРЕННОСТЬ (Макото, Makoto)

Вежливость без искренности – это фарс. «Вежливое поведение без искренности», - говорил Масамунэ, - «является ложью». Словами героя трагедии «Гамлет» Полония (Polonius) Шекспир сказал: «познай истину - если твое сердце лживо, то боги будут глухи к твоим молитвам». Конфуций, рассуждая в своем каноническом трактате «Чжун Юн» (Zhong Yong – «Учение о середине») об Искренности, придавал этому свойству характера необычайно важное значение (61), сравнивая его с Небесным началом: «искренность есть начало и конец всему сущему на Земле, без Искренности нет ничего. Кто достиг вершины красноречия, знает, что словами невозможно выразить всю истинную сущность вещей». Само словообразование иероглифа «Искренность», который состоит из комбинации двух китайских иероглифов «слово» и «безупречный» (совершенный/идеальный/прекрасный) наводит на мысль об аналогии с неоплатонической доктриной о «Логосе» (62).

Ложь или умалчивание о правде считалось у самураев признаком трусости. Социальный статус сословия самураев, превосходивший другие японские сословия, требовал от них также и более высоких моральных качеств, в том числе и Искренности. «Буси-но ити-гон» (bushi-no ichi-gon) – «слово самурая», в точности соответствующее немецкому слову «ritterwort» (слово рыцаря), было достаточным в качестве гарантии Искренности сказанного самураем. Слово самурая имело такой авторитет в феодальном японском обществе, что его было достаточно без какого-либо письменного оформления, которое расценивалось как недоверие, поэтому выдача письменных расписок считалась оскорблением у самураев. Японская история хранит множество историй о том, как самураи платили смертью за данное ими «слово» (ni-gon).

Искренность у самураев была настолько высока, что в отличие от воинов христианского мира, которые могли отступать от заповедей Христа, а потом исповедоваться и получать

индугльгенции, понятия «присяга» просто не существовало, поскольку клятвенные заверения для самураев означали бы акт недоверия, то есть по сути - оскорбление чести. Я знаю случаи, когда самураи клялись различным ками (духам) или своим мечам, но никогда не слышал о том, чтобы кто-либо из них приносил присягу в верности человеку. Серьезность клятвенных заверений ками или мечу самураи подтверждали собственной кровью. Как объяснение причин такого ритуала, я отсылаю своих читателей к роману «Фауст» Гете.

Один из современных американских публицистов, доктор Пийри пишет в своей книге: «если спросить у японца, что предпочтительнее: «сказать неправду» или «быть невежливым», то он без тени смущения ответит «сказать неправду» (R.B. Peery, *The Gist of Japan. The islands, their people and missions*, Нью-Йорк, F.H. Revell Co., 1897, с. 86).

Можно сказать, что это отчасти верное и отчасти неверное наблюдение, потому что ответ японца будет зависеть от его бывшей сословной принадлежности (самураи, крестьяне, ремесленники и купцы). Поэтому этим ответом нельзя охарактеризовать всех японцев. В японском языке есть уникальное слово «усо» (uso) для обозначения чего-либо, в чем сомневаются, чего нельзя со 100% уверенностью отнести к понятию «истинно» (макото - makoto) или «факт» (хонто - honto, также - реально/действительно).

Лоуэлл (63) привел этому хороший пример, как Уордсуорт (64) был не способен отличать истину от лжи, в чем собственно многие японцы ушли не так далеко от Уордсуорта.

Предложите современному японцу или, например, тому же американцу ответить на вопрос: «как вы ко мне относитесь?» или «как вы себя чувствуете?» и они ни на мгновение не задумываясь - ложь это или правда - ответят вам примерно следующее: «я вас очень уважаю и ценю» или «спасибо, прекрасно». Ответят многие, но не самураи, для которых жертвовать искренностью ради псевдовежливости считается «кьё-рей» (кью-геи - пустая формальность), то есть - «льстивой ложью».

Хочу остановиться и несколько подробнее рассказать о честности в японских предпринимательских кругах, о которой я читал много критики в иностранных изданиях. Этика свободного предпринимательства в Японии возможно далека от совершенства, но все же нельзя делать скоропалительных выводов, подозревая в нечестности всех японцев. Позвольте объяснить.

В средневековой Японии, из множества всех самых распространенных видов деятельности в жизни человека, самым недостойным самураев считалась купеческая. Сословие купцов по статусу было ниже сословий самураев, крестьян и ремесленников. Самураи в качестве доходов на жизнь получали натуральную часть от урожая, выращенного крестьянами. Но в случае необходимости они могли и сами заниматься сельским хозяйством на своем участке для собственных нужд, но лавку и абаку они презирали. И в этом заключен некий демократический смысл. Например, Монтескьё (65) говорил, что не признание благородным делом предпринимательства является замечательной идеей социального равенства, смысл которого заключается в том, чтобы предоставить возможность управления государством большему количеству людей с разными уровнями доходов, а не только богатым. Профессор Дилл (Dill) в своей книге (*Roman Society in the Last Century of the Western Empire*, в русском переводе - «Римское общество от Нерона до Марка Аврелия», Лондон, 1899) привел свою версию причины распада Великой Римской империи, согласно которой придание купечеству статуса благородного занятия привело к монополии на богатство и захвату власти отдельной кучкой сенаторских семей.

Поэтому в феодальной Японии предпринимательская деятельность не имела широкого распространения, поскольку считалась мало достойным занятием. Презрительное отношение к сословию купцов соответственно отразилось и на нравах самого купеческого сословия, которое не особенно заботилось о своей репутации в обществе. «Обзовите челове-

ка вором и он им станет». Заклеймите позором людей определенной профессии и они будут действовать в соответствии с этим клеймом, поскольку это естественно нашему «обычному сознанию». Как заметил Хью Блак (66): «если человеку демонстрируют высокие моральные требования, то он будет стремиться им соответствовать». Но каким бы не было предпринимательство — торговля, ростовщичество или прочее, оно в принципе невозможно без какой-либо деловой этики. Поэтому даже в феодальный период, японские купцы, пусть на примитивном уровне, без всяких понятий о том, что такое купеческие гильдии, банки, фондовые биржи, страхование, чеки, векселя и т.д., в отношениях между собой все-таки придерживались определенной деловой этики.

Но в отношениях с людьми из других сословий они действовали в соответствии с их низкой репутацией.

Что послужило причиной отрицательной оценки японской деловой этики в мире? Когда Япония открылась для внешнего мира, самые предприимчивые, но не самые честные представители бывшего купеческого сословия ринулись за наживой в крупные портовые города. Вскоре некоторые солидные торговые компании были вынуждены ходатайствовать перед японским правительством об издании соответствующих законов, чтобы их репутация не страдала от деятельности нечестных дельцов. Но почему идеал Искренности, распространяемый Бусидо среди народа, не смог справиться с этим потоком грязного делячества? Позвольте мне несколько подробнее рассказать об этом.

Те из вас кто хорошо знаком с нашей историей наверняка знают, что феодализм был отменен только через несколько лет после того, как японские порты были открыты для международной торговли, а также о том, что с отменой феодализма у самураев были отобраны их феодальные привилегии и владения, взамен которых, в качестве компенсации, они получили от государства облигации, которые могли свободно инвестировать в предпринимательскую деятельность. И если

самураям с этого момента стало позволительно заниматься предпринимательством, то возникает вполне закономерный вопрос: почему же они не смогли принципы Искренности привнести в новые деловые отношения?

Да, имеющие глаза, дабы видеть - горевали недолго; да, имеющие сердце, дабы чувствовать - сочувствовали недолго – судьбе многих благородных и прямодушных самураев, которые очевидно и безнадежно потерпели фиаско в новой и незнакомой для них деятельности, поскольку не обладали необходимым опытом в делах с хитрыми и не всегда честными партнерами. Даже если в столь индустриальной стране как Америка, 80% деловых предприятий терпят неудачу, то можно ли удивляться, что едва ли один из ста самураев мог преуспеть в этой новой для них деятельности? Можно только представить сколько финансовых состояний было потеряно из-за проецирования этики Бусидо на предпринимательские отношения. И вскоре многие бывшие самураи поняли, что идеалы Бусидо и предпринимательство в принципе не совместимы. Но каким же тогда видам деятельности более всего соответствует Бусидо?

Лекки (67) выделял три самых крупных сферы деятельности человека: предпринимательство, политика и философия. Предпринимательство Бусидо полностью отвергал. Что касается политики, то ее просто не было вследствие отсутствия политического общества в феодальной системе. Бусидо ближе к сфере философии, которая как писал Лекки, рассматривал Искренность, как одно из наивысших достоинств в человеке. Со всем моим уважением к высокой деловой репутации англосаксонских предпринимателей, все же хочу заметить, что на мой вопрос, что в их понятии означает: «человек с высокой деловой репутацией», они чаще всего отвечали примерно следующее: «платежная дисциплинированность». То есть получается, что по их понятиям честный предприниматель – это человек, который всегда и вовремя платит по счетам? Но разве это достоинство – вовремя оплачивать товары

и услуги, которые ему самому же и необходимы? Такое «товарно-денежное» понятие Искренности Бусидо отрицает.

Таким образом, если Бусидо полностью отрицал Искренность по принципу «quid pro quo» (лат. - услуга за услугу), то предприниматели его вполне разделяли. И Лекки очень точно заметил, что привнесение Искренности в практику деловых отношений будет только способствовать росту торговли и производства. Как отмечал Ницше: «искренность – это наиболее недавнее «приобретение» из всех достоинств человека». Образно говоря, Искренность могла бы стать «приемным дитем» современного предпринимательства. Без этой «мачехи», Искренность превратится в благородную «сироту», которую будут ценить и опекать только представители самых прогрессивных умов. В феодальной Японии к ним можно было бы отнести большую часть самураев. В наше время из-за отсутствия иных, более демократических и утилитарных «мачех», это «дитя» не способно расти и развиваться. Но необходимость Искренности в деловых отношениях, которая будет способствовать росту государственной экономики, просто очевидна. В ноябре 1880 года Бисмарк разослал циркуляр всем купеческим гильдиям, в котором отмечал: «прискорбный факт безобразного уровня германских перевозок и «inter alia» (лат. - среди прочего) особенно их качества и количества». В результате недобропорядочность немецких предпринимателей стала редким явлением. Им понадобилось лишь 20 лет, чтобы понять, что Искренность в деловых отношениях выгодна. Надеюсь, что и наши, японские предприниматели со временем поймут это. Я рекомендую своим читателям книги двух современных писателей, которые достаточно хорошо и взвешенно рассуждают на эту тему: Кнаппа «Феодальная и современная Япония» (Feudal and Modern Japan) и Рэнсома «Япония в переходный период» (Japan in Transition). Также замечу, что Искренность человека в деловых отношениях может служить ему своеобразной гарантией. Например, при гарантиях по векселям, порядоч-

ному человеку достаточно сказать: «если я не оплачу в срок свой вексель, по которому вы так любезно одолжили мне денег, вы будете вправе публично объявить о моей непорядочности» или просто: «если я не верну вам денег, то можете считать меня подлецом» и т.д.

Я часто задавался вопросом, что согласно Бусидо считается более важным: Искренность или храбрость? Если вспомнить христианские заповеди, то в «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (9 заповедь) - ложь не считается грехом, но осуждается как слабость, которая, по правде говоря, также считается недостойной. Надо признать, что понятия Искренности так глубоко перемежаются с другими понятиями, как и ее латинская и германская этимология (68), и особенно с понятием Благородства, что мне кажется я должен более подробно рассмотреть эту заповедь рыцарского проведения.

БЛАГОРОДСТВО (Мейё, Meiyo)

О смысле Благородства, заключенного в осознании личного достоинства и чести, по воле происхождения был обязан знать и к нему стремиться каждый самурай, поскольку это было обязанностью и особенностью их сословия. Слово, в японском языке означающее «благородство», которое в наше время, к сожалению, в Японии стало упоминаться все реже, связано с такими понятиями, как: «ас-на» (as-na – имя), «мэн-моку» (men-moku – сила воли) и «гуай-бун» (guaì-bun – букв. - «хороший» + «воспитание»). Это напоминает о высоком значении слова «имя» в Библии (имя Господа, Бога нашего) или о метаморфозах театральной греческой маски, которая со временем превратилась в понятие «личность» (лицо), либо о понятии «репутация». Мне больше нравится «репутация», которая по сути связана с бессмертной частью нашего «Я», называемого совестью, любое нарушение целостности которой самураи ощущали как стыд (ren-chi-shin – смущение разума), чувство, смысл которого воспитывался в них с

самого раннего детства. «Вы являетесь посмешищем», «это позорит вас», «у вас совсем нет совести?» - были крайними формами призыва к порядку и дисциплине распалившегося юного самурая. Такое воспитание закладывало фундамент нравственности в сердце ребенка, которое согласно японской традиции начиналось еще в утробе матери, за 9 месяцев до его появления на свет, чтобы дух ребенка был навсегда привязан к осознанию своего происхождения. Как писал Бальзак: «если люди утрачивают стыд, то общество теряет ту фундаментальную силу, которую Монтескье именовал - Благородство». Если задуматься, то действительно, пробуждение чувства стыда является одним из самых первых признаков становления Благородства души. Целью первого в истории человечества наказания из-за «грехопадения», изложенного в Библии, было по моему мнению, не кара за непослушание, а пробуждение в человеке чувства стыда. История сохранила не так много случаев, которые по пафосу могут превосходить описание первого грехопадения, читая о котором люди начинают взволнованно дышать, представляя сцену, как удрученный новоиспеченный муж дрожащими пальцами срывает фиговые листки для себя и своей жены. Описание истории утраты человечеством целомудрия вследствие «вкушения запретного плода» предназначено для объяснений нам понятий совести. Вся «портновская изобретательность» человечества, так и не смогла преуспеть в том, чтобы сшить «передник», который смог бы прикрыть смысл нашего позора и, соответственно, окончательно изничтожить в нас ощущение совести. Самураи с самых ранних лет должны были иметь представления о Благородстве, чтобы не совершить проступка, который мог привести к изъянам в характере. «Потому что», - говорили они, - «стыд за содеянное изъедает душу, как трещина в стволе дерева, которая не может зарости, а лишь разрастается, убивая в конце концов дерево».

Давным-давно Мэн-Цзы сказал тоже самое, что позднее Карлейль (69): «стыд – это побуждающий фактор для воз-

никновения осознания Благородства, то есть всего самого высокого в сердце человека».

Страх опозориться у самураев был столь велик, вися над каждым, как дамоклов меч, что он зачастую принимал болезненные формы. Предполагая, что не все из вас хорошо знакомы с японской литературой, писавшей на эту тему, я предлагаю вам вспомнить красноречивый монолог герцога Норфолка из драмы Шекспира («Генрих VIII»).

Под предлогом защиты чести иногда вершились дела, которые с точки зрения Бусидо не могли иметь никакого оправдания. За любое неумышленное или еще хуже, надуманное оскорбление, обидчивый и вспыльчивый самурай хватался за меч. Из-за такой несдержанности было загублено множество жизней ни в чем неповинных людей. Например, бытует история, как однажды человек, действуя из лучших побуждений, обратил внимание самурая на блоху, сидевшую на нем, за что был немедленно зарублен, по простой и весьма сомнительной причине того, что самурай решил, что поскольку блохи живут только на животных, то его благородного воина сочли за животное. Не думаю, что такие истории происходили в действительности, но все же их сюжеты наводят на мысль о трех возможных причинах их возникновения: во-первых, вследствие страха людей из других сословий перед самураями; во-вторых, вследствие не всегда оправданной жестокости самураев при отстаивании своей чести и в-третьих, вследствие страха опозориться среди самураев. Справедливости ради хочу напомнить и об аналогичных случаях в христианской истории, о поступках ярых приверженцев учения Христа, плодах их религиозного фанатизма и безумия – о ханжестве и инквизиции. Но как религиозная мономания (monomania - психоз) изначально происходит из благих намерений, если их сравнивать с более низменными, как например напиваться до состояния «delirium tremens» (белой горячки) у обычных пьяниц, так и неоправданная жестокость самураев исходит из благородного намерения отстаивания своей чести.

Чтобы защита чести не доходила до высот безумия, Бусидо требовало от самураев быть сострадательными и вежливыми. Поэтому припадки ярости самураев от малейшего недостаточно вежливого взгляда расценивались, как отсутствие Благородства. Самурайская мудрость гласит: «оскорбление нестерпимо, если его действительно невозможно стерпеть». Великий Токугава Иэясу (70) оставил для потомков множество заповедей, среди которых есть и такая: «жизнь человека похожа на далекое безцельное путешествие с тяжелым грузом на плечах. Поэтому незачем спешить. Никто не упрекнет вас в том, что вы идете осторожно к своему финалу... Терпение продлевает жизнь». И он подтвердил на примере своей жизни то, о чем говорил. Японская литература тонко подметила в изречениях трех знаменитых полководцев особенности их характеров: нетерпеливого Ода Нобунага (71): «я убью соловья, если он не запоеет вовремя»; хитрого Тоётоми Хидеёси (72): «я буду вынуждать соловья петь для меня» и терпеливого Иэясу: «я буду ждать, пока соловей не начнет свою песню».

О необходимости терпения и сострадания много рассуждал и древний китайский философ Мэн-Цзы. В одном из своих трактатов он писал: «если оскорбляя меня, вы сами унижаетесь, то как вы можете оскорбить меня?». В другом трактате он учил, что злость из-за обиды недостойна благородного человека, но негодование по основательным причинам – это справедливый гнев.

До какой степени требовало Бусидо самообладания от самураев можно понять из некоторых изречений знаменитых японских воинов, запечатленных на свитках. Например, Огава (Ogawa): «если кто-либо злобно отзывается о вас, то не уподобляйтесь ему, воздавая за зло злом, а лучше задумайтесь о совершенствовании своих моральных качеств или о выполнении своих должностных обязанностей». Бандзан Кумадзава (73): «если вас в чем-то обвиняют, то не обвиняйте в ответ других».

Если на вас кто-либо сердится, то не сердитесь в ответ на него. Если же кто-либо дарит вам свою благосклонность или любовь, то ответьте ему тем же». Хочу вам привести высказывание еще одного знаменитого самурая, о котором можно сказать шекспировской фразой «позор стыдился б сам коснуться его чела» («Ромео и Джульетта»). Это Сайго (74): «путь воина – это следование путем Небес и Земли. Это единственная цель в жизни воина. Небеса любят одинаково всех на Земле, поэтому подобно Небесам нужно любить одинаково все, что есть на Земле. У нас нет права судить других. Мы можем судить лишь самих себя». Эти высказывания напоминают нам о христианских заповедях и демонстрируют какими высокими моральными устоями руководствовались самураи в своей жизни. Причем это не было только словами, а реально воплощалось в действиях.

Конечно справедливости ради стоит заметить, что далеко не все самураи обладали возвышенным состоянием души, были столь Сострадательны и милосердны. Лишь некоторые из особо просвещенных умов понимали значение благородства, осознавая, что это глубокое чувство собственного достоинства. Импульсивной молодежи не свойственно впадать в глубокие размышления о понятиях Благородства. Это приходит со временем, например, в тихие минуты раздумий над учением Мэн-Цзы. «Многие люди тщеславны, они любят оказываемые им знаки уважения, думая, что слава и почести это и есть Благородство. Но человека, которого сегодня великое Дао (Chao) вознесло на вершину славы, завтра может низко пасть», - говорил Мэн-Цзы. И все же многие самураи считали, что благородство – это мирская слава, которую рассматривали, как «*summum bonum*» (лат. – высшее благо) в своей жизни. Поэтому они желали видеть оскорбление там, где его по сути не было, ища повод, чтобы смыть его кровью и прославиться. Молодежь обычно стремится к славе, а не к знаниям и самосовершенству. Многие молодые самураи покидая отчий дом, клялись себе, что не возвратятся домой

пока не прославятся. Некоторые тщеславные матери отказывались видеть своих сыновей, если они не смогли вернуться домой, как говорится, «в парчовых одеждах». Чтобы прославиться молодые люди подвергали себя всевозможным лишениям или суровым испытаниям. Большинство из них предполагало, что чем скорее они обретут славу, тем раньше их имя будет ассоциироваться у людей с благородством. При знаменитой осаде замка Осака, юный сын Иэясу, несмотря на все просьбы взять его в передовой отряд, был отправлен отцом в тыл армии. Когда замок был взят, он был так огорчен, что один из советников его отца, пытаясь утешить, сказал: «не расстраивайтесь, подумайте о будущем. За многие годы, которые вам предстоит прожить, у вас еще будет много возможностей, чтобы отличиться». Мальчик возмущенно посмотрел на него и ответил: «как глупо вы рассуждаете! Разве мои 14 лет могут еще раз повториться?». Сама жизнь ценилась меньше, чем слава и почет, поэтому при первой же возможности многие самураи жертвовали жизнью ради них.

Еще одной из причин, по которым жизнь высоко не ценилась и легко жертвовалась, была обязанность Преданности своему сюзерену, что являлось основой феодальных отношений.

ПРЕДАННОСТЬ (Тюуги, Chuugi)

Этика феодальной эпохи в отличие от этики других времен выделяла такое качество характера, как Преданность вассала своему сюзерену. В зависимости от социального статуса людей существуют разные виды Преданности. Например, в шайке карманников преданность главарю Феджину (75) была иного свойства, чем по Бусидо.

Гегель (76) критиковал вассальную Преданность, поскольку по его мнению она была основана на служении одному человеку, а не всему обществу в целом, поэтому он считал это несправедливым («История философии», Sibree). Другой его великий соотечественник, Бисмарк, говорил об обратном. По

его мнению высоким достоинством германского народа является личная Преданность. Бисмарк приводил вполне обоснованные аргументы, рассуждая о «*treue*» (нем. - верности). Он подчеркивал, что вассальная Преданность не является исключительным качеством, присущим только народу его страны. Высоко развитое чувство личной Преданности свойственно народам из государств, в которых еще недавно была феодальная система.

В США, где «каждый столь хорош, как никто либо другой», - и как добавляют хвастливые ирландцы, - «и даже еще лучше того», - идея преданного служения одному человеку считается абсурдной или даже нелепой. По мнению американцев это чувство должно быть развито в человеке «в пределах разумного». В свое время Монтескьё отмечал удивительный факт, как у народов, проживавших по разные стороны Пиренейских гор, сильно разнились понятия Преданности, а недавнее дело Дрейфуса (77) еще раз подтвердило искренность его слов. И пример Монтескьё не единичен.

В наше время осталось немного людей с трепетным отношением к чувству Преданности. И не потому что оно «неправильное», а потому что, к сожалению, Преданность становится забытым достоинством. В некоторых странах оно вообще никогда не ценилось. Гриффис пишет в своей книге («Религии Японии», *Religions of Japan*, W.E. Griffis), что японское понятие Преданности основывается на конфуцианском учении, в котором почитание родителей является самой первой из заповедей. Рискую потрепать некоторых из моих читателей своим радикальным взглядом на понятие Преданности, все же скажу, что по моему мнению только люди, «которые способны пожертвовать своей жизнью ради своего сюзерена», достойны, выражаясь шекспировской фразой, «занять свое место в истории».

В Японии есть много сказаний о Сугавара Митидзанэ (78), который считается одной из наиболее ярких личностей японской истории. Он был несправедливо обвинен и изгнан из

столицы. Но его неумолимые враги этим не довольствовались, решив убить его наследника, совсем еще юного мальчика. Их поиски привели в сельскую школу, которую содержал бывший вассал Митидзанэ, самурай по имени Гэндзо (Genzo). Гэндзо был назначен день, в который ему следовало выдать отрубленную голову мальчика. Но преданный вассал решил ее подменить. Он тщательно исследовал записи о регистрации учеников и просмотрел их в учебном зале, ища подходящих по возрасту, но никто не подходил. Когда Гэндзо уже почти отчаялся, женщина с благородными манерами привела в его школу нового ученика, мальчика, который по внешности и по возрасту был похож на наследника его бывшего господина.

Невозможно представить глубину переживаемых чувств матери и ее сына, когда Гэндзо в тайне предложил им спасти жизнь наследнику знатного рода. Оба безмолвно возложили на алтарь – мальчик свою жизнь, мать свое сердце. И единственным свидетелем этого был только Гэндзо. Вы подумайте только, маленький мальчик был согласен на смерть!

В назначенный день прибыл самурай, уполномоченный получить и опознать голову ребенка. Гэндзо был спокоен – не догадается ли посланник о подмененной голове? Он положил руку на рукоять меча, готовясь убить самурая, если тот объявит о подлоге.

Самурай поднял за волосы этот ужасный предмет, осмотрел его и уверенным, недрогнувшим голосом объявил, что это голова наследника Митидзанэ. Тем временем, в опустевшем доме мать переживала смерть своего ребенка. Но вечером, стоя у открытых ворот и всматриваясь вдаль, она ждала вовсе не его. Их семья многие годы также служила семье Митидзанэ. Когда их господина изгнали из столицы, то оставшись без средств, ее муж был вынужден пойти на службу к его врагу. Этим он опозорил свою семью. Поэтому их сыну представилась возможность искупить его проступок. Поскольку отец мальчика хорошо знал членов семьи

Митидзанэ, то именно ему было поручено опознать голову наследника. И когда все завершилось, он вернулся домой и объявил всем: «гордитесь, наш сын доказал Преданность нашей семье господину!»).

Я так и слышу как восклицают некоторые из моих читателей: «Боже мой, как это чудовищно! Родители пожертвовали невинным ребенком, чтобы спасти жизнь чужому человеку!» Но этот маленький самурай прекрасно понимал за что он жертвует жизнью.

Это история об искупительной смерти, такой же трогательной и героической, как библейская история Авраама и Исаака (79). Это реальная демонстрация Преданности конкретному человеку, будь он во плоти или незримым ангелом, слышимым в виде внешнего или внутреннего голоса. Но я воздержусь от цитирования дальнейших религиозных сентенций.

На Западе, с его традиционным индивидуализмом, человеку необходимо напоминать о долге помощи другим людям даже в семье, например, мужу помогать жене, детям - родителям. На Востоке в этом нет необходимости, поскольку коллективные интересы считаются более важными, чем жизнь отдельного человека или семьи. Семью обычно связывает чувство непреодолимой и инстинктивной привязанности (которой, впрочем, кроме людей также обладают многие высокообразованные животные), поэтому вполне понятно, что какой-либо член семьи способен пожертвовать своей жизнью ради спасения другого члена семьи, поскольку он его любит. Но в чем тут заключается героизм по отношению к другим людям, обществу в целом? Разве не наша прямая обязанность быть «мытарями» (80), как учит закон Божий?

В древней рукописи «Хэйкэ моногатари» («Сказание о доме Тайра», 13 век) есть сюжет о душевной борьбе Сигэ-мори после того, как он узнал о многочисленных несправедливых поступках и произволе по отношению к императору своего отца, князя Киёмори.

Сигэмори, человек приверженный принципам справедливости и гуманности, сказал ему: «видно приходит конец вашей отец счастливой судьбе, если вы вознамерились сеять смуту в нашей стране, позабыв про заветы Будды и про пять постоянств (человеколюбие, долг, ритуалы, мудрость и верность).

Вам следует сменить доспехи на подобающее вам монашеское одеяние». Сигэмори, чтобы не нарушить долга по отношению к императору и долга по отношению к отцу и таким образом сохранить свою честь, просил отца отрубить ему голову, но тот отказался.

Император отметил, что Сигэмори не впервые являет свое величие духа.

Древняя история Японии хранит множество свидетельств событий, подобных Сигэмори, в которых сердце самурая разрывалось в конфликте между Преданностью сюзерену и человеческой привязанностью. Говоря о трагизме этой ситуации, которая связана с концепцией сыновнего благочестия (Ко), аналогов этой темы вы не найдете ни у Шекспира, ни в Ветхом завете. Согласно Бусидо, в таких случаях самурай должен был выбирать Преданность. Матери-самурай с детства воспитывали в детях дух Преданности своему сюзерену и даже настраивали их на то, что ради этого долга своему господину они могут пожертвовать своей жизнью.

Бусидо, как в свое время и Аристотель (81), а также некоторые современные философы основываются на принципе преобладания государственных интересов над личными.

Человек рассматривается, как неотъемлемая часть государства, поэтому он должен жить интересами своей страны и, если потребуется, то умереть за нее или за ее законного представителя. Философия Сократа (83), жившего во времена древнекритского государства (82), провозглашала объективную, божественную природу «закона» (у Сократа «закон» подразумевает «государство/отечество»), который является фундаментом любого государства, поскольку он основыва-

ется на естественных человеческих нормах жизни и является воплощением высшей нравственно-правовой нормы - справедливости. И даже, если нам кажется, что отечество к нам несправедливо, его все равно следует любить так же, как следует любить своих родителей. «Или ты настолько глуп, что не видишь, что отечество дороже матери, отца и всех предков, что оно более почтенно, более свято и имеет большее значение у богов и людей. Перед законом надо благоговеть, ему покоряться и, если он разгневан, угождать ему больше, чем родному отцу, надо исполнять то, что он велит, а если он приговорит, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы, пошлет ли он на войну, на раны или смерть; все это нужно выполнить, ибо в этом заключена справедливость. Нельзя отступать, уклоняться или бросать свое место в строю. На войне, на суде, повсюду надо исполнять то, что велит отечество, или же стараться переубедить его и объяснить, в чем состоит справедливость. Учинять же насилие над матерью или отцом, а тем паче над отечеством - нечестиво». Слова Сократа поразительны тем, что их смысл полностью совпадает с Бусидо. Преданность – это этический результат теории государства.

Я не согласен со Спенсером, который сказал: «каждый человек волен делать то, что желает, если это не нарушает свободу других людей» (Principles of Ethics, т. I, гл. 2, ч. 10). Но возможно, я не прав. Процветание государства – это результат нравственного состояния его граждан. Мы можем с удовлетворением согласиться с этим, поскольку каждый из нас верит, что когда-нибудь настанет время, когда его государство превратится из «песчинки в могучую скалу, поросшую многовековыми мхами».

Я позволю себе заметить, что даже столь демократичным людям как англичане свойственно, говоря словами, недавно написанными Бутми, «чувство Преданности конкретному человеку и его потомству, берущее начало со времен англосаксонских племен, которое в наше время выражается в не

менее глубоком почитании английским народом своих монархов, что свидетельствует об их необычной преданности монархической системе государства».

По мнению Спенсера, государство основывается на совести его граждан, а не на естественном чувстве Преданности. Предположим, что его теория верна, но может ли чувство суверенной Преданности, то есть – естественная склонность человека кого-либо почитать в своей жизни и служить ему - исчезнуть навсегда? По сути своей природы людям свойственно служить человеку (то есть - монарху), не задумываясь о личности этого почитаемого человека, который временно владея скипетром становится правителем на престоле в святилище, возведенном нашими сердцами. Несколько лет назад теория Спенсера, распространяемая его учениками, произвела бурное и неизгладимое впечатление на японцев, которые являются сторонниками идеи необходимости безусловной Преданности императору. Ученики Спенсера выстроили свои прямолинейные аргументы без всякого софистического остроумия и схоластических извилины. Из тех немногих выводов, которые они сделали, они пришли к мнению, что: «служить двум господам без того, чтобы не презирать обоих, невозможно», потому что, нужно «воздавать Богу - богово, а кесарю – кесарево». Но разве Сократ не говорил нам о том, что нужно безстрашно противодействовать и не на йоту не уступать искусителю, а вместо этого, с равной Преданностью и хладнокровием слушаться своего земного господина, то есть - государства? Сократ служил и умер за свое государство. Но увы, неизвестен тот день, когда какое-либо государство станет сильным благодаря совести его граждан!

Бусидо не требовало от самурая перепоручения чести своему господину или императору. То есть, пользуясь цитатой шекспировского Томаса Маубрэя (84):

«Сам брошусь, государь, к твоим стопам. Хоть жизнь отнять одним ты можешь взором,

Не властен ты покрыть меня позором.

Я жизнь тебе отдам, как долг велит, Но честь моя лишь мне принадлежит».

По Бусидо, человек, который позабыв о чувстве достоинства, исполнял капризы, причуды или несправедливые приказы своего господина, считался обезчещенным. Такого человека самураи называли «ней-син» (nei-shin) - «лакей», потому что вместо службы, он занимался прислуживанием, то есть - заискиванием, или «со-син» (cho-shin) – «плебей», который старался влезть в доверие либо стать «любимчиком» своего господина посредством низкого раболепия.

Эти два эпитета отражают сущность тех, кого самураи считали сознательными рабами, любящими свою подобию-страстную неволю и видящими свою службу господину в виде лизоблюдства, игнорируя Преданность, основанную на велении благородного сердца.

Преданность господину также выражалась в указании ему на неверность его решений, подобно тому, как граф Кент предупреждал своего короля (85). Но при всем при этом самурай был обязан исполнить приказ своего господина в любом случае, даже если ему не удавалось переубедить его отменить несправедливое решение. Нередко, протестуя против решения своего господина, и вследствие этого, оказавшись между долгом преданности и долгом справедливости, самурай совершал сеппуку.

Смыслом жизни самурая было служение. Это было его долгом чести, поэтому воспитание и образование самурая было построено с учетом этого.

САМУРАЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Главной целью в обучении самурая было воспитание ответственного характера. При этом исключались такие качества как рассудительность и желание полемизировать. Тем не менее, грубое невежество тоже не позволялось. Поскольку самурай был представителем высшего сословия,

этика в его образовании считалась чрезвычайно важной. Обладание развитым умом ценилось, но понятие «ти» (chi) - «рассудительность» подразумевало прежде всего мудрость, а не конформизм (приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений, отсутствие собственной позиции, безпринципное и некритическое следование мнению большинства и т.п.). Краеугольным камнем, который лежал в основе Бусидо, были: «ти» (мудрость), «дзин» (сострадание) и «ю» (храбрость). Сущность самурая была в действии. Философские размышления и научные изыски ему были не к чему. Достижения науки признавались лишь в части, которая могла быть полезна в военном деле, а философия считалась уделом монахов и ценилась лишь потому, что обладала методами развития духа. Говоря словами одного английского поэта, самурай должен был знать, что «не убеждения делают из человека человека, а человек - убеждения». С помощью философии и литературы самурай приобщался к мудрости, но нельзя сказать, что он уделял им много времени. Литература не являлась частью обязательного обучения, ею занимались в свободное время для души, а к философии прибегали лишь как к дополнительному средству для воспитания характера, поскольку она не решает текущих военных или общественных проблем.

Вполне понятно, что самым важным в военном деле являлось обучение боевым искусствам: фехтованию, стрельбе из лука, дзю-дзюцу («искусство уклонения от ударов» или «искусство боя без оружия». Прим. – У.Э. Гриффис) или «явара» (yawara), верховой езде, владению копьем, тактике и т.п. Кроме того немаловажную роль играли искусства, которые не было непосредственно связаны с военным делом, например: каллиграфия, этика, стихосложение и история. Из перечисленных мною искусств, дзю-дзюцу и каллиграфию выделяю особенно.

В Японии умение красиво писать возведено в ранг искусства. Наши письменные знаки – иероглифы - по сути являются

ся миниатюрными рисунками, поэтому обладают не только художественной ценностью, но и отражают внутренней мир человека. Дзю-дзюцу можно кратко охарактеризовать, как искусство атаковать или обороняться без оружия и без применения грубой физической силы. То есть так захватить или ударить противника по определенной части тела, чтобы он стал обездвижен или неспособен к продолжению действий. В общем и целом, цель дзю- дзюцу гуманна - не убить, а лишь обезвредить на некоторое время противника.

Существенным недостатком в обучении самурая, по моему мнению, было отсутствие арифметики. Это объяснялось тем, что в ней не было необходимости, поскольку во времена феодальных войн сложные расчеты просто не требовались. Но не только по этой причине арифметика не изучалась. Богородный воин не нуждается в богатстве, поскольку не боится бедности. Как говорил Вентидий (86):

«...ты воин - значит, беден; Дарить тебе - благое дело: ты Живешь средь мертвецов; твои угоды – Поля сражений».

Дон-Кихот гордился своим ржавым копьём и старой лошастью, а не золотом и поместьями. Самураи также разделяли идею их несколько гротескного коллеги из Ла-Манчи. Они презирали деньги, а также все способы и методы их зарабатывания и тем более накопления. Они никогда не ценили золото и не украшали себя им. Существовало даже такое выражение, отражавшее крайнее нравственное падение государства: «их правители любят золото, а воины боятся смерти». Щедрость восхвалялась, жадность и скупость порицались. «Только глупый человек», - гласит одно известное японское высказывание, - «может жаловаться на бедность, поскольку богатство является препятствием на пути обретения мудрости». Поэтому самураи зачастую не умели считать, поскольку у них не было необходимости в ведении финансовых дел. Даже говорить о деньгах считалось не достойным, а неосведомленность человека в ценности различных монет была признаком благородного происхождения. Умение выполнять простые

арифметические действия считалось достаточным, чтобы подсчитать количество войск или распределить феодальные владения, а дела, в которых требовались сложные расчеты поручались менее знатным людям. Во многих феодальных владениях общественные финансы управлялись самураями невысоких рангов или священнослужителями.

Несмотря на то, что самураи должны были понимать необходимость средств для ведения войны, они не должны были стремиться к приумножению своих личных доходов. Но в любой момент деньги могли потребоваться на военные нужды, и Бусидо требовало от самураев вести экономный и скромный образ жизни в мирное время. Мотовство считалось отсутствием выдержки и даже негодностью к службе, то есть существенным изъяном в характере, поэтому самурайские порядки предусматривали довольно спартанский образ жизни.

В Великой римской империи купцы и менасарии (87) процветали, поскольку финансовой системе придавалось важное государственное значение. Но состоятельность и любовь к роскоши привела к развитию в римских гражданах чувства алчности и продажности.

Видимо исходя из этой идеи, любая предпринимательская деятельность для самураев запрещалась. Это считалось недостойным и порочащим честь самурая. Бусидо видел корень зла в накопительстве. Можно избавиться от тысячи и одной проблемы, если не впадать в зависимость от роскоши. Это же видимо и является объяснением уникального факта, что в среде самураев не было коррупции. Но увы, времена меняются и первые семена плутократии теперь дают свои первые всходы и на японской земле.

Развитие логики, которой в настоящее время обучают в основном с помощью математики, у самураев происходило посредством чтения философских трактатов и бесед. Самураев мало занимали абстрактные построения и умозаключения, поскольку главной целью обучения, как я уже упоминал,

было воспитание духа. Далекие от жизни знания признавались, но предпочтение отдавалось насущным. Из того, что писал Бэкон (88): «науками занимаются ради удовольствия, ради украшения и ради умения. Удовольствие обнаруживается всего более в уединении, украшение - в беседе, а умение - в распоряжениях и руководстве делом» («Reading & writing as moral activities», Бэкон) - Бусидо отдавал предпочтение «ради умения», поскольку это было необходимо самураям «в распоряжениях и руководстве делом». Таким образом, самураи изучали только те науки и искусства, которые можно применить на практике в жизни, например, для руководства общественными делами или для самосовершенствования. «Знание без умения бесполезно», - учил Конфуций, - «а умение без знания опасно».

Если учитель руководствуется принципом, что в жизни важнее «сердце, а не ум; дух, а не выгода», то вся его деятельность приобретает сакральный характер. «Родитель – это тот, кто произвел меня на свет, учитель – это тот, кто научил меня быть человеком». Из этой сентенции можно понять насколько высоко ценился наставник. Чтобы ученики верили и уважали своего учителя, он должен обладать высокими моральными качествами и мудростью. Учитель – это второй родитель и лучший советчик. «Твой отец и мать», - гласит известная японская мудрость, - «подобны Небесам и Земле, а твой учитель и господин подобны Солнцу и Луне».

Современный принцип оценки любой услуги только в денежном выражении отрицался Бусидо. В среде самураев любая помощь или услуга ценилась больше денег, поскольку считалась безценной. Ведь любой труд, будь то религиозного или светского наставника, невозможно оценить в деньгах, поскольку на всей земле не найдется столько серебра или золота, чтобы расплатиться за то, что не имеет цены. Эта идея Бусидо более благородна, чем современные принципы товарно-денежных отношений, по которым результат труда материален, а значит соответственно оплачиваем. Но как

оценить труд учителя, а именно - воспитание духа (или души, если речь идет о священнике), если он по сути не является материальным? К нему деньги, как мерило его ценности, не применимы. Конечно, ученики-самураи делали подношения в виде денег, продуктов или товаров своим учителям, но это имело значение благодарности, а не оплаты услуг, и еще потому, чтобы учитель не жил в нужде и не был вынужден работать на кого-то еще.

Со своей стороны учитель тоже не мог требовать платы за наставничество, поскольку будучи примером для своих учеников, он был обязан стойко переносить все невзгоды жизни. Он по сути являлся примером того, к чему ученик должен был прийти к концу своего обучения, то есть быть образцом дисциплинированности и Самообладания.

САМООБЛАДАНИЕ

Самообладание и сила духа - с одной стороны и необходимость вежливости - с другой, требовали от самурая ради благополучия или спокойствия других людей переносить свое горе или боль стоически. Это в свою очередь отразилось и на всем национальном характере японского народа. Я не претендую на утверждение, что это исключительная черта только нашего народа, но все же некоторые из наших традиций и устоев по сравнению с иностранными являются более строгими и даже несколько жестокими.

Начнем с того, что японцы такие же эмоциональные люди, как и любой другой народ в мире. И даже, по моему мнению, в каком-то смысле мы более чувствительны, чем другие народы. Да, более, поскольку требование пресекать естественные физиологические реакции влечет за собой еще большие страдания. Представьте себе маленького мальчика и девочку, которые упали, но поднявшись не вправе обронить ни единой слезинки, не издать ни стона, которые выразили бы их боль. Как следствие возникает физиологическая проблема, поскольку такое внутреннее усилие еще больше напрягает нервы и усиливает боль.

Для самурая считалось недостойным «потерять лицо», то есть, если все эмоции «написаны» на лице. Самураи, восхищаясь волевым характером человека, говорили: «совершенно не понятно, радуется он или гневается». Явное проявление самых естественных человеческих привязанностей считалось неприличным. Отцу не престало вслух хвалить сына, а мужу целовать жену, причем не только в присутствии посторонних людей, но даже при других членах семьи! Возможно есть некая толика правды в остроумном высказывании о супругах: «американские мужья целуют своих жен на улице и бьют дома, а японские мужья бьют своих жен на улице и целуют дома».

Самообладание согласно Бусидо требовалось, чтобы вспышки эмоций не приводили к нарушению общественного порядка. Расскажу о впечатлениях одного американца, который во время последней войны с Китаем был свидетелем отправки японского армейского подразделения из города. Чтобы проститься с полком и его командующим на железнодорожной станции собрались тысячи людей. Как впоследствии вспоминал американец, он ожидал увидеть как обычно всевозможные проявления горя, поскольку среди провожающих было много отцов, матерей, жен и возлюбленных уходящих солдат. Но он был поражен. Раздался свисток паровоза и состав тронулся в путь, и тысячи людей, сняв шляпы, безмолвно склонились в прощальном поклоне. Не было не только криков и размахиваний платками, не было даже сказано ни одного слова. Над станцией нависла гулкая тягостная тишина, в которой только очень чуткий слух мог уловить несколько сдержанных рыданий.

В своей жизни я знал отца, который слушая дыхание больного ребенка, проводил бессонные ночи у закрытой двери его комнаты, потому что никто не должен был видеть его в моменты такой родительской слабости! Я знал мать, которая в последние минуты своей жизни воздержалась от того, чтобы послала за сыном, потому что считала не вправе себя от-

влекать его от занятий. Наша история и каждодневная жизнь наполнена примерами героического поведения женщин, которые по трагизму могут выдержать любые сравнения даже с самыми трогательными историями у Плутарха (89). Среди наших крестьян Макларэн (90) нашел бы множество героинь «Марджет Хоу» (91).

Именно из-за Самообладания японцев христианские приходы в Японии имеют большие сложности с паствой. Когда японец чувствует смятение в душе, его первым же инстинктивным действием будет подавление этого чувства. Редкий японец не впадает в шок в церкви, когда слышит от священника эмоциональные речи о столь интимных по его мнению вещах. И почему, например, святые отцы произносят имя Господа, если согласно Третьей заповеди это запрещено (92). Как можно произносить вслух священные слова и пересказывать самые сокровенные библейские события на публике?

Некий молодой самурай так писал в дневнике о своих чувствах: «вы ощущаете, как почву вашей души плугом вспахивают мысли? Значит, пришло время сева семян и сбора урожая нового знания. Не говорите об этом вслух, позвольте этому сокровенному действию происходить в тайном безмолвии».

Для японцев не только произнесение длинных речей о своих мыслях и чувствах, и особенно духовных, но даже простые разговоры об этом считаются определенным и безошибочным признаком того, что говорящий далеко не мудр и даже не искренен.

«Только гранату», - гласит одна из японских пословиц, - «позволено, когда он открывает рот обнажать свое сердце».

Поэтому если человек, стараясь совладать со своими эмоциями, молчит, то еще не означает его «извращенности» восточного ума. Например, знаменитый Талейран (93) говорил, что использовать слова для сокрытия мысли дано немногим и называл это «искусством сокрытия мыслей». Если вы переживая глубокое несчастье, обратитесь за помощью к своему

японскому другу, то будьте готовы, что заметив ваши покрасневшие глаза или влажные от слез щеки, он произнесет что-нибудь шутливое. И вполне вероятно, что вашей первой же мыслью будет, что он ненормальный. А если вы попытаетесь заручиться его душевной поддержкой, то в ответ услышите скорее всего набор банальных фраз, типа: «человеческая жизнь – это страдание», «за встречей всегда следует расставание», «кто родился, обязательно умрет», «глупо вспоминать про возраст ребенка, который ушел, но сердце женщины находит в этом утешение» и т.п. Но знаменитая фраза: «*lerne zu leiden ohne klagen*» (нем. – учись страдать без жалости к себе), произнесенная благородным Гогенцоллерном (94), напоминает нам о том, что идеал Самообладания был не чужд и среде западной культуры.

Японцы всякий раз прибегают к спасительной силе смеха, когда непрочность человеческой природы проходит через суровые испытания. По моему мнению, мы достигли того, о чем в свое время говорил Демокрит (95): о господстве разума над страстями, свободе души от страха смерти и других переживаний. И смех, с его положительными эмоциями, является способом отвлечения от чувства горя или гнева.

Затаенные эмоции или чувство печали японцы изливали в стихотворениях, которые тем самым являли собой некую отдушину. Один из японских литераторов 10 века писал: «в Японии, как и в Китае, целью стихосложения зачастую является необходимость выражения переживаемых человеком чувств, поэтому это привело к возникновению своеобразного стиля (96)». Приведу пример стихотворения женщины (97), которая ища утешение своему разбитому сердцу после смерти маленького сына, написала следующие строки:

«О мой ловец стрекоз!

В какую в неведомую даль

Ты нынче забежал?»

Я бы мог привести множество примеров подобных стихов чтобы вы, мои уважаемые читатели, смогли по достоинству

оценить истинные жемчужины нашей литературы, прочувствовать всю глубину переживаний, написавших их людей, чьи благородные сердца представляют собой драгоценности самого редкого достоинства. Надеюсь, что я смог несколько развеять миф, который сложился о безсердечности и даже жестокости японского народа.

Самообладание и безстрашие перед лицом смерти привели к возникновению мнения у иностранцев, что у японцев более крепкие нервы, чем у других народов. Может быть это и так. Но тогда возникает следующий вопрос: почему? Американцы предположили, что возможно это влияние нашего климата. А может потому, что нашу государственную монархическую систему никогда не сотрясали бурные события подобные французской революции? Наверно мы мало читаем «Sartor Resartus» (философско-публицистический роман Томаса Карлейля (69)) и не следуем рьяно его идеям, как англичане. Но по моему мнению, вероятнее всего это является следствием многовековой внутренней дисциплины, а также развившейся за долгие годы саморепрессии (неуверенность в себе) японцев.

Но неправильное понимание глубинной сути Самообладания может привести к отрицательным последствиям. Оно может изничтожить все добросердечие в душе, исказить внутреннюю сущность человека и породить монстров. Человек впадает в фанатизм, становится лицемером и лжецом. Это не Самообладание, это цинизм и жестокость. Мы должны четко осознавать положительные качества каждого достоинства, чтобы следовать им. И Самообладание требует от нас особенно тонкого понимания, ведь оно, выражаясь словами Демокрита, приводит нас к эфимии (98), которая очень важна в жизни человека и является безусловным элементом цели всего человечества.

Чтобы понять каких высот достигало чувство Самообладания у самураев, я в качестве иллюстрации к этому рассказу о таком институте Бусидо, как - Сеппуку и Сатисфакция (99).

СЕППУКУ И САТИСФАКЦИЯ

Об этих двух явлениях в жизни самураев, первом известном, как «хара-кири» (hara-kiri), а втором – «катаки-ути» (kataki-uchi) - более или менее подробно писало множество иностранцев. Поэтому я позволю себе ограничиться рассказом лишь о «сеппуку» (serpuku) или он же «каппуку» (karpuiku), что означает: «жертвенный акт через эвисцерацию» (100).

«Вспороть живот? Что за безумие!», - обычно восклицают иностранцы, впервые слыша об этом. Но этот нелепый на первый взгляд обычай самураев может показаться не совсем странным для почитателей творчества Шекспира, который в одной из трагедий (101) писал про самоубийство Брута: «прошу тебя во имя старой дружбы, держи мой меч – я брошусь на него». В эпической драме «Свет Азии» одного из современных английских писателей (102) есть сюжет, в котором рассказывается о королеве, которая была вынуждена вспороть себе мечом живот. Или, например, вспомните знаменитое произведение «Смерть Катона» итальянского художника Гверчино (103) в картинной галерее генуэзского «Палаццо россو». Какими бы не были речи, произносимые перед смертью Катона, которые вкладывает в его уста Аддисон (104), мы не можем презрительно думать о человеке, способном вонзить себе меч в живот. Этот античный сюжет прославляет гражданскую доблесть человека, готового покончить с собой, чтобы ценой жизни доказать обществу верность своих идей. Это настолько удивительное проявление самообладания, что даже безчеловечный акт самоубийства превращается в торжество величия духа, становясь символом новой жизни, признаком силы воли, о которой говорил Константин Великий (105), что она способна покорить мир!

Поскольку некоторым читателям может показаться странным способ совершения Сеппуку, то сначала я объясню почему удар наносится именно в живот. В Японии согласно старинных поверий жизнь человека пребывает в области жи-

вота, то есть в месте, где через пуповину происходит рождение человека, поэтому у японцев считается, что живот «ближе всего» не только к нашей жизни, но и к смерти. Когда Моисей сказал, что «Иосиф обречен на смерть, но это чувство, опалив все нутро его, исчезло, как и явилось, оставив в душе Иосифа пустыню» или, когда Давид просил Господа не предавать забвению его нутро, либо Исаия и Иеремия, а также другие святые апостолы говорили о «безпокойстве» или «тревогах» нутра, то все они аналогично японцам считали, что душа человека обитает в животе (106). Правда когда они говорили о вместилище жизни и чувств, то предполагали не кишечник, как японцы, а печень и почки, а также прилегающую к ним жировую ткань. Понятие «хара» (hara) имеет свой аналог у древнегреческих философов - «френ» или «тумос» (107), что говорит о том, что древние греки, как и японцы, много рассуждали о том, где у человека находится жизнь (дух). Но не одни они сходились в этом мнении.

Например, французы несмотря на теорию одного из самых выдающихся французских философов, Декарта, который полагал, что жизнь человека находится в шишковидной железе (108), склоняются к мнению, что жизнь человека находится в животе, которая реально не видна, но теоретически очевидна. Слово «entrailles» (нутро) во французском языке также имеет значение «отзывчивость» или «сострадание». Но возможно все это только предрассудки, поскольку более логично было бы считать местом жизни и чувств сердце. Но все японцы знают ответ на вопрос, который Ромео задавал святому Отцу:

«О мой отец, скажи, где поместилось

В моем презренном теле это имя,

Чтоб мне разрушить гнусное жилье!» (109)

Современные физиологи выдвинули теорию о том, что нервы, расположенные в брюшной и тазовой части тела способны «мыслить» самостоятельно, получая передаваемую нервами «информацию» от других частей тела. Эта осо-

бенность нашего организма позволяет постичь силлогизм о Сеппуку: «я открою то место, где находится моя жизнь (дух/душа), и вы сможете убедиться грязна она или чиста».

Хочу, чтобы читатели поняли меня правильно. Я не оправдываю самоубийство ни с точки зрения религии, ни с точки зрения общества, но считаю, что для сохранения чести и достоинства человека оно вполне оправдано. Согласитесь, сколько чувств вложил Гарт (110) во фразу: «от страданий поруганной чести избавит только смерть, потому что смерть лучшее средство от позора».

Чтобы избавиться от чувства стыда самураи предавали свои души забвению. Смерть во имя сохранения чести согласно Бусидо была универсальным средством для разрешения множества сложных этических проблем. Кроме того, для некоторых тщеславных самураев естественный уход из жизни вследствие старости казался слишком банальным. Я позволю себе заметить, что многие христиане, если только они достаточно искренни, выражают одобрение, если не сказать восхищение тем возвышенным Самообладанием, с которым Катон, Брут, Петроний и иные античные герои завершали свое земное существование. В течение многих веков философы ведут спор о том, можно ли считать смерть первого из философов (Сократ) самоубийством. Сократ был несправедливо обвинен. Суд предложил ему самому определить себе наказание. Сократ сказал, что он уже стар (ему было 70 лет) и не боится смерти, которая есть или переход в небытие, или жизнь в Аиде, где он встретится с Гомером и другими выдающимися людьми. Последний день жизни Сократ провел с учениками. Он объяснил им, что не боится смерти, потому что был подготовлен к ней философией и всем своим образом жизни. Ведь само философствование, по его убеждению, есть не что иное, как умирание для земной жизни и подготовка к освобождению бессмертной души от ее смертной телесной оболочки. Вечером он простился с женой и тремя сыновьями. Затем в присутствии учеников Сократ выпил чашу

растительного яда. В памяти людей Сократ навсегда остался мудрецом, который заставил страдать своих обвинителей (111).

Я думаю, что теперь мои читатели начинают понимать, что Сеппуку было не просто самоубийство. Вне зависимости от вида Сеппуку - юридического или искупительного - это был сакральный акт в полном его значении. Сеппуку, возникшее еще во времена раннего средневековья, позволяло самураям искупать свою вину, исправлять ошибки, избавляться от позора, оказывать почести друзьям или доказывать свою преданность. Если Сеппуку имело значение юридического наказания, то оно осуществлялось по соответствующей церемонии. Это была подробная и утонченная процедура, в ходе которой каждый участник должен был продемонстрировать всю свою предельную силу духа и Самообладания, что должно было подтверждать справедливость высокого статуса самураев.

От примеров из античной истории, хочу перейти к рассказу непосредственно о церемонии Сеппуку и, воспользуясь для этого новой книгой английского писателя Митфорда (112), которую я недавно прочитал и считаю, что в ней на мой взгляд прекрасно изложена эта древняя самурайская традиция, поскольку автор использовал в своей работе редкую историческую иностранную рукопись о культуре Японии, в которой было рассказано о Сеппуку, как о юридическом наказании.

«Нам было предложено проследовать за японскими свидетелями в «хондо» - главный зал храма, где должна была состояться церемония. Это было впечатляющее зрелище.

Огромный зал с высоким потолком-крышей, которую поддерживали толстые столбы из темного дерева. С потолка свисало множество традиционных для буддистских храмов светильников и украшений. Перед алтарем, который покоился на красивых белых циновках, приподнимавших его над полом приблизительно на 3-4 дюйма (7,62-10,16 см),

был расстелен мат ярко-красного цвета. Высокие свечи, расставленные вокруг мата через равномерные промежутки, распространяли тусклый таинственный свет, который был достаточен только для того, чтобы присутствующие могли различать происходящее. Семь японских свидетелей сели на пол слева от алтаря, мы - семь иностранцев - справа. Больше в зале никого не было.

Через несколько минут полной тишины, во время которой никто из присутствующих не сделал ни малейшего движения, медленным шагом, полным достоинства, в зал вошел приговоренный - Таки Дзендзабуро. Это был рослый человек, 32 лет от роду, облаченный в особую одежду для этой церемонии, со специфической самурайской накидкой без рукавов из пеньковой ткани с широкими накрахмаленными плечами (катагину), которую самураи одевали в особо торжественных случаях.

Его сопровождал «кайсяку» и три чиновника «микадо» (императора) в парадной одежде, в дзимбаори (113) из дорогой ткани с золотой нитью. Должен сказать, что «кайсяку», который отсекает приговоренному голову, не означает «палача» в традиционном западном понимании. «Кайсяку» – это человек, оказывающий благородную услугу, который в основном избирался самым осужденным как правило из числа своих родственников или преданных ему людей, поэтому их отношения более соответствуют «господину и слуге», чем «осужденному и палачу». В данном случае Таки Дзендзабуро просил быть кайсяку своего самурая, самого опытного в искусстве меча.

Три чиновника остановились. Таки Дзендзабуро, сопровождаемый с левой стороны кайсяку, вышел вперед и остановился. Они медленно с чувством глубокого уважения поклонились сначала японским свидетелям, а затем с чувством собственного достоинства – иностранным. На их поклоны было также церемонно отвечено. Далее в одиночку, также размеренно и торжественно Дзендзабуро прошел на центр

ярко-красного мата, дважды медленно поклонился в сторону алтаря, и повернувшись к нему спиной сел на колени (114). Кайсяку также сел на колени чуть позади от него с левой стороны. После этого один из трех чиновников подошел к Дзендзабуро, держа перед собой подставку, которую используют в храме для подношений, на которой лежал вакидзаси (115) (мог заменяться на «tanto» (tanto)), с лезвием, обернутым бумагой. С почтительным поклоном он вручил подставку с мечом осужденному, который принял ее, подняв обе руки до уровня головы, а затем поставил перед собой.

После завершения, согласно ритуалу, подготовительной части, Таки Дзендзабуро (116), низким сдавленным голосом, который выдавал в нем чувства человека, вынужденного сделать тяжелое для себя признание, но без каких-либо признаков волнения на лице, произнес следующее: «я виновен в том, что приказал стрелять в иностранцев в Кобэ (Kobe), потому что они пытались бежать. За это преступление я совершу Сеппуку, и прошу присутствующих, оказать мне честь, чтобы это свидетельствовать».

Затем Дзендзабуро поклонился и скинул кимоно с плеч, которое соскользнуло на пояс. Он тщательно согласно традиции подвернул рукава под колени, чтобы предотвратить падение своего мертвого тела назад, поскольку благородному японскому мужчине не подобает после смерти оказаться в положении лежа на спине. Точным размеренным движением он взял лежавший перед ним меч, помедлил несколько секунд, глядя на него задумчиво, почти благоговейно, как казалось, собираясь с мыслями в последний раз, а затем резким движением воткнул его глубоко в живот с левой стороны, затем медленно провел разрез в правую сторону, и повернув его в ране, сделал небольшое движение вверх. В течение этой болезненной процедуры на его лице не дрогнул ни один мускул. Но когда он вытащил меч из раны, наклонился вперед и вытянул шею, выражение ужасной боли впервые исказило его лицо, но он не проронил ни звука. В тот момент кайсяку,

сидевший все это время рядом, внимательно следя за каждым движением Дзендзабуро, вскочил на ноги и мгновенно занес меч над своей головой – раздался глухой и ужасающий звук падения тяжелого предмета – голова Дзендзабуро одним точным ударом меча была отсечена.

Вслед за этим наступила абсолютная тишина, нарушаемая только звуком бурлящей крови, вытекавшей пульсируя из неподвижного тела, которое несколько секунд назад было телом честного и храброго человека. Это было ужасно.

Кайсяку низко поклонился телу Дзендзабуро, отер меч от крови заранее заготовленной для этого бумагой, сошел с красного мата и торжественно продемонстрировал его свидетелям, как кровавое доказательство возмездия.

После этого два чиновника микадо поднялись со своих мест, подошли к сидящим иностранцам, и обратились с речью о том, что они стали свидетелями искренности чувств Таки Дзендзабуро. Это было традиционное завершение официальной церемонии Сеппуку, после чего мы покинули храм.

В японской литературе есть множество историй и рассказов о Сеппуку, и я позволю себе рассказать вам еще об одном.

Два брата, Сакон (Sakon) и Наики (Naiki), одному – 24, а другому – 17 лет, пытались убить сёгуна Иэясу, чтобы отомстить за их несправедливо оклеветанного отца. Они проникли в его лагерь, но были схвачены. Иэясу, восхищенный их храбростью, решил оказать им честь и позволил умереть благородной смертью, совершив Сеппуку. Их брат Хатимаро (Hachimaro), мальчик 8 лет, также был обязан разделить их судьбу, поскольку приказ о Сеппуку распространялся на всех мужчин в их семье, поэтому в храме, где состоялась церемония Сеппуку, присутствовало три брата. Целитель, который был свидетелем этого, оставил для нас рассказ об этом.

«Когда подготовительная часть церемонии была завершена и братья сели на мат для заключительных действий, старший брат Сакон, просил разрешения обратиться с речью к

своему младшему брату. Он сказал ему: «вы будете первым, поскольку я хочу убедиться, что вы умерли достойной смертью, как подобает мужчинам из нашего рода». Но мальчик ответил, что поскольку он никогда не видел как совершают Сеппуку, то он прежде хотел бы посмотреть, как это сделают братья, чтобы не опозорить семью. Братья переглянулись и старший брат улыбнувшись сказал: «вы правы Хатимаро. Мы думаем, что если бы здесь был наш отец, вы дали бы ему повод гордиться вами». И они посадили маленького Хатимаро между собой. Сакон первым воткнул меч в живот и произнес: «вот видите Хатимаро как это делается? Только, не втыкайте лезвие слишком глубоко, иначе вы можете упасть на спину. Кроме того следует слегка наклониться вперед, а колени широко развести для упора». Затем Наики, в свою очередь, повторил действия старшего брата и объяснил мальчику: «в этот момент нельзя закрывать глаза, иначе вы можете уподобиться умирающей женщине. И постарайтесь собрать не только всю свою храбрость, но и силу, поскольку сделать разрез поперек живота довольно-таки тяжело». Хатимаро внимательно смотрел и слушал своих старших братьев, и когда они умерли, он старательно и достойно повторил все то, чему они его учили».

Слава людей, совершивших Сеппуку, была настолько притягательна для молодежи, что многие из них искали любого случая, чтобы его совершить. Горячие юноши по всяким сомнительным поводам, многие из которых были недостойны Сеппуку, стремились к смерти, как мотыльки, летящие на огонь. Жажда славы с помощью Сеппуку манила молодых самураев, как монахов ворота женского монастыря. Жизнь ценилась меньше, чем слава. Прискорбно, но такая слава, говоря языком образов, была золотом далеко не высшей пробы. Кроме того, не последнюю роль играло обстоятельство, что по японским религиозным поверьям человек проживает семь жизней, а не попадет как самоубийца согласно христианской веры сразу в ад, где обрекается на муки вечные, об ужасах которых так красноречиво излагал Данте.

Но по Бусидо неоправданное жертвование жизнью считалось глупостью. Настоящий самурай, если его армия терпела поражение, с мечом, затупившимся в битве, со сломанным луком или без стрел, после долгого преследования его противником через равнины, леса и горы, укрывшись в темной пещере бросался на меч один, без зрителей. Это ли не героический поступок, подобный совершенному благородными римскими воинами, проигравшими знаменитую битву при Филиппах? (117). Самураи считали, что смерть почетна, если она сопровождается проявлением высочайшей силы духа, про который можно сказать, что он сравним с духовной силой христианских мучеников.

Пример самообладания самураев демонстрируется предсмертными стихами:

«Придите! Навсегда придите,
Все самые ужасные напасти и печали,
И принесите свои горестные ноши с собой.
Всего того, что мне не достает для испытания,
Той силы духа, что является мной». (118)

Согласно Бусидо самурай должен переносить все испытания и невзгоды, выпавшие на его жизненную долю, терпеливо и стойко. Мэн-Цзы учил (я использую дословный перевод доктора Легджа): «если Небеса хотят возложить на человека благородные обязанности, то сначала они посылают ему душевные муки, испытания для разума, заставляют страдать от тяжелого труда его кости и сухожилия, а внутренности от голода, они ввергают его в крайнюю нищету или подвергают другим подобным испытаниям, чтобы пройдя через все, человек обрел несгибаемую силу духа». Поэтому все проблемы в жизни воспринимались самураями как помощь на пути обретения мудрости и укрепления духа. Истинная сила духа обретается в следовании воли Небес, только тогда смерть благородна. Каждый должен делать то, что должен. В ином случае смерть будет считаться уклонением от исполнения воли Небеса, а это малодушие! В мистической книге Томаса

Брауна (119) «Religio Medici» («Религия медика», Лондон, 1643), есть точный эквивалент того, что является наиважнейшим принципом отношения к жизни и смерти согласно Бусидо.

Позвольте мне процитировать: «можно считать смелым человека, который в обычной жизни способен презирать смерть, но если у человека жизнь ужасней, чем смерть, но он продолжает жить - это является истинным проявлением силы души». Знаменитый японский монах 17 века, как-то насмешливо заметил: «самурай, любящий много рассуждать о смерти, когда приходит время действительно умереть обычно этого не хочет». Или: «кто «умер» еще при жизни, того никакие копы Санада (120) или стрелы Таметомо (121) не смогут убить». Аналогично велению Небес, под сводами христианского храма часто произносят фразу из учения Великого Строителя (122): «сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (от Матфея 10:39). И это лишь один из примеров, который демонстрирует, что люди в мире разделяют много общих идей, несмотря на попытки некоторых религиозных концессий провести разграничение между христианами и прочими «язычниками».

Надеюсь, что теперь ритуал Сеппуку уже не кажется вам настолько уж абсурдным или варварским. Поэтому хочу перейти к Сатисфакции и связанным с ней правом возмездия. Я полагаю, что мне нет необходимости уделять много внимания такому понятию как возмездие, поскольку эта традиция свойственна многим народам и до сих пор еще не везде считается пережитком прошлого, о чем свидетельствуют отдельные случаи дуэлей и судов линча. Например, недавний случай, когда американский капитан бросил вызов г-ну Эстерхази (Esterhazy) - не является ли мстью за Дрейфуса? (123) Среди варварских народов, которые не имеют понятий об институте брака, прелюбодеяние не считалось грехом, поэтому только ревность мужчины защищала женщину от насилия. Даже убийство не считалось преступлением, поскольку

ку им были не ведомы законы правосудия, и только страх мести сохранял в их племенной жизни какую-то видимость порядка.

«Какое чувство на земле является самым сладким?», - спросил Осирис у Гора. И тот ответил: «мечь за родителя», - а японец бы добавил бы к этому, - «и господина». В мести есть нечто, что соответствует нашему врожденному понятию правосудия. Мститель, обычно руководствуется таким принципом, например: «это мой отец. Значит он хороший человек и не заслуживал смерти. Тот, кто убил его, совершил злодеяние. Мой отец, если бы он был жив, отомстил бы ему, потому что даже Небеса карают за злодеяния. Поэтому убийство злодея это - справедливость моего отца и возмездие Небес. Он должен погибнуть от моей руки, потому что я сын своего отца, плоть от плоти его. И Небеса будут считать это справедливым». Конечно такая логика наивна и даже инфантильна (хотя в рассуждениях Гамлета мы видим более глубокий смысл), однако она хорошо демонстрирует наши врожденные понятия о справедливости и возмездии: «око за око, зуб за зуб». Смысл возмездия можно сравнить с решением сложного математического уравнения - пока одно действие не сделано, нельзя перейти к следующему.

Люди считали, что их боги также наделены чувством мести. Например, в иудаизме есть понятие Господа-ревнителя, а в греческом пантеоне богов есть богиня Немезида (124). Бусидо оправдывал мечь, как восстановление поправленной справедливости, то есть своего рода акт возмездия. В знаменитой в Японии истории о 47 ронинах (1701 год), их господин (125) был приговорен императором к Сеппуку. Поскольку в те времена суда не существовало, то у него не было возможности доказать свою невиновность, поэтому его преданные вассалы прибегли к единственной возможности восстановления справедливости - они отомстили его обидчикам, после чего сами совершили Сеппуку. Большинство японцев считают эту историю одним из ярчайших образцов самурайского бла-

городства и преданности, память о которой свежа в сердцах людей, как цветы на их могилах в столичном храме Зэнгакудзи (Sengakuji), где всегда курятся ароматные палочки.

Несмотря на учение Лао-Цзы (126) «за добро надо воздавать добром», голос Конфуция звучал громче: «за добро надо воздавать добром, но за зло надо воздавать по справедливости». И все же считалось, что месть оправдана только во имя своих старших родственников или благодателей. Собственные обиды, включая оскорбления жены и детей, следовало снести и забыть, поскольку месть за них считалась недостойной. Самурай мог понять клятву Ганнибала (127), как благородную идею мести за родину, но он презирал бы Джеймса Гамильтона (128) за его поступок.

В наше время институт Сеппуку и Сатисфакции утратил свое значение, поскольку правосудием теперь вершит уголовный кодекс. Не слышно больше романтических историй о праведных девах, мстящих за смерть своих родителей, нет больше трагических свидетельств семейной вендетты. Рассказы о странствующем воине Миямото Мусаси (129) кажутся теперь преданиями старины глубокой. Налаженная система правопорядка ловит преступников и судит их по законам, которые издает государство. И если правосудие справедливо, то нет больше необходимости в катаки-ути. Как сказано в одном из параграфов уголовного кодекса Новой Англии (130): «если голод сердца, томимого надеждой на насыщение кровью преступника, удовлетворен», то это проявление божественной воли.

Но несмотря на то, что статус Сеппуку не имеет подтверждения де-юре, мы время от времени все же слышим его отголоски. И я опасаясь, что это будет продолжаться еще долгое время, поскольку такую традицию сложно быстро изничтожить. К тому же сейчас появилось множество безболезненных и быстрых способов ухода из жизни, поэтому количество самоубийств растет во всем мире с ужасающим темпом. Но как заметил профессор Морзелли (131), Сеппуку занима-

ет среди них благородное положение. В своей книге (Suicide, с. 314) он пишет: «если суицид осуществляется очень мучительным способом или сопровождается долгой агонией, то в 99 случаях из 100 это связано с умственным расстройством, с отчаянием или иными душевными переживаниями человека». Но Сеппуку совершается не от отчаяния или безумия. Наоборот, для него требуется предельная осознанность и «sang froid» (фр. – хладнокровие, самообладание, выдержка). Из двух видов суицида согласно классификации доктора Страхана (Arthur K. Strahan. Suicide and Insanity, Лондон, 1893), первый он определял как осознанный или истинный, а второй как – не осознаваемый человеком, то есть – ложный. И Сеппуку являлось классическим примером первого вида.

Ритуал Сеппуку позволяет понять насколько важное значение в жизни самурая имел меч. Из глубин веков до нас дошло изречение: «меч – душа самурая» («Меч – душа самурая. Кто потеряет меч, тот потеряет честь и подлежит строжайшему наказанию» - Буке-Сё- Хатто (Уложение о самурайских кланах), изданное сёгуном Токугава Иэясу в 17 веке).

МЕЧ – ДУША САМУРАЯ

Согласно Бусидо меч - это символ доблести и благородства самурая. Мысль пророка Магомета о том, что: «меч – это ключ от ворот рая или ада» - довольна близка к этому смыслу. Искусству меча дети самураев обучались с самых ранних лет. В возрасте 5 лет совершался один из самых важных в жизни мальчика обряд - «посвящение в воины». Ему состригали детскую стрижку, облачали в традиционную самурайскую одежду (а точнее – одевали хакама), ставили на доску для игры в «го» (132) и засовывали за пояс настоящий меч, поскольку до этого ему позволялось иметь дело только с игрушечными. После этой церемонии «adoptio per arma» (лат. – посвящение в военные) малыш был не вправе выходить за ворота отцовского дома без меча, этого атрибута самурайского статуса, хотя зачастую в целях безопасности для

ежедневного ношения меч заменялся на деревянный. Проходило еще много лет прежде, чем ему позволялось носить стальной, который поначалу был не заточен, но затем это несовершенное оружие заменялось на боевое и юный самурай в восторге от острого клинка отправлялся опробовать его на деревьях и камнях. К моменту совершеннолетия (133), которое для юношей считалось в 15 лет, юный самурай обычно был уже достаточно обучен, поэтому вполне мог гордиться своим владением мечом, достаточно острым, чтобы разрубить им многие вещи. Само обладание столь опасным предметом возвышало его чувство собственного достоинства и возлагало ответственность за «не извлекай меча понапрасну». Меч превращался в символы ума и сердца - доблесть и благородство.

Самурай обычно имел при себе пару мечей (дзайсё). Один длинный - «дайто» (daito) или «катана» (katana), а другой короткий – «сёто» (shoto) или «вакидзаси» (wakizashi). В помещении они хранились на самом почетном месте, а ночью в случае необходимости самурай клал их под руку или у своего изголовья. Меч был постоянно с самураем, поэтому он становился ему самым близким и преданным другом. Он давал ему имя и общался с ним, как с живым. Кроме того считалось, что меч наделен сверхъестественной силой. Его уважали, ему преклонялись. У «Отца истории» (134) есть интересное описание того, как скифы приносили жертвы «акинаку» (135). В Японии во многих храмах и семьях хранятся мечи, как объекты почитания. Даже самым простым и безискусным оказывается должный почет. Любое неуважительное обращение с мечом считалось кощунством. И горе тому, кто позволил себе небрежно перешагнуть через оружие, лежащее на земле!

Естественно, что столь возвышенный объект поклонения не мог остаться без внимания художников, превратясь со временем в культ искусства и тщеславной гордости их владельцев, особенно в мирные времена, когда мечи не нахо-

дили должного применения, а были своего рода символами статуса, как посох у епископа или скипетр у короля.

Сущность самого предмета – смертельного оружия – стала забываться. Рукояти обтягивались галюшей (кожа акулы или ската) или самыми лучшими сортами шелков, цуба (гарда японского меча) отливались из меди и серебра, а ножны покрывались лаком всевозможных расцветок. Но все это не шло ни в какое сравнение с ценностью клинка.

Кузнец-оружейник был не просто ремесленником, он был вдохновенным творцом, а его кузница - святилищем. Каждый день до начала своих священнодействий с металлом, он исполнял ритуал очищения или как говорили: «сливался душой и духом с гибкой и непокорной сталью». Каждый взмах молота, погружения в воду, прикосновения к точильному камню означали сакральное действо самого высокого значения. И неизвестно что больше - сила духа мастера или же заклинания к божествам-покровителям вкладывало в меч душу. Японский меч - высочайшее произведение искусства. По качеству он может поспорить с лучшими в мире толедскими и дамасскими клинками. Во время тумана на его всегда холодном лезвии собираются капли влаги, его безупречная чистота металла отливает синевой, а несравненная острота наводит на мысль об его возможной истории жизни и способностях, его изгиб объединяет изысканное изящество с предельной силой. Все это не может не волновать, рождая в нас смешанное чувство страха и невольного благоговения перед его несравненной красотой. Благочестивы его намерения, если он является только предметом для восхищения - почитания силы и красоты. Но оказавшись в руках невозможно избавиться от непреодолимого желания его испытать! И сколько же раз вспыхивал луч солнца на лезвии его клинка, покинувшего свое мирное ложе, и сколько же раз испытывалась его сила на теле никому неизвестного невинного существа.

У моих читателей может возникнуть вполне закономерный вопрос, а оправдывало ли Бусидо использование меча

в подобных случаях? Однозначно - нет! Согласно Бусидо, и это является одним из важнейших его принципов, оправданно только обоснованное применение меча. Любые злоупотребления им не просто осуждались, а даже считались отвратительными. Только трус или хвостун может извлекать меч из ножен по пустякам. Настоящий самурай знает в какие моменты жизни ему подобает извлечь меч, а самое главное, он знает, что эти моменты в жизни, по правде говоря, случаются крайне редко. В качестве иллюстрации к сказанному, позвольте мне рассказать вам о ныне уже покойном самурае Кацу (136), который прославился в один из самых бурных периодов нашей истории, когда убийства, самоубийства и прочие кровавые деяния были обычным явлением. Кацу занимал высокое общественное положение и поэтому он неоднократно становился объектом для целей наемных убийц, но при этом сам за всю свою жизнь ни разу не дал своему клинку насладиться чужой кровью. Один из близких ему друзей вспоминал, как поинтересовался у него о причинах этого, на что Кацу ответил в свойственной ему философской манере: «я в принципе не приемлю идею убийства людей, поэтому никого не убивал. Потому что я просто не вижу людей, которым необходимо отрубать головы». Однажды, мой друг спросил меня о том же: «почему вы никогда никого не убивали»? И я ответил: перцы и баклажаны неприятны на вкус, но вы их едите? Ну, так вот, некоторые люди от них ничем не отличаются!. Мой друг возразил: «но так могут вас когда-нибудь убить». Я ответил: я осознаю, что могу погибнуть вследствие своей неприязни к убийству. И все же, я даже свой меч специально забил в ножны, чтобы его было сложно вытащить. Этой мой осознанный выбор, который соответствует моим принципам. Я предпочитаю быть убитым, чем убить другого. Да-да, не удивляйтесь. Представьте, что некоторые люди похожи на комаров или мух - они докучливы и кусаются. Но пройдет совсем немного времени и что? Ничего, лишь позудит немного и пройдет. Убить они вас этим не могут.

Все это я рассказал для того, чтобы читатель яснее понял, что не только закалка меча, но и дух самурая согласно Бусидо происходили через накал в горне превратностей судьбы и охлаждение в чане ледяной воды победы над ними. Знаменитая апофтегма (137): «позволить себя победить - значит победить самому», а также «лучшая победа та, в которой не пролито ни капли крови» и другие аналогичные выражения демонстрируют смысл того, что высшие идеалы Бусидо следуют путем служения и мира.

К сожалению, многие люди заблуждаются полагая, что этот принцип удел лишь монахов и философов, что настоящие самураи только практикуются с оружием и мечтают о войне. Это ложное представление об самурайских идеалах мужества и благородства отразилось и на представлении о женщинах-самураях, как амазонках. Поэтому я хочу посвятить отдельную главу обучению и Пути женщины-самурая.

ОБУЧЕНИЕ И ПУТЬ ЖЕНЩИНЫ-САМУРАЯ

Прекрасная половина человечества в восприятии мужчин представляется коллекцией парадоксов, поскольку их интуитивный склад ума лежит вне пределов мужской логики. У китайцев иероглиф «женщина» образуется из двух частей, один – «таинственное/непостижимое» или «юный», а другой – «женщина», потому что их внешняя привлекательность и более утонченные знания в деликатных вопросах выше прямолинейного мужского ума.

Однако, с точки зрения Бусидо женский склад ума вполне логичен и следовательно в нем нет ничего таинственного. Я бы определил его, как «мужеподобный», но это слово не совсем подходит по смыслу. Китайцы изображали своих супругов в виде символа «женщина, держащая в руках метлу». При этом значение такого предмета как метла конечно не означало, что «ее место только на кухне» или, как «боевое оружие» для защиты дорогого супруга, и уж тем более, не для ведьминских полетов, а для конкретной цели, для кото-

рой метла и была изначально изобретена. Древнее этимологическое значение китайского слова «жена» - «подметальщица» аналогична древнему прозвищу жены у англичан («wife» происходит от староанглийского «weaver»- ткачиха) и дочери («daughter» от «duhitar» – «доярка»). Круг обязанностей женщины-самурая не ограничивался только выражаясь фразой германского кайзера «kuche, kirche, kinder» (кухня, церковь, ребенок), а был более широк, поскольку Путь женщины согласно Бусидо заключался не в обслуживании, а в служении своей семье. Тихая размеренная семейная жизнь и боевой дух женщин-самураев лишь на первый взгляд кажутся несовместимыми, и как я позволю себе рассказать об этом более подробно далее, на самом деле вполне сочетаются.

По Бусидо первым долгом женщины-самурая считалось служение своему супругу. Кроме того в ней ценились такие качества характера, которые не во всех странах приняло считать достоинством у женщин. Но все относительно, как, например, в свое время писал об общепринятых идеалах красоты Винкелманн (138): «в древней Греции идеал человеческой красоты был скорее мужским, чем женским», а Лекки пояснял, что моральные устои древних греков отразились и на их занятиях в жизни (139). Бусидо же восхвалял женщин-самураев, «которые были способны подняться выше несовершенства и недостатков, свойственных их полу, и проявить героическую силу духа, которая могла бы быть достойной самых храбрых и благородных мужчин» (Лекки, *History of European Morals*, т. II, с. 383). Поэтому с самого раннего детства дочерей самураев заставляли выработать в себе выдержку и стойкость духа, обучали владеть оружием – особенно искусству «нагината» (140), чтобы в случае опасности защитить свою честь и достоинство. Но обучение женщин-самураев владению оружием преследовало еще одну цель - они могли применять эти навыки во время войны. Но все же согласно Бусидо умение защитить себя для женщины-самурая считалось более важным. Жен-

щины- самураи, не имевшие своего господина, были вынуждены быть сами себе телохранителями. С оружием в руках женщина-самурай защищала свою неприкосновенность также отважно, как ее муж сражался за своего господина. Кроме того, умение владеть оружием женщине-самураю было чрезвычайно важным для воспитания необходимых качеств характера у детей.

Фехтование и другие аналогичные упражнения с оружием, умение владеть которым все же редко находило практическое применение у женщин-самураев, считались полезными при их малоподвижном образе жизни. Но не только в качестве физической культуры. При необходимости они могли использовать свои боевые навыки и в жизни. В день достижения девушкой-самураем совершеннолетия (в 12 лет) ей согласно ритуалу вручался женский нож «кайкен» (141), который исходя из ситуации мог направляться ею в тело противника или в себя. Последнее, к сожалению, случалось чаще. Но все же не будем их за это осуждать. Для защиты своей невинности и благочестия право на самоубийство признает даже христианская церковь, достаточно вспомнить истории двух канонизированных ею мучениц – святых Пелагии и Доминины (142).

Когда японская «Вирджиния» видела угрозу своей чести и целомудрию ей не приходилось лихорадочно искать отцовский нож. Свой был всегда при себе, спрятанный в складках одежды. Для женщины-самурая считалось ужасным позором не знать досконально женского ритуала Сеппуку. Поскольку образование самураев включало знание некоторых основ анатомии, то она должна была знать точное место на горле, куда следует нанести удар. Кроме того она должна была уметь связать перед смертью ноги поясом так, чтобы в агонии они не развязались, поскольку это должно демонстрировать ее исполнение долга верности мужу и сохранения чести. Разве невозможно не восхищаться поступками христианской мученицы Перпетуи (143) или весталки Корнелии?

Хочу рассказать еще об одной нашей особенности, которой так поражаются иностранцы. Видя как мужчины и женщины моются в общей бане они делают вывод, что у японцев не существует понятия целомудрия. В Японии нет понятия «нагота», поскольку тело человека считается естественным как и все от природы, а следовательно в нем ничего нет постыдного. (Подробнее об этом можно прочитать в книге Финка (Finck) «Время японского лотоса», Нью-Йорк, изд. Charles Scribners Sons, 1895, с. 286-297.)

Целомудренность женщины-самурая была настолько важна, что ценилась выше жизни. Однажды, девушку-самурая захватили в плен и, понимая опасность насилия со стороны грубой солдатни, она пустилась на хитрость и заявила, что подчинится им, если они сначала позволят ей написать письмо своей сестре. Дописав письмо она внезапно бросилась на ближайшего из солдат, выхватила у него оружие и заколола себя, спасая таким образом честь. В письме оказались строки прощальных стихов:

«На небосклоне юная луна,
Из опасения, что блеск ее затмят,
Бегущие из темноты к ней облака,
Стремительно бежит».

Но сказать, что стойкость духа была единственным достоинством японских женщин было бы неверно. Далеко неверно! Они должны были быть мастерицами во многих изящных искусствах. Например, в музыке, танцах, в стихосложении. Женщины оставили заметный след в японской «belles-lettres» (фр. – художественной литературе), ими написано немало прекрасных стихов. Искусство танца изучалось (речь идет о девушках-самураях, а не о «гейся» (geisha)), чтобы научиться изяществу женских движений и перемещений. Умение играть на музыкальных инструментах и пение были необходимы, чтобы помочь отдохнуть и расслабиться утомленным после службы отцам и мужьям. Поэтому мастерством в музыке считалось не только виртуозная техника музицирования,

но также и навыки в психологии. В нежной мелодии сердце человека находит утешение, но безупречная гармония звука не достижима, если в ней не участвует душа музыканта, пребывающего в гармонии с собой. Можно сказать, что в этом, как и во всем другом обучении самурайской молодежи преобладала важная цель — научиться, занимаясь каким-либо в жизни делом, делать его старательно и от всей души. Музыка и танцы должны были смягчать суровый характер самураев, привнося в их жизнь чувство красоты и изящества, отвлекая от суеты повседневной жизни, и связанным с этим чувством раздражительности. Я вполне понимаю, почему однажды на балу в Лондоне, некий персидский принц, когда ему предложили принять участие в общих развлечениях и танцах, ответил, что он не умеет, потому что в его стране танцами занимаются только специально обученные женщины, поскольку это считается довольно сложным делом.

Умение петь и танцевать женщин-самураев не предназначалось для выступлений на публике. Это было чисто домашним занятием, и если некоторые из них и прославились своим мастерством, то происходило в связи с ритуалом гостеприимства в доме. Искусство ведения домашнего хозяйства требовало от женщин-самураев его тщательного изучения.

Можно сказать, что идеальный характер женщины-самурая должен был сочетать в себе боевой дух с миролюбием. Но основным полем ее деятельности все же считался дом, который не следовало покидать надолго, и все думы посвящать только семейному очагу. Честью и долгом женщины считалось самозабвенное служение своему супругу. День и ночь ожидая мужчин в своих небольших семейных гнездышках, женщины сложили немало печальных песен о своей нелегкой участи. Дочь служила отцу и брату, жена — мужу и детям, поэтому, с самой юности, женщин-самураев приучали ставить интересы других выше собственных. Но долг женщины-самурая только этим не ограничивался.

Помогая своему мужу она должна была следить, чтобы его чувства и думы о ней не возобладали над его обязанностью служения своему господину, а если это происходило, то она должна была предпринять необходимые меры, чтобы напомнить ему о его прямых обязанностях. Бывало когда девушка-самурай видела, что пылкий юноша испытывал к ней такие чувства, что забывал обо всем на свете, она покидала его, поскольку считала, что он мужчина, не имеющий долга чести. Образ Адзума (Adzuma) представлялся в умах девушек романтичным идеалом исполнения долга женой самурая. Адзума узнала, что ее возлюбленный решил убить ее мужа. Считая своим долгом спасти жизнь мужа, она вышла в темноте на дорогу вместо него и приняла смерть от удара меча своего любовника.

Следующее письмо, написанное женой молодого даймё перед совершением ею Сеппуку, думаю расскажет о многом: «Я знаю, что ни одно несчастье или трагедия в жизни человека не происходит без предопределения свыше. Словно ветвь, упавшая в реку, мы вновь обретаем покой в реке забвения, из которой все вышли. Два коротких года назад, соединясь узами брака, мое сердце последовало за вами, став вашей преданной тенью, и как неразрывная связь двух любящих сердец, я всегда готова последовать за вами. Я пишу эти слова, как прощание с нашей любовью, поскольку я знаю, что предстоящая битва будет последней в вашей жизни. Мне вспоминается история о могучем воине древнего Китая, Кову (Kowu), который погиб в сражении, не желая расставаться со своим любимцем Гу (Gu). Или о другом храбром воине Ёсинака (Yoshinaka), у которого жена (144) нашла в себе силы, чтобы последовать за ним. Если земля не будет больше дарить надежду и радость, то зачем мне оставаться на ней, проведя весь свой остаток жизни в печалах о вас? Почему я не могу ждать вас на пути, которым должен пройти когда-нибудь каждый смертный? И я прошу вас, никогда не забывайте о тех благодеяниях, которые наш благородный го-

сподин, Хидэёри (Hideyori), воздал вам. Благодарность, которую мы должны испытывать к нему, столь же глубока, как море и столь же высока, как горы.»

Цели усердного служения женщины-самурая на благо своего мужа, дома и, вообще, всей семьи столь же благородны, как служба мужчины-самурая своему господину и стране. В содержании дома от женщины требовалась аналогично мужчине- самураю вся ее самоотверженность, без которой в принципе невозможно достичь ни одной цели в жизни. И это нельзя считать рабством у мужа, поскольку он считался сюзереном, которому она служит. Поэтому по сути это была ее помощь в его службе, которую так и называли «найдзё» (naijo) – «внутренняя помощь». Таким образом, реализовывалась главная цель самурайского сословия - самоотверженное служение: жена служила мужу, муж служил господину, который в свою очередь служил Небесам. Позволю себе заметить, что по моему мнению эта идея перекликается с идеями христианства, согласно которых от каждой души требуется проживание жизни в соответствии с заповедями Создателя. Идея служения людям, жертвуя своими интересами, своим эго, является главной догмой в христианской церкви. По сути сам Христос, принеся себя в жертву, показал пример высокого служения людям и эта идея идентична Бусидо.

Некоторые из читателей могут обвинить меня в том, что я проповедаю идею рабской эксплуатации человека человеком. Хочу заверить, что я в значительной мере разделяю идеи Гегеля о том, что смысл человеческого бытия в самоосвобождении и свободе, то есть путь человека – это самоутверждение духа (145). Я только хотел еще раз подчеркнуть, что согласно Бусидо жизнь самурая должна быть наполнена духом самопожертвования не только для мужчин, но и для женщин. И пока влияние Бусидо на японское общество живо, наши женщины никогда не поймут американок, которые как известно являются лидерами мирового движения за равноправие женщин, призывающих: «дочерей Японии восстать против

древних устоев». Но позвольте, против чего им восставать? Неужели отказ от статуса «женщина» сделает их счастливее? Смогут ли они после обретения равноправия возместить утрату права быть нежными, чувственными, права на защиту мужчин, то есть всего того, что в принципе соответствует или следует женской природе? Вспомним, разве уход от домашних дел благородных и добропорядочных римских матрон не привел в результате к моральному падению римского общества (146)? С чего американские эмансипированные дамы решили, что протест наших женщин против традиционных устоев японского общества будет достойной целью их исторического развития? Вообще это большая тема. Безусловно изменения необходимы, но не с помощью таких крайних мер! Поэтому я хочу несколько подробнее осветить тему отношения Бусидо к равноправию полов, чтобы понять, так ли настоятельна необходимость в радикальных изменениях положения женщин в японском обществе.

Этика европейского рыцарства в общих чертах выражалась, говоря словами Гиббона (147), в виде двух до странности не сочетаемых идей - «во имя Господа» и «во имя прекрасной дамы», и была, как отмечал Хэллам (148), не совсем такой уж галантной, поскольку подразумевала тайную и незаконную любовь к даме. Куртуазность (149) в средневековой Европе всегда была предметом многочисленных философских споров. Так, например, по мнению Гизо (150) куртуазность во времена феодализма вызвала положительные изменения в положении женщин, а Спенсер утверждает, что в милитаризованном обществе (а чем иным является феодальное общество, если не военным?) положение женщин всегда было низким и улучшилось только с началом развития капитализма. Кто же из них прав? Я бы ответил, что оба.

Самурайское сословие насчитывало примерно 2 миллиона человек. Многие самураи высших рангов – «даймё» (daimio – крупные землевладельцы и главы кланов) и придворные – «кугэ» (kuge – императорское окружение) могли считать-

ся самураями лишь формально, поскольку они предпочитали вести сибаритский образ жизни (151). Кроме самураев в феодальной Японии были сословия крестьян, ремесленников и купцов, чья жизнь была посвящена мирным занятиям (у Инадзо – искусствам). К теории Спенсера подходит только сословие самураев, а крестьяне, ремесленники и купцы больше соответствуют типу капиталистической или более развитой системы. Его теория прекрасно подтверждается положением женщин-самураев, поскольку ни в одном из других японских сословий женщины не обладали меньшей свободой, чем у самураев.

Странно сказать, но в более низких классах японского феодального общества, например, у ремесленников, положение мужа и жены было более равноправным. Среди самураев высоких рангов также не было большого различия в положении полов, поскольку изнеженные дворяне вели образ жизни, который мало чем отличался от их жен. Поэтому теория Спенсера соответствует только положению женщин-самураев в феодальной Японии. Что же касается Гизо, то те, кто из вас читали его теорию, могут вспомнить, что в ней рассматривается положение женщин в дворянском обществе, так что его обобщения могут относиться только к японским даймё и кугэ.

Но меня могли бы обвинить в несправедливом отражении фактов, если бы я ограничился только тем, что сказал, что по Бусидо статус женщин был невысок. Можно сказать и так, если при этом не принимать во внимание суть неравенства женщины по отношению мужчине, а также существующие различия между полами от природы.

Если задуматься над сутью того - а обладают ли сами мужчины равными правами между собой, например, правом судить или правом голоса - то обсуждение равноправия полов может оказаться просто бессмысленным. Когда американская декларация независимости провозгласила равную ценность всех людей, то это не подразумевало нивелирова-

ние разницы в психологических или физических особенностях полов. Она просто повторила то, что давно в древнем Риме было объявлено Ульпианом (152): «перед законом все равны». Но именно с этого времени юридические права стали своеобразным мерилom для определения равного с мужчинами положения женщин в обществе. Но есть ли другой альтернативный метод для определения равноправия? Можно ли вообще определить ценность женщин и мужчин, как, например, стоимость золота и серебра, чтобы затем вывести эту разницу в цифрах? Вполне понятно, что метод исчисления ценности предметов не применим к людям, поскольку он не учитывает самое важное, а именно, разнообразие и природные способности людей. Учитывая разные цели мужчин и женщин в жизни, метод измерения ценности полов должен носить достаточно многоплановый характер, или говоря языком экономики - он должен быть комплексным. В отношении ценности женщин Бусидо имел свой оригинальный двухуровневый метод. Согласно Бусидо ценность женщины определялась двумя сферами деятельности – на поле битвы и у семейного очага. Причем семейный очаг ценился больше. Этот метод вполне оправдан, поскольку большинство женщин не жаждут выступать в качестве социально значимых единиц. Они находят полное удовлетворение в роли жены и матери, за что и любят их близкие люди и уважают в обществе. Вспомните насколько был высок в обществе авторитет матрон в столь воинственной империи, как Римская.

Мужчины поклонялись им, не как воинам или политическим деятелям, а как своим матерям. Так было и у самураев. Пока отцы и мужья отсутствовали на полях сражений или просто несли повседневную службу, управление домашним хозяйством полностью ложилось на плечи матерей и жен. Кроме того, на них была возложена ответственность за образование детей и даже их защита. Упражнения женщин в боевых искусствах, о чем я говорил ранее, были предназначены в том числе и для воспитания соответствующего духа у самурайских детей.

Хочу внести некоторую ясность для людей, недостаточно информированных об особенностях сословной культуры в феодальной Японии. Если вы слышали от какого-либо японца выражения о своей жене как, например, «моя неотесанная жена» или другие подобные высказывания, отражающие высшую степень презрения или неуважения, то от того же японца можно услышать и другие аналогичные фразы, типа: «мой глупый отец», «мой свинячий сын», «ты – неудачник» и т.д., то я думаю, что определение бывшей сословной принадлежности и соответствующего воспитания этого японца не требует каких-либо дополнительных комментариев?

Как мне кажется, институт японского брака в некотором смысле более демократичен, чем христианский, в котором «жена и муж созданы Богом, чтобы быть единой плотью». Ум человека христианской культуры не принимает во внимание закон природы, согласно которому мужчина и женщина – это два разных человека, поскольку они имеют разные предназначения в жизни и соответственно разные права и обязанности. Японские женщины имели право соглашаться или не соглашаться на брак, чем были избавлены от бессмысленных уговоров с помощью глупого арсенала уменьшительно-ласкательных имен и выражений, или от прямого принуждения. (В древней Японии мужья и жены благородного происхождения обычно не жили вместе в одном доме даже после того, как сочетались браком. Обычно жены жили в доме своих родителей, а мужья посещали их ночью для любовных встреч. Если они прекращали свои посещения, это было эквивалентно разводу. Если родители жены были богаты и считали зятя хорошим приобретением, они позволяли ему жить в их доме и заботились о нем как о сыне.)

Некоторые иностранцы поражаются тому, что от японских супругов никогда не услышишь хвалебного слова друг о друге. Но можно ли считать человека тактичным или даже вообще умным, если он сам себя нахваливает: «я – силен», «я – умен» и т.п.? Японцы считают, что хвалить своего су-

пруга, все равно что расхвалить себя, а самовосхваление в японском обществе расценивается, мягко говоря, как дурной тон, и как мне кажется среди христианских народов тоже. Но вернемся вновь к теме того, что идеал благородного служения женщины своей семье был весьма значим в среде самурайского сословия.

Во времена тевтонских племен, мужчинам был свойственен суеверный страх перед представительницами противоположного пола (до момента начала объединения саксонских народов). В начале образования США катастрофически не хватало женщин, поэтому невест «импортировали» из Англии за деньги и даже за партии табака и т.д. В результате такой «торговли» уровень уважения мужчин к своим американским женам и матерям был, скажем так, невелик. Это говорит о том, что отношения между мужчинами и женщинами во многом зависели от степени цивилизованности общества. Но по Бусидо критерии, по которым определялось уважение к человеку были другими. Прежде всего ценилось чувство долга, поскольку оно связывалось с проявлением божественного начала в душе человека, на котором основывались пять главных качеств характера самурая, о которых я рассказывал в начале моей книги. Из них я обращал особое внимание читателей на чувство преданности, необходимое в отношениях между вассалом и сюзереном. Об остальных качествах характера я упомянул лишь в связи с чувством преданности, поскольку ими должны обладать не только самураи, а вообще все люди на земле, и следовательно их требование не является исключительной прерогативой только Бусидо. Но способы их постижения и достижения могут быть разными в связи с различной культурой народов. Еще особо хочу отметить такое достоинство, как мужская дружба, которая у молодежи зачастую обретает тот ореол романтичности, которую так воспевали трубадуры средневековой Европы. Я мог бы написать десятки страниц о японских вариантах историй Дамона и Финтия (153), Ахилла и Патрокла (154) или рас-

сказать об отношениях столь чувственных, как те, что связывали Давида и Йонафана (155).

Следуя из рассказанного мною, можно считать не удивительным, что Бусидо имел огромное влияние не только на самураев, но и на весь японский народ. Позвольте мне подробнее рассказать об этом.

ВЛИЯНИЕ БУСИДО

В предыдущих главах я сделал краткий обзор этики Бусидо, выделив в нем главные достоинства самурая, которые подобно горным вершинам возвышаются над общим уровнем иных благородных чувств японского народа. Как первые янтарные лучи солнца на рассвете вначале озаряют верхушки гор, а затем постепенно спускаясь, освещают всю долину, так и Бусидо, первоначально определявший идеалы нравственности только для воинского сословия, со временем нашел своих приверженцев и в среде простого народа. Следуя новым демократическим путем, японцы продолжают хранить в памяти этические идеалы феодальной эпохи, а представители бывшего привилегированного сословия продолжают являться образцом благородства духа для многих людей. Как известно, достоинства не менее заразительны, чем недостатки. «Стоит только в обществе появиться одному благородному человеку, как все общество проникается его идеями», - говорил Эмерсон. Ни одно социальное сословие или класс не могут существовать автономно, без проникновения в них идеалов, присущих другим сословиям или классам.

Несмотря на иные мнения, я все же разделяю мысль о том, что триумфальное шествие демократических идей в западных странах началось не с простого народа. Разве можно оспорить тот факт, что первоначально они получали свое распространение в среде высокодуховных слоев общества? Об этом много писал Тэн (156): «три фактора, взаимодействуя между собой, привели к естественному итогу истории Англии» (157). Критики этой идеи распространения демократии

могут задаться вопросом: можно ли Адама и Еву, которые были первыми людьми на земле, также считать первыми обладателями высоких духовных качеств характера? С сожалением следует констатировать, что - нет. В раю таких понятий не существовало и наши первые «родители» заплатили высокую цену за их отсутствие. Если бы они были, то мало того, что сад был бы более со вкусом устроен, но и они знали бы без горького опыта, что неповиновение Иегове (158) является предательством и позором, изменой и бунтом.

Всем чем является Япония, она обязана самураям. Они были не только цветом нации, но и ее опорой. Все дары небес воспринимались через них. Несмотря на то, что они представляли собой социально замкнутую группу, отделенную от народа, именно они определили стандарты этики и были естественными лидерами в японском феодальном обществе. Поэтому можно сказать, что Бусидо – это одновременно эзотерическое (греч. *esoterikos* – внутренний, скрытный, понятный лишь посвященным) и экзотерическое (греч. *exoterikos* – внешний, открытый, понятный всем) учение; эвдомонистическое (греч. *eudaimonia* – блаженство. Эвдемонизм признает основой нравственности и поведения человека его стремление к счастью) и аретаистическое (греч. *aretaic* – превосходство, достоинство, то есть основанное на человеческом превосходстве или достоинстве) учение.

В средневековой Европе рыцари-трубадуры составляли незначительную часть от всего населения. Но как заметил Эмерсон: «именно их яркие образы (рыцарства) присутствуют в большинстве исторических драм и романов того времени - от сэра Филиппа Сидни (159) до сэра Вальтера Скотта (160)». Возьмите вместо книг Сидни и Скотта книги Тикамацу (161) и Бакин (53) и вы выявите преобладание аналогичных образов в японских литературных произведениях. Из поколения в поколение передавались в народе героические истории о самураях, которые стали источником вдохновения для написания множества манускриптов (162),

свитков с рисунками без текста (эхон), иллюстрированных сборников (манга) и альбомов (гафу), а также постановок и пьес приключенческо-романтического содержания, которые ставились в различных театрах (163) или рассказывались монахами-паломниками.

Завершив дневные дела люди, собирались вечером в своих домиках вокруг «хибати» (hibachi - маленькие переносные горшки - жаровни, топящиеся древесным углем), чтобы вновь и вновь послушать многочисленные рассказы об отважных воинах прошлого. Об отважном Минамото Ёсицуне и его преданном слуге Бенкей (Benkei) (164), о двух братьях Сога (Soga) (165) и т.д. При красных отблесках догорающих в хибати угольков юные сорванцы слушали притихнув и разинув рты, внимая всем сердцем истории о подвигах героев древности. Мальчишки из складов или лавок, закрыв «амадо» (наружные ставни), собирались после работы, чтобы почитать или послушать о легендарных полководцах Ода Нобунага и Тоётоми Хидеёси, пока в глубокой ночи дремота не закрывала их утомленные глаза. И позабыв про ежедневную рутину жизни, они уносились на крыльях мечты, верша во снах подвиги своих кумиров.

Даже малышам, едва начинающим ходить и шепелявить первые слова, рассказывались сказки, подобные о Момотаро (Momotaro) - безстрашном победителе страшных ками (166). Девочки любили слушать истории о благородных поступках и сердечных делах дам и девиц типа Дездемоны или о героических мужчинах-самураях, мечтая в тайне, чтобы их будущие избранники были бы похожи на них.

Самураи являли собой «beau ideal» (фр. – идеал красоты) для всего народа. Как поется в одной народной песне: «самурай среди людей, как вишня среди цветов». Несмотря на то, что самураям запрещалось все, что не было связано с целями их воинского сословия, не было ни одного вида искусства, которое в какой-то мере не подверглось влиянию Бусидо. Вся японская философия и этика прямо или косвенно была проникнута его идеями.

Мэллок (167) в своей неоднозначной книге «Аристократия и эволюция» (*Aristocracy and Evolution*) приводил красноречивые доводы, доказывая что: «эволюцию человеческого общества, в отличие от других биологических видов, можно считать результатом непреднамеренного умысла великих людей». И далее он развивает эту мысль, говоря о том, что исторический прогресс человечества есть продукт усилий: «не человечества вообще, а небольшой его части, которая ведет за собой, направляет и организует наилучшим способом остальную часть». Независимо от того, насколько верно такое высказывание, это подтверждает ту роль, которую сыграли самураи в социальном прогрессе нашей страны.

О том, как дух Бусидо пронизывал все слои японского общества наглядно видно на примере деятельности лиц, известных как «отоко-датэ» (*otoko date*), что примерно переводится, как «естественные лидеры демократии». Это были сильные люди, каждый поступок которых демонстрировал их огромное личное мужество. Являясь выразителями идей народных масс, они вели за собой сотни тысяч своих последователей, которые служили им также преданно, как самураи своим сюзеренам, готовые действовать во имя «веры и жизни, плоти, имущества и человеческого достоинства» (168). Завоевав доверие у широких слоев общества, этим естественным от природы «командирам» удалось обуздать разгул народа, опьяненного свободой после отмены старых «двух-мечевых» порядков.

Многими путями идеи и принципы Бусидо проникали в иные сословия, становясь эталоном для целых слоев японского общества. Возникшие изначально среди «elite» (фр. – избранных), они со временем стали идеалом и законом для всего государства. И хотя большинство людей не доходило до высот возвышенной души, все же «Ямато дамасий» (*Yamato damashii* – «душа Японии» или «японский дух») (169) стал в конечном счете символом, отражающим самоотверженный характер всего «*volksgeist*» (нем. – народа) «Божественных

островов». Если религия, выражаясь словами Мэтью Арнольда (170), это «мораль, соединенная с чувством», то Бусидо можно отнести к разряду одного из лучших этических или философских учений мира. О японском духе прекрасно выразился в своем стихотворении Мотоёри (171):

«В чем заключен дух Божественных островов?

В аромате цветка вишни,

Дикой и справедливой,

В первых лучах восходящего солнца».

Цветы дерева сакуры (*cerasus pseudo-cerasus*) (172) издревле являются символом «Страны восходящего солнца». Именно это и выразил поэт говоря: «в аромате цветка вишни, дикой и справедливой, в первых лучах утреннего солнца».

Символ духа Ямато – это не изнеженное комнатное растение, а свободолюбивое, растущее только на воле. Выбор сакуры был не случаен, то есть не потому, что это самое большое цветущее дерево в Японии, а за ее сходство с характером японского народа. Во многих странах существуют свои национальные виды растений, но сакура признана национальным символом только в Японии. Выбор сакуры связан не только с выражением национального характера. Форма и изящество цветка сакуры являются воплощением наших «aesthetic» (греч. – эстетических, чувственных) идеалов, которые по мнению японцев не может выразить никакой другой цветок. Мы не понимаем восхищения европейцев перед розами. По нашему мнению их цветы несколько вульгарны и поэтому проигрывают в изысканной простоте и изяществе цветов сакуры. Кроме того, их шипы, коварно маскирующиеся в листьях под сладострастными бутонами, больше символизируют страстное желание жить, чем любить. То есть они полны чувства страха перед смертью, которое приводит к тому, что они медленно увядая на стебле превращаются в безформенную и неэстетичную массу. Их яркие цвета и тяжелые запахи разительно отличаются от ненавязчивой нежности наших цветов, которые не таят «оружия» или «дурма-

на» под своей красотой и всегда готовы расстаться с жизнью по первому зову природы. Они проживают свою короткую жизнь во всем великолепии красоты, а их тонкий аромат никогда не пресыщается. Скромная красота расцветки и формы цветка сакуры символизируют мгновение жизни, а легкий аромат мимолетен, как дыхание жизни. Аналогичный символ в христианстве несет в себе эфирное масло смирны (или мирра/елей), благоухание которой символизирует духовное совершенство. Когда в свежем утреннем воздухе с первыми лучами солнца, которое начинает свой путь по земле начиная с островов Дальнего Востока, разливается восхитительный аромат сакуры, то невозможно передать словами то чувство, которое испытывает человек, вдыхая воздух в это самое прекрасное время дня.

Если вспомнить: «и обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего» (Ветхий завет, Бытие 8:21), то можно ли удивляться, что почти все японцы покидают свои дома, чтобы увидеть и насладиться цветением сакуры? Отложив каждодневные дела, они стремятся в это время забыть о житейских горестях и печалях, чтобы дать отдых своей душе.

Но время цветения сакуры недолго и они возвращаются домой, преисполненные новой силы и решимости. Поэтому сакура значит для японцев даже больше, чем просто символ нации.

Но может ли Бусидо, как цветок сакуры – души Ямато - столь нежный и недолговечный, теряющий свой аромат, готовый исчезнуть навсегда с первым порывом ветра, разделить его участь?

ЖИВЫ ЛИ ТРАДИЦИИ БУСИДО?

Способна ли модель западного общества, получившая сейчас широкое распространение во многих странах, в том

числе и в Японии, уничтожить без следа идеалы Бусидо? Было бы печально, если бы это произошло. И можно было бы констатировать, что это была убогая душа Японии, поскольку она легко сдалась под натиском иностранных традиций и устоев.

Совокупность психологических элементов, которые образуют национальный характер, столь же неотъемлемы, как «физиологический признак вида – плавник у рыбы, клюв у птицы, зуб у плотоядного» (173). В своей недавней книге «Психология народов», полной тонких наблюдений и блестящих высказываний, Ле Бон пишет: «открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние каждого народа. Это неизменный утес, о который волна должна бить изо дня в день в течение веков, чтобы обточить только его контуры». Я думаю, что это верно сказано, особенно о том, что «преимущества или недостатки составляют исключительное достояние каждого народа». Но еще задолго до книги Ле Бона, эта идея была выдвинута Вайцом (174) и Хью Мюррэй (Hugh Murray).

Рассматривая этические ценности самураев, я приводил аналогии из европейской истории, стараясь показать, что идеи, заложенные в Бусидо не являются чем-то исключительным.

Но все же, что в какой-то мере Бусидо представляет собой уникальное явление в мире. Говоря словами Эмерсона, этика Бусидо - это «совокупный результат, полученный из взаимодействующих между собой компонентов, каждый из которых представляет собой великую силу» (Эмерсон, «Опыты», 1844) или словами Ле Бона: «это уникальный продукт, созданный частью общества, которым пользуется все общество» либо согласно одной из идей философии конкордской школы (175) – это: «элемент, объединяющий наиболее сильные личности в каждой стране, определяющий порядок и ответственное положение людей в обществе и даже, в неко-

тором роде, выступающий в качестве символа для некоторых людей, видящих в нем ореол мистики наподобии масонских обществ».

Нельзя сказать, что влияние Бусидо на народ и в частности на самураев было элементом непреодолимой силы. Однако вне всяких сомнений, его этика была настолько привлекательной, что она продолжит свое воздействие на сердца людей еще долгое время. За 700 лет Бусидо обрел такое огромное влияние на жизнь японцев, что забыть его нелегко. То, что передавалось из века в век, как достояние нации за несколько десятков лет не истребишь.

Шейссон (176) сделал любопытную статистику по истории человечества, согласно которой на каждый век приходится в среднем по три поколения людей, поэтому «каждый из нас несет в себе кровь по меньшей мере 20 миллионов людей, живших в течение последних 10 веков». Простой крестьянин, обрабатывающий землю, «склонившись под весом столетий», несет в себе кровь столько предков, что может оказаться нам братом также, как «и его вол».

Подсознательная и непреодолимая сила Бусидо сплотила разрозненных людей в единую нацию. Стихи, написанные Ёсида Сёин (177) накануне своей казни, как нельзя лучше отражают характер японского народа:

«Я знал, что это - путь к смерти,
Но дух Ямато приказал мне,
Принять безстрашно то, что неизбежно».

Дух неписаного кодекса самураев все еще жив в сердцах людей и продолжает быть движущей силой нашей страны. Рэнсом (178) пишет: «современной Японии характерны три признака. Во-первых, это ее прошлое, которое полностью еще не изжило. Во-вторых, это ее будущее, возрождающее дух нации. И в-третьих, это реформы - ее настоящее, испытывающее мучительные страдания». Мне кажется, что эта фраза достаточно точно отражает состояние современной Японии, в которой происходит не только ломка старой феодальной

системы и ее институтов, но и пересмотр фундаментальных этических понятий. Но Бусидо, являясь продуктом старого времени, не утратил своего значения в эту эпоху перемен и участвует в формировании духа новой Японии.

Великие государственные деятели, которые стояли у штурвала корабля нашего государства, ведя его через ураганы «Реставрации» и штормы реформ, были людьми, которые не знали иной этики, кроме Бусидо. В последнее время некоторые современные историки типа Спийра (179) (*Missions and Politics in Asia*, 1898, лекция 4, с. 189-192) и Дэнниса (180) (*Christian Missions and Social Progress*, 1898, т. I, с. 32, т. II, с. 70) и т.д. пытаются доказать, что самый важный вклад в реформировании Японии внесли христианские миссионеры. Если бы это было так, то я охотно признал бы их заслуги. Некоторым представителям этой деятельности было бы неплохо вспомнить библейскую заповедь о гордыне прежде, чем приязнать на то, к чему они отношения не имели. Все их усилия, по моему мнению, в области просвещения и особенно нравственного воспитания остались тщетными, поскольку дух Бусидо все еще силен и продолжает оказывать свое незримое воздействие на мировоззрение японцев. Чтобы ни делалось, он ко всему так или иначе причастен. Поэтому заявления об успехах христианские миссионеров в реформировании Японии несостоятельны. В радости и в горе мы продолжаем руководствоваться критериями честности и справедливости Бусидо. Почитайте биографии создателей современной Японии – Сакума (181), Сайго (74), Окубо (182) или Кидо (183), не говоря уже о мемуарах, написанных еще ныне живущими участниками нашей истории – Ито (184), Окума (185), Итагаки (186) и другими и вы без труда обнаружите, что все свои помыслы и действия они сверяли с ним.

Когда после исследований культуры дальневосточных народов Норман (187) сделал вывод о том, что Япония заслуживает уважение уже тем, что в отличие от других восточных феодальных государств ее народ создал «один из самых

строгих и возвышенных этических кодексов из всей истории человечества», то он указал на главную движущую силу, которая творит Новую Японию, а также на то, чем она была, есть и будет (The Far East, Нью-Йорк, 1895, с. 375).

Сейчас успехи в реформировании Японии признаны во всем мире. Осуществлению работы такого масштаба способствовало множество причин. И если выделить из них одну из самых главных, то я без сомнения назову Бусидо. Когда в связи с необходимостью развития экономики, Япония открылась для внешнего мира и во все сферы нашей жизни стали внедряться современные технологии, когда нам стали доступны для изучения достижения западной науки, то этот процесс происходил не по принципу слепого копирования, а осознанно и селективно.

Востоковед Мередит Тоунсенд (Meredith Townsend) пишет: «существует тенденция заявлять о том, что Европа сделала Японию современной, а о том, что это островное государство в действительности изменило себя само обычно умалчивается. Но в действительности это не так. Не европейцы заставили учиться японцев, а японцы сами начали перенимать передовые технологии и знания при организации государства, общества и армии. Поэтому реформа их государства – от феодального до капиталистического - произошла столь стремительно. Например, они не пошли по пути турок, которые несколько лет назад стали закупать готовые европейские пушки, а сами наладили производство военной техники по лучшим европейским образцам. Смогла ли Англия превратить феодальный Китай в развитую капиталистическую державу по прошествии нескольких веков, с той поры, когда англичане начали покупать там чай? Можете ли вы назвать имя хоть какого-то европейского просветителя, философа, политического или государственного деятеля, который вошел в историю, как лицо, сыгравшее значительную роль в модернизации Японии?» (Asia and Europe, Нью-Йорк, Лондон, 1901, с. 28). Тоунсенд поняла суть того, что решение

о необходимости реформирования Японии было осознано самими японцами. И если бы она провела дополнительные исследования особенностей характера японского народа, то увидела за всем этим Бусидо. Чувство национального достоинства может придать людям огромную силу и стать сильнейшим побуждающим фактором к действиям. Цели укрепления и развития экономики Японии возникли уже несколько позже, в ходе самих реформ.

Влияние Бусидо на жизнь японцев все еще огромно. Почитайте статьи современных публицистов, к примеру Хирна, одного из самых выразительных и беспристрастных исследователей Японии, и вы поймете, что все лучшие качества характера японского народа неразрывно связаны с Бусидо. Мало кто в мире не слышал про японскую вежливость, являющуюся следствием этого древнего благородного пути. Самообладание, сила духа и храбрость «маленьких джепов» (джеп – прозвище японцев у американцев) была убедительно доказана в ходе последней японско-китайской войны (188). (Я рекомендую прочитать книги Истлэйка (F. Warrington Eastlake) «Heroic Japan: a history of the war between China & Japan» (1897) и Ямада (Yoshiaki Yamada), а также Диосай (Arthur Diosy) «The New Far East» (1899)).

Если нам задают риторический вопрос: «есть ли в мире еще другой народ, который может считаться более патриотичным к своей стране, чем японцы?», то мы с гордостью отвечаем: «нет», и за это мы благодарим Бусидо.

Но с другой стороны, было бы несправедливым не признать, что Бусидо в значительной степени ответственен также и за недостатки и изъяны в нашем национальном характере. Японцам не свойственно эвристическое мышление, поскольку согласно Бусидо ценность пути ученого была невысока, что привело к отсутствию знаний в некоторых фундаментальных областях науки, например, в математике, естествознании и т.д. Поэтому в этом направлении сейчас в Японии проведены наиболее важные реформы и уже достиг-

нуты определенные успехи. Некоторые из наших молодых ученых уже получили международное признание в научных кругах. Повышенная обидчивость и вспыльчивость, а также некоторое высокомерие, в котором так часто упрекают нас иностранцы, также являются отрицательным эффектом Бусидо, связанным с неправильным пониманием чувства собственного достоинства.

Если у вас была возможность посетить Японию, то вы наверняка могли видеть японских юношей в неопрятной одежде, с растрепанными волосами, бредущих по улице с полностью отсутствующим видом, опираясь на трость или держа в руках книги? Это – «сёэй» (shoei – учащийся учебного заведения в реформированной Японии), которым кажется, что земля слишком мала, а небо недостаточно высоко. У них свои представления о вселенной и жизни. Они живут в своих воздушных замках и питаются эфирными словами учености. В их глазах пылает огонь честолюбия, а ум жаждет знаний. Бедность – это стимул двигаться вперед, чтобы обрести земные блага – мечта, которая становится для них навязчивой идеей. Они вместилище преданности и патриотизма. Они самопровозглашенные защитники национального достоинства. Они – осколки минувшей эпохи Бусидо – люди, которые уже не полностью, но все еще находятся под его влиянием.

Глубоко укоренившееся мощное воздействие Бусидо на японский народ, как я уже говорил ранее, имело силу неписанного свода законов и этических норм. И сердца людей были открыты ему. Они никогда не задумывались над причинами этого, а просто передавали его принципы из поколения в поколение. Новая мораль, привнесенная христианами миссионерами в Японию, и старая мораль Бусидо различны. Например, понятие преданности. В истории христианской церкви довольно нередки случаи вероотступничества, которые отцы церкви никакими проповедями не могли предотвратить. Верующие изменяли своему Создателю, которому когда-то давали обет в преданности. Однако сейчас и в Японии имеются

тенденции к тому, что такое достоинство, как преданность, которое должно пробуждать в человеке все лучшие качества души, все больше забывается. Недавно в одном из японских университетов недовольные студенты устроили демарш, требуя замены одного из преподавателей.

Руководитель университета не стал обсуждать это, а лишь задал им два вопроса: «ваш профессор обладает достойными качествами характера и вы уважаете его? А если нет, то не является ли это отсутствием у вас благородства, чтобы помочь ему?». То есть руководитель университета объяснил студентам, что некомпетентность профессора, которая стала причиной для возникновения конфликта, является меньшим изъяном в человеке, чем отсутствие благородства у самих студентов. Таким образом, напомнив студентам о принципах Бусидо, руководитель университета призвал их к порядку.

Одной из причин провала миссионерской деятельности в Японии является то, что большинство миссионеров не считают изнужным изучать нашу историю и культуру. «Что интересного можно узнать из рукописей этих язычников?», - удивляются некоторые из них, выражая тем самым свое непонимание того, что их христианские религиозные догмы могут радикально отличаться от традиционных ценностей японцев, которые были созданы поколениями их предков в течение многовековой истории Японии. Как можно этим пренебрегать? Как будто история любого народа, пусть даже почти первобытных африканских племен, которые вообще не имеют никакой письменности, не является страницей в книге истории человечества, написанной Божественной рукой. История множества исчезнувших народов является своего рода палимпсестом (189), который возможен к расшифровке для старательного ученого-исследователя. Даже с философской и религиозной точки зрения, человеческие расы отмечены Божественными знаками, которые ясно выражены в различии цветов их кожи. И по моему мнению, в этой книге истории человечества желтая раса написала

«золотыми иероглифами» немало не менее достойных страниц, чем другие расы.

Не зная многовековой культуры и традиции народа, миссионеры пытаются нести идеи христианской религии, как «новой», вместо того, чтобы представить ее как более «древнюю», объясняя ее идеи в простых и понятных людям выражениях, то есть на привычных людям образах, которые найдут более быстрый отклик в их сердцах, независимо от расовой принадлежности или национальности. Англо-американская форма христианства, с множеством замысловатых слов и понятий, искаженных транскрибированием на английский язык, а также витиеватых изящных смысловых оборотов, далеких от простых фраз их Основателя, напоминает «чахлую ветку», которую пытаются привить к мощному «стволу дерева» Бусидо.

Но способна ли вообще деятельность христианских миссионеров в отношении Бусидо «срубить это дерево, расчистить почву под ним от корней и опавших ветвей и листьев, чтобы посеять на ней новые семена знания»? Такой героический процесс иногда был возможен. Например, недавно это произошло на Гавайских островах, где поборники христианской веры достигли полного успеха, собрав богатый «урожай» вновь обращенных, уничтожив при этом почти всю местную культуру. Но это абсолютно невозможно в Японии. Более того, такой способ насаждения царства Божьего на земле вряд ли бы одобрит сам Иисус.

Я думаю стоит прислушаться к словам одного из христианских просветителей, который является глубокого образованным человеком (190): «люди поделили мир на язычников и христиан без учета положительных или отрицательных качеств их верований и влияния друг на друга. Сравнивая эти половины, они склонны соотносить себя с лучшей частью, считая таким образом другую худшей, то есть - христианскую веру лучше языческой веры древней Греции или Востока. Но при этом они не задумываются о безпристрастно-

сти таких суждений, теша свое самолюбие и превознося себе хвалу с помощью осуждения других форм религии» (Jowett, *Sermons on Faith and Doctrine*, 1860, II).

Но независимо от заблуждений некоторых христианских миссионеров, можно не сомневаться, что фундаментальные принципы христианской религии достаточно сильны для того, чтобы задуматься о будущем Бусидо, дни которого возможно уже сочтены.

Зловещие признаки этой грозной и разрушительной силы уже проявились на его горизонте.

БУДУЩЕЕ БУСИДО

Сравнивая культуры запада и востока нельзя не отметить, что среди общественных явлений, этические кодексы западноевропейского рыцарства и японских самураев наиболее сходны. И если истории человечества свойственно повторяться, то скорее всего Бусидо постигнет участь европейского рыцарства. Нельзя сказать, что причины исчезновения рыцарства, как писал об этом Сент-Пале (191) полностью соответствуют японским, но все же современные мировые тенденции, которые свели на нет идеи рыцарства в средневековой Европе способны уничтожить и Бусидо.

И это вполне вероятно. Положение Бусидо несравненно хуже этического кодекса рыцарства, поскольку когда в Европе идеалы рыцарства отняли от «груди его матери» феодализма, они частично обрели себе покровительство в лице новой «мачехи» - святой церкви, что продлило их жизнь. Но это невозможно для Бусидо, поскольку в Японии нет четко выраженной главенствующей религии, которая смогла бы приютить «сироту».

Конечно его бы могли взять под свое покровительство новые военные структуры, но в наше время войны происходят достаточно редко, чтобы Бусидо оставался актуален и обезпечивался основой для своего существования и развития. Синтоизм, который покровительствовал Бусидо в начале

его жизни, сейчас одряхлел от старости. Учения философов древнего Китая теперь вытесняются интеллектуальными выскочками типа Бентама и Милля (192). Их вновь изобретенные и представленные на обсуждение общественности этические построения популистского толка, льстящие шовинистическим настроениям, пока еще не имеют множества сторонников в современной политической жизни, но мы уже явственно слышим их пронзительные голоса, отзывающиеся эхом в заголовках бульварной прессы.

Преобладающие тенденции и настроения в обществе говорят не в пользу Бусидо. Уже виден, говоря словами Веблена: «распад аристократического кодекса чести или, говоря иными словами, торжество идеалов буржуазного общества, которая приобрела в последнее время чудовищный размах». Непреодолимый поток торжества демократии, которая в сущности не признает никаких социальных различий, является настолько мощным, что способен уничтожить Бусидо. Современное общество настроено антагонистично по отношению к его идеям и граждане Новой Японии жестко их критикуют, поскольку с их точки зрения они отражают дух только отдельного аристократического класса. Граждане Новой Японии не желают исполнять «свой долг, установленный в интересах элитарного сословия» (Norman Conquest, т. V, с. 482).

Добавьте к этому реформу системы образования, курс на индустриализацию, ориентацию людей на накопление материальных благ, а также на урбанизацию всего общества в целом, и станет ясно, что ни один самый меткий удар меча или копыя самурая не смог бы заставить людей следовать этическим принципам Бусидо. Государство, которое основывалось на чувстве чести своего народа, являвшегося своего рода краеугольным камнем так называемого «ehrenstaat» (нем. - благородного государства) или говоря выражением Карлейля – обладало силой героического духа, стремительно перешло в руки законодательных крючкотворов и невнятно

выражающихся политических деятелей, вооруженных аргументами войны. Фраза «время, в которое выковывались их горячие сердца, навсегда ушло», которую великий мыслитель вложил в уста Терезы и Антигоны, можно сказать и в отношении Бусидо.

Увы, время благородства, к которому так стремились и которым так гордились самураи может исчезнуть без следа. Этика, рожденная под звуки боевых горнов и барабанов, может кануть в лету подобно «эпохе великих правителей и полководцев».

Но если бы мы учились у истории, то общество по достоинству оценило бы черты характера отважных и великодушных воинов, как это было во времена спартанского государства или римской империи. Но ничто на земле не вечно. И все же, человечеству от природы присущ дух борьбы, и чтобы на земле не возобладали конфликты этими благородными качествами характера должны обладать все люди. Воспитывая свой дух человек обретает великую божественную силу – вселенскую любовь. Синтоизм, как и древние китайские философы Мэн-Цзы и Ван-Ян-Мин, основываются именно на вселенской любви. Но Бусидо, как и другие аналогичные этические кодексы, ориентировались на чисто прагматические цели, зачастую не принимая во внимание и не вдаваясь в глубины философии.

В наше время темпы жизни ускорились. Требования современной жизни теперь диктуют другие законы, чем они были во времена Бусидо. С расширением представлений о жизни, ростом демократии, лучшим знанием культуры и традиций других народов, сможет ли конфуцианская идея великодушия, а я также добавлю к этому - буддистская идея сострадания - трансформироваться в христианскую концепцию любви? Японцы стали ощущать себя больше, чем только вассалы, они выросли до высот граждан своей страны. И даже более того, они теперь больше чем граждане – они Люди. И хотя, грозные тучи войны уже сгущаются над нашим гори-

зонтом, я все же хочу верить, что крылья ангела мира смогут рассеять их. История человечества подтверждает истину Господа: «кроткие наследует землю». Правительство страны, которое отказывая своему народу в праве на мирную жизнь, предпочитая вместо развития экономики политику флибустьерства (193), в сущности предаёт свой народ!

Государственное устройство Японии сделало насколько радикальный поворот в своей истории, шагнув из феодализма в систему современного демократического государства, что для Бусидо, связанные с этим перемены не просто неблагоприятны, а губительны. И возможно пришло время для его благородного скончания. Но точное время его смерти предсказать невозможно, точно также, как сложно это было определить и в отношении европейского рыцарства.

По мнению доктора Миллера, институт европейского рыцарства завершил свое существование в 1559 году, когда французский король Генрих II (194) был убит на рыцарском турнире. В 1870 году указ об отмене японской феодальной системы прозвучал для Бусидо похоронным звоном. А последовавший за ним через 5 лет указ о запрете ношения мечей самураями прозвучал знаменитой эпитафией: «эпоха благородства канула в лету. Наступило время софистов, экономистов и прагматиков, и слава Европы померкла навсегда» (195).

Как я уже упоминал в последней войне с Китаем (1894-1895) Япония одержала победу. По мнению западного сообщества это произошло благодаря современному вооружению - винтовкам Мюрата (196) и пушкам Круппа, которые появились у Японии вследствие ее модернизации. Но это верно лишь отчасти. Вы когда-нибудь видели, чтобы фортепьяно, пусть даже изготовленное самыми лучшими мастерами музыкальных инструментов в мире, как «Эрбар» (Ehrbar) или «Стейнвей» (Steinway), играло рапсодии Листа или сонаты Бетховена без пианиста? Или оружие выигрывало сражения без участия солдат? Почему армия Наполеона не смогла раз-

громить прусскую армию во франко-прусской войне (1870-1871), имея на своем вооружении суперсовременное оружие того времени – митральезу (197)? Или американцы, которые за три года так и не смогли завоевать бывшую испанскую колонию - Филиппинские острова (американо-филиппинская война, 1899- 1902), хотя имели преимущество в вооружении в виде винтовок системы «Маузер» (198) против устаревших винтовок «Ремингтон» (199) филиппинцев? Поэтому я смею утверждать, что эта победа была одержана благодаря духу японской армии. Самая суперсовременная винтовка или орудие не выстрелят сами по себе. Самое суперсовременное образование не сделает из малодушного подлеца героя. Это невозможно. Наши победы в битвах на реке Ялу в Корее и в Маньчжурии были достигнуты благодаря многовековому наследию воинского духа, унаследованному от наших предков, которые вложили всю свою силу в наши руки и всю свою храбрость в наши сердца. Пусть души наших предков давно уже в призрачном царстве, но их воинственный дух продолжает жить в сердце каждого японца. «Имеющий глаза - да увидит, имеющий уши - да услышит». Заденьте душу японца в разговоре об идеалах благородства и вы услышите в ответ о принципах Бусидо. Сохранение великого наследия доблести, чести и иных самурайских ценностей, которые выражаясь весьма точной фразой профессора Крамба (Cramb) являются: «нашим долгом продолжения торжества духа, столь тяжко завоеванного многими поколениями воинов» являются достойной силой для сопротивления вызову современной морали.

Было предсказано, и это подтверждают события последних лет, что Бусидо – этика феодальной Японии, с ее моралью «эпохи крепостей и армий» будет повержена во прах и возродится, как феникс из пепла, дабы вести Новую Японию по пути к ее процветанию. Хотелось бы верить, что это пророчество сбудется до конца. Но нам не следует забывать, что феникс возрождается из своего пепла и не прилетит случайно

на крыльях судьбы вместе с другими перелетными птицами из других стран. «Царствие Божие благовествуется и всякий усилием входит в него. Но скорее небо и земля прейдут, нежели одна черта из закона пропадет» (от Луки, 16:16, 17). «Аллах», - сказано в Коране, - «каждому народу дал свои обычаи». Долгие годы семена Царства Божия в их японском эквиваленте давали всходы и распускались пышным вишневым цветом Бусидо.

Печально думать, что дни его уже сочтены. И предчувствуя его скорую кончину, мы стоим в раздумьях на перепутье дорог между иными источниками радости и света, силы и красоты, но не видим среди них ничего того, что могло бы занять его место.

Меркантильная философия «прибылей и убытков» прагматиков и материалистов все более прочно завоевывает свои позиции в потаенных уголках нашей души. Возможно силой, которая смогла бы противостоять утилитаризму и материализму, могло бы стать христианство. Но следует признать, что оно более похоже «на тускло мерцающий уголек» по сравнению с пламенем Бусидо. Но именно из такого «уголька» Мессии (200), как проповедуется когда-то удалось раздуть пламя веры.

Как и первые иудейские пророки - Исаия, Иеремия, Амос и Аввакум - Бусидо определял этику прежде всего для правителей и высшего сословия, которая, тем не менее, была принята всем народом. Несмотря на то, что христианская этика концентрирует свое внимание на отдельных личностях и их ревностных последователях, она все же могла бы занять свое достойное место в Японии, поскольку сейчас имеется тенденция роста ценности неповторимой индивидуальности каждого человека. Я не сильно ошибусь, если выскажу мнение, что благородная и возвышенная «мораль господ» (201), о которой писал Ницше, противопоставляя ее низменной и малодушной «морали рабов», в некотором отношении сходна с этикой Бусидо.

Несомненно, в будущем будет преобладать материализм (включая утилитаризм) и христианство, если конечно материализм не окажет своего пагубного воздействия на христианство, низведя его до самой примитивной формы существования. Чтобы сохраниться, иные религии и нормы этики будут вынуждены подстраиваться под него. Бусидо, перестав являться основой для мировоззрения японцев, может исчезнуть навсегда подобно цветку вишни, готовому умереть с первым порывом утреннего ветра. И все же безследно он не исчезнет, как и не исчезла до сих пор древняя философия стоицизма (202). Он умрет, как закон, но дух его высоких этических принципов продолжит жить в сердцах людей. И его неиссякаемая энергия окажет свое незримое влияние даже на западную культуру. Во всем, где человек способен превзойти себя, где дух благородства торжествует над бренной плотью, проявляется бессмертное учение Зенона (основатель стоицизма).

Бусидо, как неписанный кодекс идеалов воинской доблести и гражданской чести перестанет существовать, но в сердцах японцев его дух никогда не умрет. И ореол его славы будет еще долгое время светиться на его руинах. Как лепестки его символического цветка, рассеиваемые ветрами на четыре стороны, он будет еще долгое время вдохновлять многие поколения людей на борьбу за обретение духа, являющегося истинным богатством человеческой жизни.

Пройдет много лет и наследие Бусидо окончательно исчезнет, и возможно даже его имя будет забыто, но в его незримое присутствие, «витающее над землей», будут выражаясь словами одного американского поэта пристально всматриваться люди:

«Чувство безмятежности завладело путником,
И пытаюсь понять, откуда оно пришло
Скинув шапку он стоит в удивлении,
Подставляя под благословение ветра лицо». (203)

КОММЕНТАРИИ

(1) Emile Louis Victor de Laveleye, Эмиль Луи Виктор де Лавелье (1822-1892) – бельгийский экономист.

(2) Patrick Lafcadio Hearn, Патрик Лафкадио Хирн (1850-1904). После получения японского гражданства также известный как Коидзуми Якумо (Koizumi Yakumo) – этнограф, один из самых известных публицистов, писавших о Японии. Особенно заменит его сборник японских легенд, по одной из которых в 1965 году был снят фильм «Квайдан» (Kwaidan) режиссером Масаки Кобаяси (Masaki Kobayashi).

(3) Hugh Fraser, Хью Фрэзер (1837-1894) – особый посол и полномочный представитель британского посольства в Японии.

(4) Ernest Mason Satow, Эрнст Мэйсон Сатоу (1843-1929) – британский ученый и дипломат. Сатоу более известен в Японии, чем в Великобритании. Активный деятель англо-японских отношений эпох Бакумацу (1853-1867) и Мэйдзи (1868-1912). Составил «Руководство по дипломатической практике», которое широко используется до сих пор. Сатоу является автором одной из самых знаменитых книг о Японии «Дипломат в Японии», повествующей о 1862-1869 годах, когда произошла смена правления сёгуната на императорскую форму. Сатоу был свидетелем действий союзнических войск (Великобритания, Франция, Нидерланды и США) против войск кланов Сацума и Тёсю в Симоносеки и участвовал в переговорах с Ито Хиробами и Иноу Каору из клана Тёсю. Он был знаком со многими другими японскими лидерами того времени, включая Сайго Такамори из клана Сацума. Кроме того, он совершил этнографическую поездку по внутренним районам Японии с А.Б. Митфордом и Чарльзом Виргманом (Charles Wirgman). В 1864 году он был назначен секретарем британской дипломатической миссии в Японии. В 1872 году Сатоу был одним из учредителей Азиатского общества по изучению японской культуры, истории и языка в городе Йокогама и опубликовал множество статей на эту тему. Это обще-

ство существует до сих пор. В 1895 году после Хью Фрэзера Сатоу был назначен особым послом и полномочным представителем Ее величества в Японии.

(5) Matthew Calbraith Perry, Мэтью Кэлбрэйт Перри (1794-1858) - коммодор американского флота, который в 1854 году под угрозой военной силы вынудил Японию подписать международный торговый договор. Подробнее об этом можно прочитать (английский язык, но очень красивый сайт): http://blackshipsandsamurai.com/compsite/bss_menu.html

(6) Для транскрибирования японских слов используется русская транскрипция – «кириджи», разработанная профессором Института Востока Е.Г. Спальвиным. В кириджи все японские звуки соответствуют русским, за исключением следующих: «и» и «у» после «ф», «х», «к», «с» и «ц» - произносится бегло и почти неслышно; «ё» - произносится, как в слове «майор»; в лигатуре «дз» - «д» перед «з» - звук промежуточный, служащий только для усиления «з» и поэтому почти неслышный; «н» в конце слога представляет собой полуносовой звук; «дз», «с» и «т» перед «и» или йотированными гласными «ё», «ю» и «я» несколько приближаются в произношении соответственно к «дж», «ш» и «ч», но не совпадают с ними; буквы со знаком «:» [о, ё, у, ю, я] обозначают долгий звук, произносимый протяжно. Что касается русификации и склоняемости японских слов, то опыт показал, что это может повести к недоразумениям, ибо не все их можно склонять, за исключением лишь некоторых, вполне уже русифицированных слов, как, например, сёгун. (<http://enoth.narod.ru/Japan/Mendrin00.htm>)

(7) Charles Dudley Warner, Чарльз Дадлей Уорнер (1829-1900) - американский публицист и писатель.

(8) William Elliot Griffis, Уильям Эллиот Гриффис (1843-1928) - американский востоковед, писатель и протестантский проповедник.

(9) Времена правления сёгуна Ёримото-но-Минамото (1185-1333).

(10) Gaius Julius Caesar, Гай Юлий Цезарь (102?-44 гг. до н.э.) - великий римский полководец и государственный деятель. С правлением Цезаря, установившего режим единоличной власти, связаны последние годы римской республики.

(11) Tacitus, Тацит (58?-117?) - римский историк. Главные труды посвящены истории Рима и Римской империи («Анналы» и «История» в 14 книгах, от которых до наших дней сохранились первые четыре и начало пятой книг), а также религии, общественному устройству и быту древних германцев (очерк «Германия»).

(12) Ralph Waldo Emerson, Ралф Уолдо Эмерсон (1803-1882) - американский философ, публицист, поэт-романтик, крупнейший представитель американской теории ненасилия.

(13) Верхушкой сословия были феодальные князья, владевшие крупными земельными участками. Далее шли самураи среднего и низшего рангов. Они отличались по размеру владений и доходов.

(14) Образ взят из книги Томаса Хьюза «Школьные годы Тома Брауна», которая повествует о жизни школьника из «Регби-Скул». Thomas Hughes (1822-1896) - английский писатель, правовед и политический деятель.

(15) Gotthold Ephraim Lessing, Готтольд Эфраим Лессинг (1729-1781) - немецкий драматург, критик, публицист, патриарх немецкой духовной свободы.

(16) John Ruskin, Джон Рескин (1819-1900) – английский писатель, поэт-романтик, искусствовед, философ-прерафаэлит, побудивший по-новому взглянуть на многовековое культурное наследие Европы, один из основателей европейского культа эстетизма, профессор Оксфордского университета.

(17) Alphonse Marie Louis de Lamartine, Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790-1869) - французский поэт и государственный деятель.

(18) Christian Matthias Theodor Mommsen, Христиан Маттиас Теодор Моммсен (1817-1903) - немецкий ученый и исто-

рик, считавшийся одним из самых великих классиков 19 века столетия. Его работы по римской истории имеют фундаментальное значение до сей поры.

(19) Emile Gaston Boutmy, Эмиль Гастон Бутми (1835-1906) – французский историк и социолог.

(20) Конфуций (Кун-фу-цзы, Кун-цзы, Кун Цю, Кун Чжун-ни) (551?-479 до н.э.) - китайский философ, основатель конфуцианства.

(21) Мудрость, гуманность, верность, почитание предков и мужество.

(22) Мэн-Цзы (Мэн-Ке, Менций (372-289 до н.э.) - китайский странствующий философ и мудрец, последователь Конфуция.

(23) Thomas Huxley, Томас Хаксли (1825-1895) – английский естествоиспытатель, философ и дарвинист. Занимался сравнительной анатомией, зоологией, палеонтологией, антропологией и теорией эволюции. При распространении и популяризации теории эволюции Дарвина обосновывал отказ от нравственных принципов.

(24) Wan Yang Ming, Ван-Ян-Мин (1472-1529) – китайский философ неоконфуционского направления.

(25) Isaac Pennington, Айзек Пеннингтон (1617-1679) – английский теолог, квакер.

(26) George Berkeley, Джордж Беркли (1685-1753) - английский теолог, епископ. В «Трактате о началах человеческого знания» утверждал, что внешний мир существует только в зависимости от нашего восприятия и мышления. Субъективно-идеалистическое учение Беркли - один из источников эмпириокритицизма, прагматизма, неопозитивизма.

(27) Johann Gottlieb Fichte, Иоганн Готлиб Фихте (1762-1814) - немецкий философ, создатель системы субъективно-идеализма. В построении своей системы Фихте исходил из философии Канта, из которой он устранил идею вещей, существующих независимо от субъекта, и пытался диалектически вывести все содержание знания из деятельности по-

знающего «Я». В своих этических воззрениях Фихте исходил из необходимости добровольного ограничения свободы каждого индивидуума для создания возможности совместного существования множества самоопределяющихся существ.

(28) Солипсизм - от лат. *solus* - единственный и *ipse* – сам: (1) крайняя форма субъективного идеализма, признающая несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющая все остальное существующим лишь в его сознании (тенденция к солипсизму характерна для Беркли, имманентной философии, эмпириокритицизма; (2) в этическом смысле - крайний эгоизм, эгоцентризм.

(29) Alfred Antoine Rous marquis de Mazelière, Альфред Антуан Ру маркиз де Мазельер (1864-1937) - французский историк.

(30) Hippolyte Adolphe Taine, Ипполит Адольф Тэн (1828-1893) - французский философ, эстетик, писатель, историк.

(31) Friedrich Wilhelm Nietzsche, Фридрих Вильгельм Ницше (1844-1900) - немецкий философ, представитель философии жизни. Профессор классической филологии Базельского университета. Испытал влияние А. Шопенгауэра и Р. Вагнера. Творческая деятельность Ницше оборвалась в 1889 в связи с душевной болезнью. В «Рождении трагедии из духа музыки» противопоставил два начала бытия – «дионисийское» (жизненно-оргастическое) и «аполлоновское» (созерцательно-упорядочивающее).

В сочинениях, написанных в жанре философско-художественной прозы, выступал с анархической критикой культуры, проповедовал эстетический имморализм («По ту сторону добра и зла»). В мифе о «сверхчеловеке» индивидуалистический культ сильной личности («Так говорил Заратустра», «Воля к власти») сочетался у Ницше с романтическим идеалом «человека будущего».

(32) Софистика - сознательное применение в споре или в доказательствах неправильных доводов, всякого рода уловок, замаскированных внешней, формальной правильностью. Ха-

ракторными приемами софистики являются вырывание событий из их связи с другими, применение закономерностей одной группы явлений к явлениям другой группы, одной исторической эпохи к событиям другой эпохи и т.д.

33) Mito Mitsukuni (Tokugawa), Мито Мицукуни (Токугава) (1628-1701) – второй знатный даймё клана Мито, активный политический деятель раннего периода эпохи Эдо. Он был третьим сыном Токугава Ёрифуса (который в свою очередь был 11-ым сыном Токугава Иэясу). Мицукуни основатель одноимённой исторической школы, к концу 17 века им были созданы «Хонги» («Основные анналы»), «Рицудэн» («Биографии») и начато написание «Дайнинипонси» («Истории Великой Японии»), составившей в законченном виде (к 1906) 397 томов. Написанные с позиций конфуцианства, эти исторические труды отстаивают теорию божеств, происхождения японской нации, но вместе с тем систематизируют и излагают исторические факты с ссылками на достоверные источники.

(35) Plato, Платон Афинский (427-347 до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Основатель Академии - философской школы, просуществовавшей почти 1000 лет (до 529 н.э.).

(36) Маленький принц Сэндай (Sendai) – юный Датэ Масамунэ (см. прим. 49).

(37) Уэсугу Ота Докан (1432-1486) - в 1456 году, являясь правителем области Канто при японском сёгунате, построил замок Эдо. Эдо стал столицей сёгуната, императорской столицей был Киото.

(38) Koromo - игра слов следствие двоякого значения иероглифов.

(39) 11-летней война 1051-1062 годов, в которой генерал Минамото Ёсия уничтожил клан Абэ на севере острова Хонсю.

(40) Kenshin, Кэнсин Уэсуги (Нагао-но Кагэтора) (1530-1578) - прославленный воин периода «Воюющих княжеств»,

даймё провинции Этиго (сейчас часть префектуры Ниигата). Принял у себя скрывавшегося Уэсуги Норимаса и стал его приемным сыном. В 1552 году принял монашество, и под именем Уэсуги Кэнсин воевал до конца жизни. В честь него до сих пор в Ниигата 16 августа проводится двухдневный праздник «Кэнсин-но мацури».

(41) Shingen, Такэда Сингэн (Харунобу) (1521-1573) - полководец, принадлежал к очень древнему роду, даймё провинции Кай (сейчас префектура Яманаси). В 1541 году Сингэн, сместив своего отца, практически узурпировал руководство разветвленным и богатым кланом. Год спустя он захватил соседнюю обширную провинцию Синано (сейчас префектура Нагано) и в 1559 году добился от сёгуна Асикага Ёситэру назначения его военным губернатором этой провинции. Японцы считают Такэда одним из лучших полководцев в своей истории. Существует множество легенд, основанных на истории семьи Такэда «Коё гункан», повествующих о его подвигах, безстрашии и воинском таланте. Он был популярен среди самураев, с которыми переносил все опасности и лишения службы, и среди крестьян, которые звали его Сингэн-ко (принц Сингэн). Он покровительствовал боевым искусствам и проповедовал благородство в бою, невозмутимость и дзэнское хладнокровие в самых тяжелых ситуациях. Жесткое соперничество разгорелось у Такэда с Уэсуги Кэнсином. Его провинция соседствовала с Кай и была гораздо обширнее, а следовательно, привлекательнее. Сингэн провел с Уэсуги в целую серию сражений, апофеозом которых стала битва при Каванакадзиме. Успех сопутствовал каждому по очереди, но все же шансы Такэда на победу были предпочтительнее.

(42) Marcus Furius Camillus, Марк Фурий Камилл (447?-365 до н.э.) - древнеримский полководец.

(43) Фридрих Великий (1712-1786) – прусский король и полководец.

(44) «Ши-Цзин» - «Книга Песен» (11-6 вв. до н.э.) - один из классических трактатов древнего Китая, входящий в состав пятикнижия.

(45) Династия Инь (Yin или Шан (Shang)) – 1401-1121 до н.э.

(46) Edmund Burke, Эдмунд Бёрк (1727-1797) - ирландский публицист и политический деятель, основатель англосаксонского консерватизма, критик французской революции, идеолог консерватизма.

(47) Konstantin Pobyedonostseff, Победоносцев Константин Петрович (1827-1907) - российский политический деятель, юрист и публицист, принципиальный противник демократизации общественной жизни, парламентаризма и убежденный сторонник аристократического начала.

(48) Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen, Duke of Lauenburg, Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен, герцог Лайенбург (1815-1898) - государственный деятель, премьер-министр (рейхсканцлер) Германской империи.

(49) Date Masamune, Датэ Масамунэ (1566-1636) - даймё провинций Этидзэн, Сэндай и Муцу. В детстве лишился глаза и поэтому его прозвали «Доку-Ганрю» – «Одноглазый дракон». Датэ отличился в битве при Сэкигахара (1600), и его командующий Ияэсу Токугава, установив власть над страной, пожаловал своему вассалу в ленное владение долину Сэндай. Это было крупнейшее земельное владение к северу от столицы Эдо. Масамунэ был человеком незаурядным.

Кроме мастерства в боевых искусствах, он был знатоком китайской литературы, мастером стихосложения, осваивал таинства чайной церемонии у одного из знаменитых мастеров Орибэ Фурута. Талантливо выступал в драмах театра «Но». Масамунэ во многом способствовал развитию производства и торговли солью, лаком и бумагой. Владел большими рудниками золота и серебра.

(50) Adam Smith, Адам Смит (1723-1790) - шотландский экономист, философ, один из крупнейших представителей классической политэкономии.

(51)(?) Эта фраза из «Энеиды» Virgilia.

(52) Битва при Сума-но-Ура (Suma-no-Ura) в войне Гэмпэй (1180-1185), в которой сводные братья Минамото-но-Ёсицуне (1159-1189) и Минамото-но-Ёритомо боролись за власть сёгуна с Тайра Коримори.

(53) Bakin Kyokutei, Бакин Кёкутэй (1767-1848) - настоящее имя - Такидзава Окикуни (Takizawa Okikuni) – японский писатель. Славу Бакин принесли романы в жанре, близком к рыцарским романам, которые характеризуются использованием средневековых китайских и японских источников, особым стилем, обязательным наличием морализующих моментов.

(54) Polybius, Полибий (200-120 до н.э.) - древнегреческий историк, автор «Истории», охватывающей историю Греции, Македонии, Малой Азии, Рима и других стран от 220 до 146 до н.э. Сторонник древнеримского государственного устройства.

(55) Угуису – яп. - «Певчая птица», так в Японии называют соловья.

(56) Karl Theodore Korner, Карл Теодор Кёрнер (1791-1813) - немецкий поэт, участник войны с Наполеоновскими войсками. Писал романтико-патриотические стихи.

(57) Плутократия - греч. plutos – «богатство». Государственный строй, при котором политическая власть формально и фактически принадлежит богатой верхушке общества.

(58) Thorstein Bunde Veblen, Торстен Бунде Веблен (1857-1929) - американский экономист.

(59) Herbert Spencer, Герберт Спенсер (1820-1903) - английский философ и социолог, один из основоположников позитивизма.

(60) Kakemono – свиток на стене с рисунком или иероглифами, который используется в эстетических целях.

(61) Конфуций считал, что в человеке надо воспитывать 5 добродетелей: человечность (жэнь), справедливость (и), вежливость (ли), мудрость (чжи) и искренность (синь).

(62) Logos – греч. - «слово». Объединение «логоса» с «сущностью» дает «истину» (органическая логика).

(63) James Russell Lowell, Джеймс Расселл Лоуэлл (1819-1891) - поэт периода американского романтизма, критик, публицист, дипломат и аболюционист.

(64) William Wordsworth, Уильям Уордсворт (1770-1850) - поэт периода английского романтизма.

(65) Charles-Louis de Secondat, Baron de La Brede et de Montesquieu, Шарль-Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескьё (1689-1755) - французский просветитель, правовед, философ и писатель.

(66) Hugh Black, Хью Блэк (1868-1953) - шотландско-американский теолог и писатель.

(67) William Edward Hartpole Lecky, Уильям Эдвард Хартпол Лекки (1838-1903) – ирландский историк и публицист.

(68) Этимология - греч. – etymon – «истина». Истинное значение слова.

(69) Thomas Carlyle, Томас Карлейль (1795-1881) - выдающийся шотландский мыслитель, публицист, историк и философ. Выдвинул концепцию «культа героев», единственных творцов истории. Карлейль по-своему понял диалектику приобретений и утрат, сопутствующих развитию человечества. Его ведущий тезис - бездушие буржуазной цивилизации, о том, что материальное богатство не гарантирует богатства духовного, что достижения и прогресс, по его мнению, ведут наоборот к одичанию.

(70) Tokugawa Iyeyasu, Токугава Иэясу (1542-1616) - полководец и государственный деятель, основатель династии сёгунов Токугава.

(71) Oda Nabunaga, Ода Нобунага (1534-1582) - полководец и государственный деятель, первый из трех объединителей (Ода, Тоётоми Хидеёси, Иэясу Токугава) страны. Был главой небольшого клана в провинции Овари (центральная часть острова Хонсю). В 1558 году начал борьбу с соседними кланами. В 1568 году захватил Киото – тогдашнюю резиденцию

сёгунов. В 1573 году низложил сёгуна из клана Асикага. К 1582 году объединил под своей властью почти треть страны. Боролся с буддийским духовенством, выступавшим против централизации государства. С 1570 года вел кровопролитную борьбу с сектой «Икко», под знаменем которой выступали широкие народные массы (Икко-Икки). С целью укрепления феодальных порядков Ода произвел перепись земель, отменил внутренние заставы, учредил единую денежную единицу, построил дороги. Был убит одним из своих ближайших сподвижников Мицухидэ Акэти.

(72) Toyotomi Hideoshi, Тоётоми Хидеёси (1537-1598) - полководец. Отец Хидеёси был крестьянином, он умер, когда мальчику было 8 лет. Мать вновь вышла замуж, но отношения между Хидеёси и отчимом были напряженными и в 15 лет Хидеёси ушел из дома. Судьба улыбнулась ему и владелец замка Куно взял юношу к себе на службу, но он тосковал по матери и поэтому решил вернуться в родные края, где случай свел его с Ода Нобунага, который начал борьбу за объединение Японии. Хидеёси стал слугой у Нобунага, но вскоре начал принимать участие в боях, в которых он проявил смелость и находчивость, обнаружив большие познания в военном деле, за что Нобунага произвел его в самураи. После смерти Нобунага с помощью военных действий и подкупа за 8 лет Хидеёси стал квампаку (главный советник императора), а не сёгуном, поскольку не имел знатного происхождения. Последние годы жизни Хидеёси были омрачены неудачной войной в Корее, которая закончилась безславным поражением Японии. Она стоила стране огромных людских потерь и материальных средств. Хидеёси умер незадолго до окончания этой войны.

(73) Bunzen Kumazawa, Бундзен Кумадзава (1619-1691) - государственный деятель, исследовал философские и экономические аспекты самурайской жизни.

(74) Saigo Takamori, Сайго Такамори (1827-1877) - один из ярчайших политических деятелей и лидеров антисёгунского

движения и реставрации Мэйдзи. Активный участник всех политических и военных конфликтов между бакуфу и самурайскими кланами Сацума, Тёсю и Тоса в 1865-1866 годах. Под его командованием была сформирована антисёгунская армия. Началась гражданская война, которая завершилась победой антисёгунской коалиции. В 1868 году Сайго вошел в состав первого правительства Мэйдзи. В 1871-1873 годах, во время пребывания правительственной делегации в Америке и Европе, Сайго фактически руководил страной и, превысив свои полномочия, провел ряд реформ, вызвавших серьезные противоречия в правительстве. В октябре 1873 года Сайго вышел из правительства. Несмотря на выход из правительства, Сайго не был смещен с поста главы военного ведомства и продолжал пользоваться огромным авторитетом. Он возглавил Сацумское восстание 1877 года, ставшее апогеем самурайских выступлений против реформ Мэйдзи. Потерпев поражение от правительственных войск близ Кумамото, Сайго отступил к городу Кагосима. При осаде города был ранен и покончил с собой согласно самурайским обычаям. Несмотря на то, что Сайго был объявлен мятежником и лишен всех титулов и званий, уже в 1891 году он был посмертно прощен. Более того, ему был присвоен один из высоких придворных рангов. Память о Сайго Такамори - выдающемся деятеле Реставрации Мэйдзи - увековечена бронзовой статуей, установленной в токийском парке Уэно. На тему Сацумского восстания режиссером Эдвардом Цвиргом снят фильм «Последний самурай» (2003).

(75) Fagin, из «Оливер Твист» Чарльза Диккенса.

(76) Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) - немецкий философ.

(77) Alfred Dreyfus, Альфред Дрейфус (1859-1935) - французский капитан, в 1894 году был арестован по обвинению в государственной измене.

(78) Sugawara Michizane, Сугавара Митидзанэ (845-903) - государственный деятель, выдающийся ученый, поэт и мастер каллиграфии.

(79) «Возьми сына твоего, - сказал Бог Аврааму, - единственного твоего, которого, ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Бытие 22:2).

(80) Притча о мытаре и фарисе. В древности была секта - Фарисеи и мытарь (сборщик податей) пришли в храм помолиться. Фарисей молился: «Боже! благодарю тебя, что я не такой, как другие люди - грабители, обидчики, безпутные, или как этот мытарь. Я пощусь два раза в неделю. Жертвую десятую часть из всего, что приобретаю». А Мытарь молясь, произносил лишь: «Боже, будь милостив ко мне грешнику». И Иисус сказал: «Говорю вам, что мытарь вернулся более оправданным в дом свой, нежели фарисей. Потому что всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится». На примере мытаря и фарисея, святая Церковь учит, что первое условие для добродетели - это смирение и покаяние, а главное препятствие - гордость. Кто любит себя и хвалится своими делами, тот не ведает или забывает, что мы своими силами без помощи Божьей не можем исполнить всего закона и следовательно сделаться правыми перед Богом, и само исполнение есть не заслуга, а наш долг (От Луки, 18:9-14).

(81) Aristotel, Аристотель (384-322 до н.э.) - древнегреческий философ.

(82) С 20 по 15 век до н.э. на Средиземноморье владычествовало мощное Критское государство.

(83) Socrates, Сократ (470-399 до н.э.) - древнегреческий философ.

(84) Thomas Mowbray, Томас Маубрэй (1366-1399) - герцог Норфолк - герой трагедии Шекспира «Ричард II».

(85) Шекспир, «Король Лир», Акт I, сцена 1:

«Спускай скорей, хотя б стрела пронзила Мне сердце. Пусть же буде Кент невежлив, Коль Лир дурит. Чего, старик, ты хочешь? Чтоб я забыл свой долг, умолкнув там,

Где лесть гнет спину? Прямота почетна, Когда король безумствует. Опомнись!

Подумай хорошенько! Подави

Злость безобразную. Ручаюсь жизнью, У младшей дочери любовь не меньше. Не безсердечны те, чей слабый голос Притворства не знал.»

(86) Герой трагедии Шекспира «Тимон Афинский».

(87) То есть - банкиров, от лат. mensa – «стол».

(88) Francis Bacon, Фрэнсис Бэкон (1561-1626) - английский философ, основоположник английского материализма.

(89) Плутарх (45-127 н.э.) - древнегреческий писатель и историк.

(90) Ian MacLaren, Ян Макларэн (1850-1907) - шотландский писатель, псевдоним пастора Джона Уотсона (John Watson).

(91) Marget Howe - героиня романа «A Doctor of The Old School».

(92) В Библии записаны Десять заповедей (Декалог), данные Богом Моисею в третий месяц после исхода евреев из Египта на горе Синай. Третья заповедь гласит: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно».

(93) Charles Maurice de Talleyrand-Perigord, Шарль Морис де Талейран-Периго (1754-1838) - знаменитый французский дипломат, министр иностранных дел: 1797-1799 - при французской революции, 1799-1807 - при Наполеоне I, 1814-1815 – при Людовике XVIII.

(94) Hohenzollern, Гогенцоллерн - династия бранденбургских курфюрстов (1415-1701), прусских королей (1701-1918), германских императоров (1871-1918). Основные представители: Фридрих Вильгельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II.

(95) Democritus, Демокрит (470/60-? до н.э.) - древнегреческий философ. Развил учение об атараксии (греч. – невозмутимость). Понятие древнегреческой этики о душевном спокойствии, безмятежности как высшей ценности. В философии Эпикура и его школы атараксия - высший идеал жизни.

ни, состояние мудреца, достигшего внутренней свободы. В скептицизме атараксия - воздержание от суждений об истинном и ложном.

(96) Инверсия сообщает стиху особую выразительность, с помощью перестановки слов, например: «август, нежный и спокойный», «полдень знойный», «колосья наливные», «места родные».

(97) Стихотворение японской поэтессы Тиё (1703-1775). Об ее жизни известно немного. Родилась в провинции Кага, 11-летней девочкой служила в доме учителя хайку, который научил ее сочинять стихи. В 16 лет была уже признанной поэтессой. Предполагается, что в 18 лет вышла замуж и родила сына, но в 25 лет овдовела, а вскоре потеряла и ребенка. Приняла монашеский постриг и до самой смерти скиталась по монастырям. Ее трехстишия, многие из которых почти сразу же стали популярными по всей Японии, отличаются удивительной простотой, конкретностью образов и искренностью.

(98) Euthymia - греч. - «спокойствие», «безмятежность».

(99) Сатисфакция - форма ответственности, выражающаяся в том, что нарушитель предоставляет удовлетворение пострадавшему человеку. Виды сатисфакции: выражение сожаления, публичное извинение, наказание виновных, оказание особых почестей пострадавшему и т.д.

(100) Эвисцерация - лат. - evisceratio - «извлекать внутренности».

(101) «Юлий Цезарь», Акт V, сцена 5.

(102) Речь идет об Арнольде, сэре Эдвине (1832-1904), который был знаменит эпическим произведением «Свет Азии» (1879), посвященном описанию жизни Гаутамы Будды. «Свет Азии» - одна из самых популярных книг 19 века, о ней неоднократно упоминают М. Ганди, Д. Неру, Л. Толстой. За эту книгу Арнольд был награжден сиамским королем орденом «Белого Слона».

(103) Giovanni Francesco Barbieri Guercino, Джованни Франческо Барбьери Гверчино (1591-1666) - итальянский художник эпохи барокко.

(104) Joseph Addison, Джозеф Аддисон (1672-1719) - английский писатель и государственный деятель, автор классической трагедии «Катон» (Cato).

(105) Флавий Валерий Константин (288?-337 н.э.) - римский император, первый император Византии и первый христианский монарх.

(106) На старославянском «живот» означало также «жизнь». Например, «не щадя живота своего», то есть - «не жалея жизни».

(107) Френ - phren – букв. – «разум». В широком смысле – способность восприятия и оценки. Тумос - thumos – букв. – «энергия», «пыл». В широком смысле – дух борьбы и самоутверждения.

(108) Эпифиз - орган позвоночных животных и человека, расположенный в промежуточном мозге.

(109) Шекспир, «Ромео и Джульетта», Акт III, сцена 3.

(110) Samuel Garth, Самуэль Гарт (1661-1719) – английский психолог и поэт.

(111) Согласно Плутарху, они повесились.

(112) Митфорд, «Рассказы о старой Японии» (Tales of Old Japan).

(113) Дзимбаори (jimbaori) – длинный свободного кроя самурайский жилет для верховой езды с разрезом снизу на спине для удобства сидения в седле.

(114) Традиционный японский способ сидения на пятках, при котором колени разводятся в стороны, пальцы ног сводятся вместе, спина прямая. В этой торжественной позе приговоренный остается до момента смерти.

(115) Вакидзаси (wakizashi) - традиционный японский короткий поясной меч с клинком длиной от 30 до 61 см.

(116) Taki Zenzaburo, Таки Дзендзабуро – хатамото («знаменосец» - самурай высшего ранга) даймё Бидзена (Bizen). В феврале 1868 года, он приказал стрелять в иностранцев из поселения около Хиого (Hiogo). Церемония Сеппуку, которую Дзендзабуро приказал совершить непосредственно микадо,

состоялась в храме Сейфукудзи (Seifukuji), расположенном в главном городе войск клана Сацума – Хиого.

(117) Две битвы (42 до н.э.), которые произошли около македонского города Филиппы между армиями Антония и Октавиана. В первом бою Брут, командующий армией Антония, одержал победу над армией Октавиана. Но в один из моментов боя Кассию, другу Брута, показалось, что поражение неизбежно, и он покончил с собой. Во второй битве, примерно три недели спустя, Брут был разбит, после чего совершил самоубийство. Порция – добродетельная и преданная жена Брута, узнав о гибели своего мужа, лишила себя жизни. Поскольку окружающие отобрали у нее оружие, она проглотила раскаленные угли. О смерти Порции писал Плутарх.

(118) Танка - пятистрочный японский стихотворный слог - неизвестного автора эпохи Камакура (сёгуны Минамото (1192-1333)).

(119) Thomas Browne, Томас Браун (1605-1682) – английский медик и писатель. В книге «Religio Medici» впервые применяет термин «суицид».

(120) Копье Санада (Sanada). Существует легенда как даймё Санада погиб от полученного им подарка - котенка, у которого когти были смазаны ядом.

(121) Стрелы Таметомо (Tametomo) - полностью - Минамото-но-Таметомо – этот сёгун был знаменит стрельбой из лука и верховой ездой.

(122) Великий Строитель (Каменщик) - то есть Господь.

(123) Из истории так называемого «Еврейский заговора». Капитан генерального штаба французской армии, еврей Луи Дрейфус был осужден как германский шпион и предатель родины. Все говорило о том, что Дрейфус не виновен, но настоящий предатель Эстерхази, тоже офицер генерального штаба, католик, оставался на свободе.

(124) Немезида – древнегреческая богиня возмездия.

(125) Даймё Наганори Асано, глава клана Ако, владевший землями в провинции Харима (сейчас префектура Хёго).

(126) Lao-Tse, Лао-Цзы - «Старый Младенец» или «Мудрый Старец» (6 век до н.э.) - древнекитайский философ, один из основателей Даосизма, автор трактата «Дао-Дэ-Цзин» («Канон Пути и благодати» или «Три телеги», написанный на бамбуке, он занимал три телеги). По свидетельству Сым-Цянь, Лао-Цзы старший современник Конфуция.

(127) Ганнибал (241/47?-? до н.э.) - карфагенский полководец и государственный деятель. Происходил из аристократического рода Баркидов. Участвовал в военных кампаниях отца, потом своего шурина Гасдрубала при покорении иберийских племен в Испании. С 225 года Ганнибал командовал карфагенской конницей в Испании, в 221 году (после гибели Гасдрубала) был провозглашен воинами и утвержден народным собранием главнокомандующим карфагенской армии. По сведениях Полибия и других историков, отец заставил его поклясться, что он всю жизнь будет непримиримым врагом Рима.

(128) James Hamilton, Джеймс Гамильтон (1531?-1570) – герцог, незаконный сын Якова V, сводный брат шотландской королевы Марии Стюарт. Постоянно носил на поясе горсть земли с могилы жены, как вечное напоминание о необходимости мести регенту Мюррэю.

(129) Shinmen Musashi-no-Kami Fujiwara no Genshin, Синмен Мусаси-но-Ками Фудзивара но Гэнсин - то есть Гэнсин из клана Фудзивара (1584-1645) - самурай из деревни Миямото (Miyamoto) провинции Мимасака (Mimashaka) - поэт, художник, резчик по дереву, писатель, знаменитый мастер меча.

(130) Название исторически сложившегося района в северо-восточной части США. В Новую Англию входят штаты: Мэн, Нью-Хэмпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд. Главный экономический центр – Бостон.

(131) E.A. Morselli, Э.А. Морзелли – итальянский психиатр, профессор генуэзского университета. Издал большое клиническое руководство по психическим заболеваниям.

Ему принадлежит первый труд по анализу самоубийств на основе статистики разных государств.

(132) Го – древняя японская игра. Доска Го больше шахатной и имеет 361 клетку (19х19). Игра начинается на пустой доске, и соперники, играя черными и белыми камнями, по очереди ставят их на пересечения линий, пытаясь окружить территории на доске. Однажды поставленные камни, больше не передвигаются по доске. Если игроку удалось окружить группу камней противника, то она удаляется с доски. Стремясь захватить территорию, игроки пытаются окружить чужие камни и защитить свои. Игра заканчивается признанием сторон, что никто уже не может улучшить свою позицию, а победитель определяется по размеру захваченной территории, к которой прибавляются взятые камни противника. Если шахматы представляют из себя одно большое сражение, то Го это целая военная кампания. В ней может бушевать несколько битв одновременно, и ни одна из них не быть решающей и при этом единственный ход может изменить все расположение сил на доске. Любители Го говорят, что их игра отличается от шахмат, как поэзия от бухгалтерского учета. Если для шахматных фигур существует множество комбинаций, то в Го есть только одно понятие - группа камней. Группы образуются по мере того, как камни ход за ходом выкладываются на доску. Камни, которые обречены на окружение и удаление, называются «мертвыми». Группы, которые формируют защитный строй и, защищаясь могут гарантировать себе жизнь, называются «живыми». Жизнь и смерть - суть Го. Фактически - умение хорошо играть в Го, означает умение хорошо распознавать, какая группа жива, а какая нет.

(133) Древний японский обряд. При достижении совершеннолетия (15 лет) юноша одевал одежду, стриг волосы и одевал головной убор как у взрослых (ебоси). Ему нарекалось новое взрослое имя. У юношей из кугэ (придворной знати) отрезалась коса, а оставшиеся волосы перевязывались фиолетовой лентой, а у девушек выбривались брови, затем заново рисовались тушью и чернились зубы.

(134) Геродот (490/80-425 до н.э.) - древнегреческий историк, прозванный «Отцом истории». Автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн с изложением истории государства Ахеменидов, Египта и др. Сделал первое систематическое описание жизни и быта скифов.

(135) Акинаку - скифский короткий меч (примерно середина 7 века до н.э.).

(136) Katsu Kaishu, Кацу Кайсю (1823-1899). Он же капитан Канрин Мару (Kanrin Maru) - хатамото в период последнего сёгуната Токугава. Занимал важный пост в правительстве Мэйдзи. Командовал первым в истории Японии военным кораблем с паровым двигателем.

(137) Апофтегма - греч. – «цитата». Этим термином у теологов принято обозначать слова Христа, приведенные в Библии.

(138) Johann Joachim Winckelmann, Иоганн Иоахим Винкелманн (1717-1768) - немецкий искусствовед, один из основоположников современной археологии. Анализируя историю античного искусства, находил идеал в благородной и возвышенной древнегреческой скульптуре.

(139) В древней Греции однополая любовь воспевалась. Например, Сократ утверждал, что только между двумя мужчинами возможна настоящая безкорыстная любовь.

(140) Нагината (naginata) – разновидность японского холодного оружия. Древко длиной примерно 2 м с закругленным клинком на конце длиной до 60 см.

(141) Кайкен (kaiken) – японский женский нож длиной клинка до 16 см.

(142) Мученица Пелагия (рим. – Марина) Антиохская, Елеонская, Палестинская из Антиохии (древняя столица Сирии). Ученица Св. Луки. Когда римские солдаты пришли арестовать ее, попросила переодеться. Под этим предлогом она направилась наверх в свою комнату, но поднялась на крышу и сбросилась с нее, чтобы избежать надругательства солдат. Мученицы Домнина и ее дочери Виринея и Проскудия (Едес-

ские) из Антиохии. Их повели на суд к мучителям за веру. Чтобы уберечь честь дочерей от насилия со стороны солдат, все трое покончили с собой, бросившись в реку.

(143) Свободная, хорошо образованная римлянка Перпетуя была схвачена вместе с другими первыми христианами и приговорена к растерзанию зверям на арене Колизея. Перед смертью она проявила идеальную чистоту женщины, умерев с достоинством.

Свирепый бык боднул Перпетую и она упала. Несмотря на свои раны, ее первой мыслью было то что бык порвал ее тунику и обнажил тело, потому с необыкновенным усилием воли она оправила разорванную одежду. Затем заметив, что волосы у нее растрепались, а это было символом траура, она нашла в себе силы, чтобы поправить их и заколоть булавкою. Гладиатор, добивавший раненых, нанес Перпетуе несколько неуверенных ударов, поэтому она выхватила у него нож и вонзила его себе в горло.

(144) Томоё Годзэн – легендарная женщина в истории Японии. По одним сведениям она была наложницей (неофициальная жена) Ёситака-но-Минамото (Minamoto-no-Yoshinaka, 1154-1184) по другим – его возлюбленной. Говорят она была очень красива и сильна. Она была не только исключительной хозяйкой дома, но и блистательным воином - участвовала в сражениях и имела звание старшего капитана. Ёсинака из клана Миномото боролся за власть с кланом Тайра в войне Гэмпэй (1180-1185). В 1084 году, после победы Миномото в битве при Курикава (Kurikawa) близ Киото власть перешла в руки Минамото. Ёсинака решил стать главой клана, но на это претендовал также его брат Ёритомо (Minamoto-no-Yoritomo (1147-1199) – основатель системы военного правления - Бакуфу (или Сёгунат)). Между армиями Ёритомо и Ёсинака произошла битва при Авадзу (Awazu), в которой несмотря на огромное сопротивление, войска Ёсинака были разбиты. Чтобы Годзэн не была захвачена в плен, Ёсинака приказал ей бежать. Далее исторические сведения говорят разное. По

одним, Годзэн предпочла совершить сеппуку вместе с Ёсинака, по другим – она скрылась с поля сражения. При этом по одной из версий - она захватила с собой голову Ёсинака, а по другой - голову Онда-но-Хатири Моросиге, который убил ее мужа. Далее после бегства, историки вновь трактуют ее судьбу по-разному. Одни говорят что Годзэн вместе с головой мужа бросилась в море, а другие что она стала монахиней.

(145) Человеческая судьба парадоксальна, и мыслить о ней нужно иррационально, а не рациональными категориями. У Гегеля есть замечательная мысль о трех состояниях человека: «господин», «раб» и «свободный». «Свободный» существует сам по себе, в отличие от «господина» и «раба», которые зависят друг от друга.

«Свободный» - это человек, обладающий силой духа, чтобы противостоять порабащающей необходимости. «Господин» зависит от других людей. Платон верно говорил, что «господин» сам «раб». Желание господства - это всегда желание раба. Христос был «свободным», самым свободным из сынов человеческих, Он был свободен от мира, Он связывал лишь любовью. Христос обладал властью, но к ней не стремился, поэтому и не был «господином». Цезарь из-за своего желания господства был «рабом», потому что, если нет подчиненных, то нет и господина. Цезарь - человек обреченный, его желание могущества ненасытно, и он безсилен с ним справиться. Поэтому свобода - это независимость и от «господ», и от «рабов». «Господин» и «раб» по сути не являются личностями, в отличие от «Свободного», потому что он старается не зависеть ни от чего в мире. Поэтому понятие «эксплуатация человека человеком» возникает только в отношении «господ» и «рабов», как осознание своего положения относительно другого человека и переживание от этого своего «ничтожества». И тогда человек часто отыгрывается, компенсируя себя поработением других. «Раб», выбившийся в «господа», всегда будет тираном. Желание господства и связанное с этим насилие отрицают достоинство и свободу у других людей. Хотя сами люди зачастую

и не понимают, что такое «насилие». «Насилием» они считают только грубые и очевидные формы, например, избиение, пленение или убийство человека. Но психологическое насилие может быть не менее жестоким, чем физическое. Человек всегда посылает человеку энергию жизни или смерти. И всегда ненависть - это энергия смерти, она хочет лишить другого человека свободы. Но и любовь может поработать не менее, чем ненависть. Психологическое насилие, испытанное человеком в детстве, может сделать его неспособным самостоятельно мыслить, он становится «рабом» общественного мнения, обычаев, нравов.

«Раб» имеет мнения и суждения из газет и журналов, которые читает, а при лживости и глупости прессы результаты ужасны. При финансовой неволе, человеку из-за отсутствия денег может угрожать голодная смерть, поэтому человек вынужден работать, но такой труд нельзя считать свободным. Психология человечества, пройдя в своей истории этапы рабского труда, крепостного труда, нового «рабского» труда в капиталистическом мире и нового «крепостного» труда в коммунистическом обществе, все еще по сути остается рабской. В рабском мире насилие ассоциируется с силой, забывая при этом, что причина насилия кроется в безсилии. Один человек может истязать другого, но это истязание лишь подтверждает его безсилие перед ним. Настоящая сила – это умение преобразить, просветлить или убедить другого человека. Высшим проявлением безсилия в отношении другого человека является убийство. Сын Божий был распят, Сократ отравлен, Пророки побиваемы камнями. Всегда «свободные» были преследуемы, угнетаемы и нередко казнимы. «Господин» и «раб» всегда торжествовали. Высшую ценность – человеческую личность не хотели признавать, низшую же ценность - государство с его насилием и ложью почитали высшей и рабски преклонялись ей. Правда распинается в мире, но настоящая сила в правде. Человек - раб потому, что свобода трудна, рабство же легко.

(146) Многие сенаторские и всаднические семьи в эпоху гражданских войн разорились.

Чтобы поправить дела своих семейств жены вначале с согласия своих мужей, а затем и без них, стали заниматься проституцией, продавая свои ласки богачам, в основном, «новым» римлянам. Если свободой распоряжаться своим телом могли обедневшие члены высших сословий, то и женщины из вполне обеспеченных семей не захотели оставаться в стороне, так что вскоре весь Рим был охвачен жутким развратом.

Но иметь официальных любовников эмансипированным римлянкам было мало, и стало быстро расти число женщин из высших сословий, которые открыто продавали свои услуги со своеобразного аукциона.

(147) Edward Gibbon, Эдвард Гиббон (1737-1794) - английский историк, автор книги «История упадка и крушения великой римской империи», повествующей об истории древнего Рима и Византии с конца 2 века до 1453 года.

(148) Henry Hallam, Генри Хэллам (1777-1859) - английский историк. Написав «Рассмотрение состояния Европы в средние века» завоевал научную репутацию, которая была упрочена после выхода труда «Конституционная история Англии от Генриха VII до Георга II» - попытки целостной интерпретации английских политических институтов.

(149) Куртуазность – западно-европейская этика придворных в средние веков. Куртуазность касалась, прежде всего, правил поведения в отношении женщин, что выражалась в куртуазной любви. Со времени появления титульных придворных понятие куртуазность стало включать в себя вежливость, учтивость и правила их выражения по отношению как к женщинам, так и мужчинам. Сюда входили правила приветствия, обращения к даме или кавалеру, ведения разговора, приглашения на танец, поведения в танце, прощания и т.д.

(150) Francois Pierre Guillaume Guizot, Франсуа Пьерр Гильом Гизо (1787-1874) - французский государственный деятель, историк, писатель.

(151) Сибаритство - роскошество, чувственная изнеженность, сластолюбие и жизнь для наслаждений плотских.

(152) Domitius Ulpian, Домиций Ульпиан (?170-228 гг.) – древнеримский сторонник естественного права. 426 сочинениям Ульпиана была придана сила законов.

(153) Дамон (Damon) и Финтий (Pythias) - пифагорейцы, жившие в Сиракузах в 4 в. до н.э., являющиеся образцом преданности в дружбе. Финтий был приговорен к смерти за участие в заговоре против сиракузского царя Дионисия II, но для устройства семейных дел ему было разрешено отлучиться, оставив заложником своего друга Дамона.

Непредвиденная задержка не дала Финтию возможность вернуться в срок, и Дамона уже привели на место казни, когда наконец явился его друг. Это произвело на царя Дионисия такое сильное впечатление, что он простил Финтия принять его в их братский союз, на что получил отказ.

(154) В поэме «Илиада» Гомера рассказывается о гнев Ахилла (Achilles), лучшего из греческих воинов ахейского (Микены) царя Агамемнона, который возглавлял поход на Троию. Агамемнон, из страха перед несущими мор стрелами троянцев, возвратил захваченную в плен Хрисеиду ее отцу, троянскому жрецу храма Аполлона. Однако взамен он забрал себе троянскую пленницу Ахилла. Оскорбленный Ахилл отказался сражаться. В очередном бою ахейцы начали отступать под натиском троянцев, и лучший друг Ахилла, Патрокл (Patroclos), не в силах этого вынести, попросил у Ахилла разрешения облачиться в его знаменитые доспехи, чтобы устрешить наступавших троянцев. Патроклу это удалось, но Гектор, предводитель троянцев, убил его.

Ахилл решив отомстить Гектору, вновь вступил в сражение, и убил Гектора. Но его гнев утих только после того, как отец Гектора, царь Приам, униженно не попросил его вернуть тело сына для погребения.

(155) Отношения Давида и Ионафана - один из ярких примеров преданной дружбы, запечатленных в Ветхом завете

(Первая и Вторая книги царств). Ионафан должен был стать царем, но он знал, что Бог избрал на царство Давида и, не желая идти против Божьей воли, благословил Давида на царствование. Он не завидовал военным успехам и популярности Давида в народе. Он не побоялся заступиться за Давида, когда того оклеветали. Он помог Давиду, когда тому грозила опасность и он нуждался в помощи. Можно с уверенностью сказать, что Давид мог назвать Ионафана своим лучшим другом. Быть для кого-нибудь лучшим другом нелегко, потому что это требует жертвенности и посвященности.

(156) Hippolyte Adolphe Taine, Ипполит Адольф Тэн (1828-1893) - французский философ, искусствовед, историк. Основоположник культурно-исторической школы.

(157) Тэн выступает за аристократическую конституционную монархию, основанную на руководстве «естественными лидерами» общества: «мы считаем, что все люди могут быть таковыми. Но это не так: большинство - это механизмы, которые пекут хлеб и шьют платья и которым, добавлю я, почтительно кланяются». Неравенство представляется Тэну необходимым условием процветания страны: «это неравенство является оскорбительным, но социальная несправедливость создает общественное процветание; ...аристократический класс является классом наследственных государственных деятелей; ...за все в жизни приходится платить, и за способных лидеров, последовательную политику, свободные выборы и надзор нации над правительством». Негативное отношение Тэна к «толпе» и вообще к демократии основывается на его исторических исследованиях государственных систем. Тэн также изучал типы образа мысли отдельных людей и народов, выявляя в них различные ступени человеческого гения. В результате он вывел триадическую формулу социальной детерминации - «Раса, Среда, Момент». Не без влияния немецких философов (Гегель, Гете и Гердер) Тэн утверждал, что цивилизация – это «тело», а все ее части схожи с частями человеческого тела. «Человеческая история, такая же есте-

ственная вещь, как и все остальное. В человеческом обществе все части связаны друг с другом и нельзя изменить одну из них без того, чтобы не вызвать таких же изменений в других частях. Институты, законы, мораль существуют не сами по себе, они взаимосвязаны исходя из условий и необходимости. Расцвет и упадок, деспотизм и свобода не случайны и не зависят от воли людей. Они зависят от закона ритмов бытия, от которого мы не можем избавиться».

(158) Это не единственное имя Божие. В Библии их можно найти до сотни. По церковнославянски Иегова обозначено как Сый (Суший). На иконах Христа есть внутри нимба три греческих буквы: это и есть слово «Сый», то есть - Иегова. Вообще священную тетраграмму (то есть - четыре согласные буквы) имени Бога более правильно произносить как Яхве. Но и это лишь приблизительно того, что на самом деле произносили древние евреи.

(159) Philip Sidney, Филипп Сидни (1554 -1586) – английский поэт и писатель, отражавший героизм своей эпохи, образованный гуманист, государственный деятель, воин.

(160) Walter Scott, Вальтер Скотт (1771-1832) - шотландский поэт, писатель и историк.

(161) Chikamatsu Monzaemon, Тикамацу Мондзаэмон (1653-1724) - автор исторических пьес для театров «дзёрури» и «кабуки», в центре которых столкновение чувства и нравственного долга.

(162) Жанр «ёмихон» (yomihon) – японские историко-мифологические эпосы с сильным китайским влиянием и т.д. Другим жанром был «гэсаку» - приключенческий, эротический, комический, сентиментальный и т.д.

(163) Японский драматический театр делится на две разновидности - «кабуки» и «но».

«Дзёрури» - особый жанр драматической ритмованной прозы, предназначенной специально для речитативного пения, иногда сопровождаемый кукольным представлением. Другим жанром был «кёгэн» (букв. - безумные слова) - неболь-

шие комические пьесы. В современной Японии существуют несколько театров: «хаюдза» - театр европейского типа, «кабуки» - древний драматический театр и самый древний из всех – классический театр «но». Он возник в 13 веке из древних храмовых представлений, где разыгрывались пьесы на мифологические сюжеты. Его каноны сложились в 14 веке, и с тех пор они мало изменились. На сцене театра Но действуют в основном два актера – «ситэ», главный герой, и «ваки», его партнер. Речь ситэ сложна и изысканна, он изъясняется метафорами, цитирует труды великих мыслителей, иносказательно намекает на сюжеты литературных произведений и реальные исторические события. Ваки разъясняет зрителю поступки и действия ситэ. Иногда появляется третий актер, амплуа которого можно определить как «комик», но чаще эта роль также выпадает на долю ваки. Рядом с актерами снуют по цене люди в темной одежде – «курумба». Они поправляют одежду актеров, подносят понадобившиеся по ходу пьесы вещи, подкладывают подушечку, если актер должен стать на колени. Курумба положено не отвлекать внимания зрителей. В Но играют только мужчины, одетые в пышные тяжелые одежды, с масками на лицах. Одежда настолько тяжела, что женщина просто не смогла бы в них двигаться и тем более танцевать на сцене. В жаркие летние месяцы афиши часто предупреждают зрителей о том, что к глубочайшему сожалению театра представление будет идти не в полных костюмах, а только в легких кимоно и хакама. Кем бы ни был герой – божеством или самураем, бедным рыбаком или монахом – он непременно одет в древний костюм из роскошных шелков и золототканой парчи. Костюм носит условный характер, он не отражает сословия, к которому принадлежит персонаж. В руках у актера веер. По ходу пьесы веер становится то флейтой, то мечом, то букетом, то - собственно веером. За спиной актеров расположен оркестр из четырех человек с традиционными японскими струнными и ударными инструментами. Оркестр предваряет выход актеров, вторит монологам ситэ,

аккомпанирует танцам. Иногда музыканты выполняют роль «хора» - рассказывают о событиях, происходящих «за кадром» в то время, как ваки исполняет замысловатый танец. Сцена для представлений Но - квадратная, закрытая занавесями с трех сторон. В глубине висит задник с неизменной картиной: раскидистая сосна на золотом фоне.

Сцена от зрителей отделена полосой песка – так называемой «медовой полосой». Пол сцены устроен весьма сложно - под ним размещены резонаторы и актер точно знает, где следует наступить или топнуть. Удар ногой вызывает раскат грома, который возвещает о драматическом месте пьесы. Представление Но длится не менее 6 часов, иногда всю ночь. Как правило зрителям демонстрируется 5 пьес на традиционные сюжеты. Первая пьеса непременно повествует о деяниях богов, вторая рассказывает о достойном самурае, попавшем в сложную ситуацию и с честью вышедшем из нее, третья пьеса – о женщине (это может быть печальная любовная история, веселый фарс или моральная драма), четвертая бичует какой-нибудь порок – скупость, трусость, непочтение к родителям, и наконец, пятая – это волшебная история о чудесах. В разгар театрального сезона поклонники Но буквально переходят на ночной образ жизни. Недаром один из князей древности называл «негодными для любой службы тех, кто смотрит представления театра Но ночью». Другой угрожал приговорить к сеппуку «тех, кто смотрит танцы Но по ночам». Ныне любители «представлений в сумерках» не вызывают такого раздражения – большинство японцев посещают Но лишь пару раз в жизни, предпочитая ему Кабуки. Для восприятия театра Но сюжет следует знать заранее.

(164) Преданным самураем и сподвижником Ёсицуне был Бенкей (монашеское имя Мусасибо). Он был сыном управляющего одного из императорских принцев в Кумако. В детстве был отдан в монастырь. Обладавший могучим телосложением и громадной физической силой, жаждавший опасности, подвигов и приключений, Бенкей не мог смириться с тишью

монашеского уединения. Случай свел его с Ёсицуне, которому он стал служить и не раз спасал от смерти. Так однажды, они скрывались от преследований переодевшись монахами. У ворот одного из монастырей стража потребовала их документы. Бенкей вынул чистый лист бумаги и прочел указ о сборе ими денег для храмового колокола. Безграмотная стража с почтением пропустила их. Бенкей погиб в Осю, пожертвовав за Ёсицуне жизнь. Ёсицуне и Бенкей стали героями народных легенд.

«Усивака» из «Нихон Мукаси Банаси» (Сказания древней Японии) Давным-давно это было. С тех пор уже прошло 6 веков. Шла тогда война между Минамото и Тайра. Воевали он между собой и побеждали, и были побеждаемы. Был у Минамото командующий по имени Ёситомо, звания «само-ноками» («левый дворцовый конюший» - конюший императора. «Левый» означает – старший, а «правый» – младший). Как не могуч и храбр он был, но отвернулось от него счастье. Будучи разбитым в сражении, он искал спасения в бегстве, но был убит. Было у него восемь детей. Самого младшего звали Усивака. Когда был убит отец, Усивака был еще младенцем. Тайра хватали и убивали самураев Минамото. Мать Усивака – Токива - скрывалась с детьми в деревне. Тайра не удавалось найти их. Тогда они схватили Секия - мать Токива - и стали мучать ее. Токива этого не выдержала и сдалась моля о пощаде. Киёмори Тайра сжалился и отпустил ее мать. И сыновей он решил не убивать: Имавака и Отовака сослали монахами в монастырь, а Усивака с матерью оставил при себе. Когда Усивака исполнилось 7 лет его тоже отправили в монастырь в Курамаяма. Но Усивака был силен духом. Взрослея, горе и чувство мести овладевали им. И захотел он стать полководцем и обрушиться грозною карою на Тайра. По ночам Усивака потихоньку уходил из монастыря в долину Содзиогатами, где постигал искусство меча. Однажды, когда Усивака упражнялся с мечом, поднялся страшный ураган. Вдруг появился огромный тенгу (тролль), с большими глазами и длинным носом.

Но Усивака был не из робких: - ты кто? – спросил он. - Я - тенгу. Я давно уже обитаю здесь и наблюдаю за тобой. И решил, что с этой ночи буду сам учить тебя владеть мечом. Обрадовался Усивака. И с этих пор каждую ночь Усивака учился у тенгу разным сокровенным приемам боя на мечах. Он стал необыкновенно ловок и искусен. И жил в это время в Сайто на горе Хеидзан некий монах Мусасибо-Бенкей. Люди о нем говорили, что он неукратимый малый. Каждый вечер он ходил к мосту Годзё и накидываясь на прохожих, отнимал у них мечи. А если кто-либо сопротивлялся, то он с одного маху убивал его своей нагината. Все были напуганы и после захода солнца никто не решался ходить в этих местах. Усивака прослышал об этом. «Интересный, малый этот Бенкей», – подумал он, – «надо заставить его служить мне». И наигрывая на флейте, пошел к мосту Годзё. Ночь была лунная. Прошло время. Вдруг показался монах в черной одежде. Он шел размеренной поступью, опираясь на огромную нагината. «Действительно, силач», – подумал Усивака, завидев его. Но ничуть не испугался и, играя на флейте, пошел по мосту с безпечным видом. Монах остановился и окинул его взглядом. Подумав, что это ребенок, он хотел пройти мимо. Но Усивака крикнул: - почему не нападаешь? - и неожиданно сильно ударил ногой в древко его нагината. Бенкей рассвирепел: - Ах, так! – и нанес страшный удар нагината, намереваясь перерубить Усивака поперек груди. Но не тут-то было! Усивака в одно мгновение увернулся и, вынудив веер, кинул его в Бенкей. Прошелестел веер и угодил Бенкей в лоб. Бенкей еще больше разозлился и ударил нагината, стараясь разрубить Усивака, как полено. Но Усивака ушел от удара. Вскочив на перила моста, он со смехом крикнул: - Мазила! Бенкей окончательно рассвирепел. Вращая нагината кругом он начал рубить ею и вдоль и поперек. Но Усивака, которого учил сам тенгу, обладал необычайным проворством. Как ласточка перелетал он, перескакивал как обезьяна. Растерялся Бенкей, и устал. А Усивака выбрал момент и вышиб у него из рук нагината.

Бенкей нагнулся, чтобы поднять ее, но Усивака толкнул его, и он упал на мост.

Усивака мигом запрыгнул на него и начал душить: - Ну что, сдаешься? - Бенкей был удивлен силой этого ребенка: - Ты кто? Я всех побеждал, но такого сильного и ловкого вижу впервые. Ты наверно тенгу? - Усивака засмеялся: - Испугался? - Да, - ответил Бенкей. - Будешь мне служить? - спросил Усивака. - Буду, но кто ты? - Усивака встал: - я - восьмой сын Саманоками Ёситомо. Мое имя Усивака, я из клана Минамото. - Бенкей был поражен, когда услышал это. С этих пор Бенкей стал служить Усивака.

(165) «Сога-моногатари» (Сказание о братьях Сога) — история о разделе наследства, вылившаяся в трагедию кровной мести. Двое братьев Сога убили в 1193 году кровного врага своего отца и были за это казнены. Так как кровная месть за отца считалась священной, то судьба братьев вызвала глубокое сочувствие, а их подвиг воспет в японском эпосе.

(166) «Момотаро» http://www.baxleystamps.com/litho/hasegawa/ft_1_momo_c1911.shtml Давным-давно жили в домике над рекой старик со старухой. Старик ходил в лес за дровами, а старуха стирала на реке белье. Однажды старуха полоскала белье, и вдруг видит, плывет по реке огромный персик, с боку на бок переворачивается. «Какой прекрасный персик!», - подумала старуха, - «вот бы поймать его - хороший бы гостинец был бы старику!». Протянула руку, да никак не может дотянуться. Стала тогда она приговаривать:

«Дальше вода горькая,
А ближе ко мне - сладкая.
Не плыви в воду горькую,
Плыви ко мне, в сладкую!»

Закачался персик на волнах и подплыл к ногам старухи. Обрадовалась старуха: «Отнесу его старику». Подобрала она персик, положила его в корзину с бельем и пошла домой. Наступил вечер. С вязанкой дров вернулся из лесу старик: «Ну, как ты тут без меня?», - спросил он. «Тебя ждала, заходи

скорее, у меня для тебя есть угощение». Снял старик соломенные сандалии и вошел в дом, а старуха достала персик: «Посмотри!». «Вот это да! Где же ты купила такой чудесный персик?», - спросил старик. «Река принесла!». «Река?», удивился старик. С этими словами старик взял персик и принял-ся его разглядывать. Вдруг персик в руках старика с треском разломился на две половинки и оттуда с плачем выпрыгнул красивый мальчик. «Ой!», - испугались старик и старуха, - «кто это?». Но потом подумали: «мы все время горевали, что у нас нет детей. Вот боги и послали нам сыночка». Поднялась в доме суматоха: старик принялся воду греть, а старуха пеленки готовить. Искупали они малыша. Взяла старуха его на руки, а он как толкнет ее: «вот это богатырь!», - в удивлении переглянулись старик со старухой, - «чудесный достался нам сын!». Назвали они его Момотаро, так как родился он из персика. Старик и старуха души в нем не чаяли, рос Момотаро не по дням, а по часам. Сердце у Момотаро было доброе, старика и старуху он почитал, как своих родителей. Вскоре стал он таким богатырем, что не было в округе никого, кто смог бы с ним справиться. Когда минуло Момотаро 15 лет во всей Японии не было человека сильнее его. И захотелось Момотаро испытать свою силу. Объявился в их краях купец. Объездил он весь мир, побывал на разных островах и рассказывал много интересного. Рассказал он и про остров Онигасима, что на самом краю земли. Живут там тенгу в неприступном замке, сторожат несметные богатства, что награбили в разных странах. Услышал Момотаро про остров тенгу и решил до него добраться. Приходит Момотаро домой и говорит старику: «Отпусти меня, отец!» «Куда ты собрался?», - испугался старик. «Хочу пойти на Онигасима», - ответил Момотаро, - «тенгу разогнать». «Ну, что ж, ступай! Это дело достойное». Старуха тоже согласилась и добавила: «Дорога будет дальняя, в пути, пожалуй, есть захочется. Я тебе припасов наготовлю». Старик взялся за пест, старуха принесла зерно, и натолокли они риса для лепешек. Удались лепешки

на славу. К тому времени и Момотаро закончил свои сборы. Облачился он в плащ, что носят в походе воины, заткнул за пояс меч и повесил за плечи мешок с лепешками. Потом взял боевой веер с нарисованными персиками и благоговейно поклонился: «Прощайте, отец и мать!». «Задай тенгу хорошенько!», - сказал ему на прощанье старик. «Будь осторожен!», - напутствовала его старуха. «Ну, что вы, не беспокойтесь! Ведь у меня лепешки, каких во всей Японии не сыскать», - ответил Момотаро и весело отправился в путь. А старик и старуха вышли за ворота и долго смотрели ему вслед, пока он не скрылся вдали. Долго ли, коротко шел Момотаро, а пришел к высокой горе. Вдруг из травы выскочила большая собака. Поклонилась ему почтительно и спросила человеческим голосом: «Момотаро-сан, куда путь держишь?».

«Иду в Онигасима». «А что у тебя в мешке?», - поинтересовалась собака. «Лепешки, каких во всей Японии не сыскать», - ответил Момотаро.

«Если дашь мне одну, я буду тебе служить», - предложила собака. «Ладно, вот тебе лепешка!», - согласился Момотаро. Съела собака лепешку и пошла с Момотаро.

Спустились они с горы, прошли немного и очутились в лесу. Вдруг откуда соскочила с дерева обезьяна. Поклонилась ему почтительно и спросила человеческим голосом:

«Момотаро-сан, куда путь держишь?». «Иду в Онигасима». «А что у тебя в мешке?», - поинтересовалась обезьяна. «Лепешки, каких во всей Японии не сыскать», - ответил Момотаро. «Если дашь мне одну, я буду тебе служить», - предложила обезьяна. «Ладно, вот тебе лепешка!», - согласился Момотаро. Съела обезьяна лепешку и пошла с Момотаро. Прошли они лес и вышли в широкое поле. Вдруг перед Момотаро приземлился фазан. Поклонился ему почтительно и спросил человеческим голосом: «Момотаро-сан, куда путь держишь?». «Иду в Онигасима». «А что у тебя в мешке?», - поинтересовался фазан. «Лепешки, каких во всей Японии не сыскать», - ответил Момотаро. «Если дашь мне одну, я буду

тебе служить», - предложил фазан. «Ладно, вот тебе лепешка!», - согласился Момотаро. Склевал фазан лепешку и полетел следом за Момотаро. Долго ли, коротко ли они шли, вышли наконец к берегу моря. Здесь, на счастье, увидели они лодку. Вскочил в нее Момотаро, а за ним его верные слуги. «Я буду грести», - сказала собака и взялась за весла. «Я буду править», - сказала обезьяна и уселась за руль. «Я буду смотреть вперед», - сказал фазан и примостился на носу лодки. Яркое светило солнце, море сверкало как зеркало. Понеслась лодка, точно стрела из лука, точно молния, пронзающая тучи.

Скоро фазан на носу закричал: «Вижу остров!». Захлопал громко крыльями, взмыл в небо и полетел прямо навстречу ветру. Посмотрел Момотаро в ту сторону, куда полетел фазан.

Далеко, где небо с морем сходилось, заметил он что-то темное, вроде облачка. Но чем ближе подплывала лодка, тем яснее видел Момотаро, что это не облако, а мрачный остров: «Вот он, остров Онигасима! Смотрите!». «Банзай!», - дружно закричали в ответ собака и обезьяна. Лодка подплывала к берегу. Вот показался и замок тенгу. Со всех сторон его обступили неприступные скалы. У огромных ворот виднелись часовые. На самой высокой башне сидел фазан и смотрел в их сторону. Момотаро выскочил на берег, а за ним его верные слуги. Увидели тенгу незнакомых пришельцев и скрылись за стенами замка, а ворота крепко заперли. Подбежала собака к воротам, стала скрести лапами и лаять: «Эй, тенгу, открывайте ворота! Пришел к вам Момотаро!». Услышали тенгу, задрожали от страха. Изо всех сил навалились они на ворота и не пускают. Слетел с крыши фазан и давай им клевать глаза. Не выдержали тенгу - разбежались. Тогда обезьяна вскарабкалась на высокую стену и открыла изнутри ворота. С боевым кличем ворвался Момотаро в замок. Навстречу ему выскочили тенгу, размахивая толстыми палицами и испуская страшные вопли. Но только видом страшны были тенгу, а как стал им фазан глаза клевать, а собака за ноги хватать, замета-

лись они, визжа от боли. А когда обезьяна пустила свои когти в дело, взвыли они еще громче, побросали палицы и попрятались кто куда. До конца бился только главный тенгу, но и его Момотаро придавил к земле. Сел верхом он на широкую спину тенгу и сжал ему сильно шею. Перехватило у тенгу дух, из глаз покатались слезы, запросил он пощады: «Пощади мою жизнь! Я тебе все свои богатства отдам!». Отпустил его Момотаро. Открыл главный тенгу кладовые и отдал ему все свои сокровища. А тем сокровищам равных на свете нет. Были тут и плащ и зонт - невидимки, и волшебная колотушка бога счастья, и драгоценный жемчуг, и кораллы, и черепаховые щиты, и много-много другого добра. Сложил все это Момотаро в лодку и с тремя своими слугами поплыл обратно.

Вскоре добрались они до Японии, пристали к берегу, нагрузили драгоценностями целую повозку. Впряглась в нее собака, фазан за веревку сбоку тянет, обезьяна сзади подталкивает – так втроем они и потащили тяжелый воз. А дома старик со старухой ждут не дождутся Момотаро. Настал радостный день, Момотаро вернулся домой. Он гордо шагал впереди, а за ним его верные слуги везли богатую добычу. Увидели его старик со старухой и обрадовались: «Вот это герой!», - восхищался старик, - «нет ему равных!».

«Главное, что живой!», - говорила старуха, - «это дороже всего!». А Момотаро обернулся к своим верным слугам и говорит: «Расскажите, страшно было биться с тенгу?». Но в ответ ему собака радостно залаяла, обезьяна громко засмеялась, а фазан прокричав свое «кен-кен», взлетел вверх и несколько раз перевернулся в воздухе. День был ясным, солнечным, вишни цвели в саду.

(167) William Hurrell Mallock, Уильям Харрель Мэллок (1849-1923) – английский писатель.

(168) Из «Commentaries» Уильяма Блэкстоуна (William Blackstone) (1723-1780), который считался лучшим правоведом в современной ему Англии, член палаты общин, доктор права Оксфордского университета.

(169) Ямато – «великая гармония» - древнее название Японии, при этом записывалось иероглифом «Ва» - гармония.

(170) Matthew Arnold, Мэтью Арнольда (1822-1888) - английский поэт.

(171) Motoori Norinaga, Мотоёри Норианага (1730-1801) - японский филолог и поэт.

(172) Вишня песчаная по классификации английского ботаника Джона Линдли (John Lindley, 1799-1865).

(173) Г. Ле Бон, «Психология народов и масс», (The Psychology of Peoples), 1895, с. 33. Gustave Le Bon, Гюстав Ле Бон (1841-1931) - французский философ, психолог. Рассматривал народные массы как иррациональную разрушительную силу, подавляющую индивидуальность человека. Отвергал идею социального равенства и социализм.

(174) Theodor Waitz, Теодор Вайц (1821-1864) - немецкий психолог и антрополог, профессор Марбургского университета. В сочинениях: «Grundlegung der Psychologie» и

«Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft» сделал попытку основать психологию на естественнонаучных и антропологических началах, указывая на несостоятельность идеалистических систем Фихте, Шеллинга и Гегеля и на необходимость вернуться к Канту.

(175) Эмерсон жил в городе Конкорд (Concord) и являлся лидером конкордской школы философии.

(176) Jean-Jacques Emile Cheysson, Жан-Жак Эмиль Шейссон (1836-1910) - французский инженер и экономист.

(177) Yoshida Sho:in (Toraziro), Ёсида Сёин (Торадзиро) (1830-1859) - ученый, писатель, поэт, мастер боевых искусств. Деятель эпохи Бакумацу (период после открытия Японии в 1854 и до реставрации Мэйдзи в 1868 году). Ёсида Сёин из клана Тёсю. Вскоре после подписания Японией договора, 24-летний Ёсида Сёин явился к командующему американской эскадрой коммодору Перри с просьбой взять его в Штаты, но Перри отказал. Попытка нелегально покинуть страну по японским законам каралась смертью. Поэтому, получив от-

каз, Ёсида Сёин сдался властям. Его посадили, но через несколько месяцев выпустили, сочтя, что его проступок был вызван «временной потерей рассудка». Выйдя на свободу, Сёин открыл в родном городе Хаги школу «Сёка Сондзаку» (Под сенью сосен), в которой проповедовались идеи «Сонно-Дзэи» (восстановления императорской власти).

Чтобы не разделить участь Китая, Япония должна была как можно быстрее модернизироваться. Сделать это только с помощью самураев не удастся, поскольку их слишком мало, поэтому следует привлекать людей из всех сословий, то есть - отметить сословную систему. В октябре 1858 году Бакуфу оно издало указ о выдворении иностранцев из страны. В 1959 году началась смута. Министр Ии Наосукэ, фактический правитель страны, начал волну репрессий против самураев - сторонников императора, которая продолжалась до конца следующего года. В Киото и Эдо начались аресты. Был обезглавлен Хасимото Санай (известный сторонник «открытия» государства). С трудом избежал ареста и вместе со своим другом, буддийским священником Гэссё бежал в родные края Сайго Такамори - правая рука Симадзу Нариакира. У ворот тюрьмы была выставлена голова казненного Угаи Кокити - доверенного лица и посланника Нариаки из Мито. Агенты Бакуфу вели слежку за всеми. Общее количество самураев, обезглавленных в Эдо, казненных в других местах и сосланных на далекие острова, просто не поддавалось исчислению. Ёсида Сёин призвал к восстанию, в котором приняло участие большая часть его учеников: Ито Хирубуми – будущий первый премьер-министр и создатель первой конституции Японии, Ямагата Аритомо – создатель современной армии, Кидо Коин и Такацуги Синсяку - люди, которые в паре с Сайго Такамори и Окубо Тосимиси из Сацума победили в гражданской войне. Но Ёсида Сёин был выслежен, арестован и доставлен в столицу. 21 ноября 1859 года его казнили.

(178) Arthur Ransome, Артур Рэнсом (1884-1967) – английский публицист и писатель.

(179) Robert Elliott Speer, Роберт Эллиот Спийр (1867–1947) – американский миссионер.

(180) James Samuel Dennis, Джеймс Самуэль Дэннис (1856–1917) – шотландский миссионер.

(181) Sakuma (Zozan) Shozan, Сакума (Дзёдзан) Тёдзан (1811-1864) – настоящее имя Сакума Кунитада (Sakuma Kunitada) - один из первых сторонников модернизации Японии. Специалист военно-морского дела и береговой охраны. Предлагал открыть порты для иностранной торговли. За свои идеи в период Бакумацу 8 лет сидел в тюрьме. Сакума Тёдзан был зарублен среди бела дня хитокири (наемный убийца) по имени Каваками Генсай (Kawakami Gensai), который, по мнению некоторых, был нанят одной из радикальных групп противников «открытия» Японии.

(182) Okubo Toshimichi, Окубо Тосимити (1830–1878) - один из лидеров реставрации Мэйдзи. Соратник Сайго Такамори из клана Сакума. Окубо был одним из авторов идеи реформы сёгуната, названной «Кобу гаттай» (единение императорского двора и сёгуната) и ставшей своеобразной программой примирения военного правительства и императорской власти, находившихся тогда в состоянии открытой конфронтации. «Кобу гаттай» была гораздо менее тенденциозна и экстремальна, чем программа «Сонно дзёи», предусматривавшая помимо реставрации императорской власти еще и полное изгнание из Японии иностранцев и расторжение заключенных с ними договоров. Несмотря на то, что Окубо погиб в самом начале реформ периода Мэйдзи, многими своими последующими шагами по развитию политической системы, экономики и административного устройства японское общество конца 19 - начала 20 века обязано именно ему.

(183) Kido Takayoshi (Koin) Кидо Такаёси (Коин) (1833–1877) - государственный деятель периода Мэйдзи. Активный сторонник императорского правления. Кидо, Сайго Такамори и Окубо Тосимити - три героя реставрации Мэйдзи. В 1868 году Кидо вошел в состав правительства. Он готовил один из

основополагающих документов новой эпохи - текст клятвы императора от 6 апреля 1868 года. Кидо активно занимался укреплением центральной власти. С его именем связана важнейшая реформа административно- территориального деления 1871 года - преобразование провинций и княжеств в префектуры. Он отстаивал в правительстве идею организации армии на основе всеобщей воинской повинности, а Сайго Такамори и Окубо Тосимити были сторонниками формирования армии из самураев при соблюдении принципа наследования военной профессии. В 1871-1873 годах находился с миссией в США и Европе, после возвращения Кидо представил подробное изложение идеи конституционного строя в Японии. Во время кризиса в октябре 1873 года, когда часть правительства выступила за немедленное вторжение в Корею, с тем чтобы молниеносная и, конечно же, победоносная военная экспедиция отвлекла самураев от внутренних проблем, Кидо считал необходимым в первую очередь разрешить внутренние проблемы, и эта линия в правительстве победила. В последние годы жизни Кидо отвечал за образование молодого императора Мэйдзи.

(184) Ito Hirobumi, Ито Хиробуми (1841–1909) - первый премьер-министр Японии. Принимал активное участие в реставрации Мэйдзи. В 1868 году был назначен наряду с другими лидерами реставрации Мэйдзи в состав первого правительства советником по иностранным делам. В 1882 году участвовал в создании конституционной императорской партии, призванной противостоять росту влияния независимых политических организаций. В 1885 году по предложению Ито была проведена реорганизация государственного аппарата по образцу германского правительства Бисмарка. Ито был первым премьер-министром Японии, одновременно являясь министром императорского двора и председателем конституционной комиссии. В 1888 году Ито отказался от должности премьер-министра и стал главой Тайного совета. В 1892 году Ито стал членом «Гэнро» -влиятельной группы

пожизненных советников императора. Затем он вновь стал премьер-министром с 1892 по 1896 годы. В 1898 году Ито стал в третий раз премьер-министром. В 1900 году Ито в четвертый раз стал премьер-министром. Он был идеологом японского милитаризма, активным разработчиком плана оккупации Кореи и ее первым генерал-губернатором (1906). В 1909 году был убит в Харбине корейским националистом.

(185) Okuma Shigenobu, Окума Сигэнобу (1838–1922) - политический деятель эпохи Мэйдзи. В 1882 году создал одну из первых партий Японии - партию конституционных реформ. В 1898 году вместе с Итагаки Тайсукэ сформировал первое партийное правительство Японии. Премьер-министр с 1914 по 1916 годы. Основал университет Васеда (1882) - ныне крупнейший частный университет Японии.

(186) Itagaki Taisuke, Итагаки Тайсукэ (1837–1919) - политический и государственный деятель. В 1868 году вместе с Сайго Такамори принимал активное участие в реставрации императорской власти. Участвовал в гражданской войне против сторонников сёгуната.

Входил в 1968 году наряду с другими политическими лидерами Мэйдзи в состав первого правительства. Разработал ключевые реформы - отмену княжеских владений и создание префектур. В 1873 году подал в отставку и вместе с Гото Сёдзиро и Создзима Танэоми создал политическую организацию - Общество патриотов. В 1874 году они подали в правительство предложения о необходимости создания избираемого народом парламента Национальной ассамблеи. В 1875 году Итагаки на короткий период возвратился в правительство и вновь покинул его из-за невозможности реализовать свои идеи парламентаризма. Находясь в оппозиции, в октябре 1881 года вместе с единомышленниками организовал первую в Японии либеральную партию, которая сразу же подверглась преследованию властей. На Итагаки было совершено покушение. В октябре 1884 года, испугавшись радикальных действий членов партии в префектурах по поддержке крестьянских выступлений, руководство партии объявило о самороспуске.

Деятельность партии была восстановлена после первых паламентских выборов в 1890 году Итагаки постоянно участвовал в парламентских баталиях в качестве одного из лидеров оппозиции. Итагаки принял в 1896 году предложение Ито Хиробуми и стал в его кабинете министром внутренних дел. В 1898 году лидеры политических партий Итагаки и Окума Сигэнобу договорились об объединении в новую конституционную партию. 30 июня 1898 года на ее основе был сформирован первый в Японии так называемый партийный кабинет, в котором Итагаки стал министром внутренних дел. После кратковременного сотрудничества партий произошел раскол. На этом политическая деятельность Итагаки Тайсукэ закончилась, оставшуюся часть своей жизни он провел, занимаясь литературным творчеством.

(187) Hudson Henry Norman, Хадсон Генри Норман (1858-1939) – американский публицист.

(188) Китайско-японская война 1894-1895 годов. Для Японии Корея была ближайшим экономическим рынком. Китай же издавна смотрел на Корею, как на вассала, и не желал поступаться своими правами сюзерена. Впрочем, сюзереном Кореи могла себя считать до некоторой степени и Япония. Корейское правительство при вступлении нового сёгуна издавна посылало поздравления и подарки. Но в 1872 году оно вместо подарков отправило японскому правительству письмо с насмешками над раболепством японцев перед иностранцами. Это письмо едва не стоило им войны, но Ивакура и другие члены японской делегации, посетившей Европу и США, по возвращении убедили правительство в том, что Япония не готова к войне. В 1875 корейцы без оснований обстреляли японский корабль, который в ответ обстрелял корейскую деревню.

Корея извинилась и подписала договор, по которому Япония получила право иметь в Корее свое посольство и основывать фактории.

Еще до объявления Японией войны Китаю, когда он отказался вывести свои войска из Кореи, произошел инцидент. Корейская стража отказалась пропустить во дворец японскую стражу корейского императора, поэтому японцы взяли дворец штурмом. Было убито 17 корейцев и 1 японец. После этого корейский император был вынужден поручить японцам устранить из Кореи китайские войска. Через несколько дней после этого японские корабли потопили близ Чемульпо английское судно с 1200 китайскими солдатами. Через 3 дня после этого была объявлена война Китаю, что стало для него неожиданностью. Японцы поразили Европу своей тщательно спланированной стратегией войны и ее исполнением, с большой отвагой и искусством. За 6 недель в Корею высадилась 40000 хорошо вооруженная японская армия генерала Ямагата. У китайцев было 15000 плохо вооруженных (иногда только холодным оружием, в том числе луками) и слабо подготовленных солдат. Не дожидаясь подкреплений, генерал Нодзу с 16000 отрядом захватил Пень-Ньянские укрепления, в котором китайские потери составили 5000 человек, японские – 633. Китайцам удалось пробиться на север благодаря хитрости. Они предложили переговоры о сдаче и стали их затягивать.

Затем произошло морское сражение близ устья реки Ялу. Китайская эскадра имела перевес над японской, но военноморское искусство японцев оказалось несколько лучше. Китайцы потеряли 5 судов, японцы – 4. После этого японцы установили контроль над Желтым морем и могли высаживать десант на корейское побережье где было необходимо.

Из Пхеньяна генерал Ямагата с 28000 солдат выдвинулся на север и близ Тюрэнчена захватил китайские укрепления, взяв множество оружия и пленных. После этого Ямагата передал командование армией генералу Нодзу, который двинулся на Мукден и Дагушан. В то же время, вторая японская армия генерала Ояма высадилась на востоке Ляодунского полуострова и двинулась к Порт-Артуру и захватила его в тече-

ние суток. Потери китайцев составили 5000 человек, японцев - 500. Первая японская армия (Нодзу) вступила в бой у города Хайчен с 11000 с китайской армией генерала Суна, занимавшего хорошо укрепленную позицию, не допускавшую обхода - обычного тактического приема японцев. Японцы захватили китайские позиции с четвертой атаки. Китайцы отступили, а непогода помешала японцам их преследовать. К генералу Суну подошли подкрепления и в его распоряжении стало 34000 солдат (вдвое больше, чем у Нодзу). Но Сун не сумел воспользоваться преимуществом и японцы взяли Гайчжоу. Только глубокий снег помешал Нодзу довершить победу. В Гайчжоу обе японские армии соединились. К этому моменту потери японцев в боях не превышали 2400 солдат, но физические страдания и болезни, свирепствовавшие в их армии, унесли жизни еще 18000 человек, что давало китайцам некоторую надежду на успех.

Но этого не произошло. В январе 1895 в Корее высадилась третья японская армия и окружила порт Вейхайвей, блокировав в нем остатки китайской эскадры, уцелевшей в бою у реки Ялу. Китайский адмирал Тинг предложил сдать порт с кораблями, если японцы отпустят их экипажи. Японские адмирал Ито и генерал Ояма согласились. Китайские генералы Тинг и Тай с честью покончили с собой, их примеру последовали несколько офицеров.

После этого, рассеяв армию генерала Суна, первая японская армия взяла штурмом Ньючжуан. После этого японские войска двинулись на Пекин, но морозы и снега мешали их продвижению. Китай несколько раз пытался начать мирные переговоры. Но понимая, что китайцы пытаются затянуть время, японцы долгое время отказывались от них.

Наконец, после захвата японцами Пескадорских островов, в Симоносеки был подписан мирный договор, по которому Китай: 1) признал независимость Кореи; 2) уступал Японии Формозу (Окинавские острова), Пескадорские острова, Ляодунский полуостров с Порт-Артуром; 3) в течение 7 лет вы-

плачивал контрибуцию; 4) открывал для японской торговли свои порты; 5) предоставлял Японии право преимущественной торговли с Китаем; 6) отдавал Японии порт Вейхайвей в залог уплаты контрибуции. Россия, Франция и Германия заявили протест против этого договора, поскольку обладание Японией Ляодунским полуостровом «является постоянной угрозой Китаю, нарушает независимость Кореи и препятствует установлению мира в этом регионе», поэтому Япония была вынуждена отказаться от Ляодунского полуострова, за что контрибуция Китая была увеличена. Окинава и Пескадорские острова остались за Японией, но первую нужно было еще завоевать. Окинавцы встретили японцев враждебно, поэтому только к концу 1895 года Япония завладела островами, жестоко подавив сопротивление местного населения.

(189) Палимпсест - написанный на месте прежнего текст или картина.

(190) Benjamin Jowett, Бенджамин Джоветт (1817-1893) – английский теолог, автор «Интерпретации Библии» (1860) и других работ, вызвавших ожесточенные споры в кругах английских теологов.

(191) Jean-Baptiste de La Curne de Sainte-Palaye, Жан-Батист де Ля Кюрн де Сент-Пале (1697-1781) - французский филолог, археолог. Кроме обширного собрания материалов по истории французского языка, хранящихся в рукописях в национальной французской библиотеке, и множества мемуаров в записках Академии надписей, составил «*Me moires sur l'ancienne chevalerie*».

(192) Jeremy Bentham, Джереми Бентам (1748-1832) - английский философ, экономист и теоретик права, основатель утилитаризма. Бентам основывался на том, что благо – это достижение наиболее возможного счастья для наиболее возможного количества людей. Для Бентама «удовольствие» и «счастье» означали одно и то же и имели широкий смысл: интеллектуальные, социальные, моральные и альтруистические удовольствия, а также физические удовольствия. Бен-

там был убежден, что можно выработать коэффициенты, по которым будет определяться, какого рода поступок является наилучшим при тех или иных обстоятельствах (так называемое «исчисление счастья»). И тогда становится ясной цель законодательства: увеличить количество счастья всех людей. Наказание же за зло следует применять только, если оно препятствует появлению еще большего зла. Наряду с этим Бентам развивал концепцию психологического гедонизма – это достижение наиболее возможного счастья для одного человека. Видимое противоречие между этими двумя учениями устранялось с помощью постулирования семи или более «санкций» – причин, по которым человек поступает, ориентируясь на общее благо. Закон необходим для того, чтобы манипулировать этими санкциями с помощью вознаграждений и наказаний. Чтобы система работала эффективно, законы должны быть известны и понятны обществу.

Главные усилия Бентам направил на создание кодексов, сводов законов – простых, непротиворечивых и доступных для понимания. Его кодексы были полностью или частично использованы в законодательствах Франции, Германии, Греции, Испании, Португалии, Индии, Австралии, Канады, других стран Европы и Южной Америки, а также нескольких американских штатов. Бентам понимал, что для того, чтобы демократия была действенной, а индивидуальные усилия приносили результаты в сфере личной и общественной жизни, следует обеспечить широкий доступ к образованию и информации. Бентам принимал участие в совершенствовании системы школьного образования, а также сделал многое в сфере государственной службы, процедур принятия правительственных решений, совершенствования судопроизводства, кроме того он принял участие в учреждении института полиции. John Stuart Mill, Джон Стюарт Милль (1806-1873) – самый известный последователь Бентама.

(193) Политика флибустьерства - радикализм и экстремизм в самых различных формах. В наше время наиболее яр-

ким примером политики флибустьерства является исламский фундаментализм, выражающийся в ненависти ко всем ценностям современной технологической цивилизации.

(194) Henri II Valois, Генрих II, Валуа (1519-1559) - французский король. Был яростным противником гугенотов (протестантов), для суда над которыми учредил в 1547 году «Огненную палату». Тем не менее, в союзе с немецкими протестантскими князьями вел борьбу с Карлом V Габсбургом. В 1558 году он отвоевал у англичан порт Кале, а в 1559 году подписал Като- Камбрезийский мир, завершивший итальянские войны 1494-1559 годов. Генрих II был смертельно ранен на рыцарском турнире, который проводился на площади Вогезов в Париже. По сигналу трубы оба конных рыцаря, выставив копья и прикрываясь щитами, скачут навстречу друг другу. Соперником Генриха был капитан шотландских стрелков, граф Монтгомери. Поединок закончился едва начавшись. Щепа от сломанного копья Монтгомери угодила в смотровую щель золоченого шлема Генриха и глубоко вонзилась ему в правую глазницу. Однако король не утратил мужества и даровал прощение графу. Но через несколько дней от полученной травмы Генрих скончался. После этого случая рыцарские турниры были прекращены.

(195) Фраза Эдмунда Бёрка (см. прим. 46) - «Размышления о французской революции», «Reflections on the Revolution in France», т. III. с. 331.

(196) Японская винтовка системы Мурата (Shuyo Murata). В 1887 году в Японии приняли на вооружение восьмизарядную винтовку системы Мурата вместо однозарядной винтовки Мурата образца 1875 года. При конструировании этой винтовки были взяты за образец лучшие винтовки того времени - Маузера (Германия) и Кропачек (Австрия). Были произведены изменения и усовершенствования некоторых деталей конструкции. Эта винтовка во многих деталях (затвор, курок, спуск, прицел, штык и т.д.) превосходила винтовку Лебеля (Франция). Длина винтовки - 1205 мм, вес - 4050 грамм.

Штык имел тесачный клинок и носился отдельно. Японцы настолько быстро усовершенствовали винтовки, что уже через 10 лет, в 1897 году они приняли на вооружение новую винтовку - Арисака.

(197) Митральеза (франц. mitrailleuse, от mitraille — картечь) – праобраз станкового пулемета. В 1861 году француз Вержер де Реффи создал митральезу, состоявшую из 25 неподвижных стволов калибром 13 мм. Перед стрельбой к их казенной части прикладывался металлический диск или пластина с 25 патронами. Канонир поворотом рукоятки производил залп или выстрелы очередями, после чего пустая обойма заменялась на новую.

(198) Пятизарядная винтовка системы Маузер образца 1888 года. Длина винтовки - 1240 мм, вес - 3800 грамм. Штык имел тесачный клинок длиной 250 мм. Винтовка Маузер более скорострельна, чем винтовки Лебель, Кропачек и Мура-та. Винтовка Маузера лишь незначительно уступала в скорострельности австрийской винтовке Манлихера, но зато имела более легкий вес, совершенный патрон, компактный магазин, усовершенствованную обойму и спусковой механизм.

(199) Винтовки системы Ремингтона образца 1867 года были однозарядными.

(200) Мессия (ивритская транскрипция - Машиах) - означает «помазанник». Первоначальное значение этого слова связано с обрядом, при котором пришедшего к власти царя «помазывали» на царство благовониями, настоящими на оливковом масле и(елее).

– Ницше различал два типа морали – «мораль господ» и «мораль рабов». Для морали господ характерна высокая степень самоуважения, возвышенное, гордое состояние души, ради которого можно пожертвовать и богатством, и самой жизнью. Мораль рабов, напротив, есть мораль полезности. Малодушный, мелочный, унижающийся человек, с покорностью выносящий дурное обхождение ради своей выгоды, на какой бы высокой ступени социальной лестницы он ни на-

ходил. Рабская мораль жаждет мелкого счастья и наслаждения. Строгость и беспощадность по отношению к самому себе - основа морали господ. Лживо интерпретированная идеологами фашизма она оставила кровавый след в истории. Но обвинять в этом Ницше по меньшей мере несправедливо. Его «сверхчеловек» это результат духовного совершенствования человека. Это - гуманист, художник, интеллигент.

(201) Стоицизм - от греч. - stoa – «портик», галерея с колоннами, под которой находилась школа, в которой учил древнегреческий философ Зенон (Zeno) - основатель стоицизма. Центральным понятием стоицизма является - Добродетель. Как и все в этом мире, человеческая жизнь рассматривается как часть единой природы. В этом смысле каждая жизнь находится в гармонии с природой, она такова, какой ее сделали законы природы. Жить согласно природе – основное назначение человека. Только такую жизнь, направленную к целям, являющимся также и природными целями, можно назвать добродетельной. Добродетель - это и есть Воля. Находящаяся в согласии с природой добродетель становится единственным человеческим благом, а так как она всецело заключается в воле, все действительно хорошее или плохое в человеческой жизни зависит исключительно от самого человека, который может быть добродетельным при любых условиях: в бедности, в темнице, будучи приговоренным к смерти и т.д. Более того, человек станет свободным, если сможет освободиться от мирских желаний.

Этическим идеалом стоиков является мудрец как истинный хозяин своей судьбы, достигший полной добродетели и безстрастия, ибо никакая внешняя сила не способна лишить его добродетели в силу от каких-либо внешних обстоятельств. Он действует в гармонии с природой, добровольно следуя судьбе.

(202) Последние строки из поэмы «Занесенные снегом» (Snow-Bound, 1866) Джона Гринлифа Уиттера (John Greenleaf Whittier, 1807-1892) - поэта эпохи американского романтизма

ма. Примкнув к движению аболиционистов, он был одним из лидеров антирабовладельческого движения. В своей лучшей поэме «Занесенные снегом» Уиттер создает яркие, запоминающиеся образы членов своей семьи и друзей - таких, какими он помнил их с детства, уютно собравшихся вокруг пылающего камина во время одной из самой свирепой пурги в Новой Англии. Эта религиозная, очень личная и патриотическая поэма была написана после долгих и ужасных дней гражданской войны. Это плач и по погибшим, и молитва в благодарность за спасение. В ней утверждается мысль о бессмертии души, о любви, над которой не властно время. В ней воспевается красота природы, которая не увядает вопреки яростным политическим бурям.

(203) Thomas Woodrow Wilson, Томас Вудро Вильсон (1856-1924) - 28-ой президент США (1913-1921). До своего президентства был академиком и президентом Принстонского университета, а также губернатором штата Нью-Джерси (1911-1913). В истории США он стал вторым человеком от демократической партии, который занимал пост в Белом доме два срока подряд.

ФАШИЗМ В ЯПОНИИ

Фашистское движение в Японии ещё молодо. Всего лишь семь месяцев как оно получило формальную организацию. На первый взгляд рост фашистского движения может показаться неожиданным в стране, отличающейся и без того таким мощным и прямо таки баснословным могуществом национального чувства во всех народных слоях. Фашисты хорошо знают, что японская привязанность к своему племени и к трону монарха покоится на основе религиозной и философской. Вот почему пропаганда их основана на идее национального пробуждения, т.е. на возрождении тех ценностей, которые находят они до некоторой степени искажёнными. Агитация их направлена против структуры правительства, против общих социальных и политических условий. Социальные отношения в Японии в самом деле оставляют желать лучшего. Пропасть и антагонизм между богатыми и бедными здесь может быть более очевидны, чем в странах Западной Европы. Японская рабочая масса трудится в условиях, давно уже не существующих в европейских странах. Причиной этого является, по мнению идеологов нового поколения, слишком большая быстрота, с которой Япония ассимилировала политическую и экономическую структуру западных стран. Они говорят об “азиатской миссии” японской нации, они желают освободить национальную культуру от влияния западной цивилизации. Движение завоевывает симпатии в народных массах, тем более, что оно даёт ряд совершенно конкретных обещаний. Пропаганда его ведётся искусно и решительно. Когда слышишь речи Адачи, являющегося главой движения, то ясно отдаёшь себе отчёт в могучем действии его пропаганды, которой трудно противопоставить беспомощную болтовню других партийных вождей. Решающую роль в судьбах японского фашизма сыграет та поддержка, которую может ему дать военная сила, являющаяся весьма реальной силой в

стране. Молодые поколения офицеров, возглавляемые генералом Араки, имеют свою особую программу. Но во многих пунктах программа эта находится в согласии с японским фашистским движением.

**Источник: Возрождение, Paris, 10 июня 1933-ого года,
№ 2930, стр. 2**

ПУТЬ САМУРАЯ

Фигура самурая (представителя японского знатного военного сословия) хорошо известна на Западе. Недавно, самоубийство Юкио Мисимы, которое он осуществил для призыва своего народа возвратиться к древним традициям и национальной гордости, ознаменовало новый всплеск интереса к самураям. Немного известно о внутренних традициях самураев. Это можно объяснить тем фактом, что японцы довольно неохотно сообщают о своей духовной жизни. Они считают, что такие вопросы являются проявлением недостатка тактичности и воспитанности. Японцы остаются экспертами в искусстве избегать этой темы и делают они это с незаурядной вежливостью. Ползучая модернизация и даже американизация Японии лишь пагубно повлияла на понимание этих традиций.

Здесь я хотел бы сделать несколько замечаний относительно религии и образа жизни самураев. Наиболее полное академическое исследование на эту тему – книга Каитена Нукарии, что имеет название Религия самураев (London/Tokio, 1913). Японская официальная религия – это синтоизм, термин, который составляется из shin (дух) и do (путь или доктрина). Синтоизм таким образом означает «Доктрина или путь Богов». Его основой является вера в божественное происхождение и миссию Японии и её народа. Считается, что японская традиция произошла «с неба». Говорят, это полностью правдиво относительно японской императорской династии, которая имеет божественную роль [1], поскольку она непосредственно связана с божеством солнца, Аматерасу-Оомиками. Учитывая эти обстоятельства, верность Императору и нации считается религиозным актом: страна и династия стали конкретными ориентирами каждого трансцендентного поступка,

каждого отдельного импульса ради того, что лежит за пределами простого смертного и конечного существования.

Термин *matsurigoto* означает как правительство, а именно земную власть, так и культ, а именно практику религиозных отношений. По определению, каждое преступление и безчестное действие, содеянные в Японии, приобретали значение святотатства. Таким образом, преступление выходит за пределы юридического и социального измерений, приобретая религиозное значение.

В Японии верность и преданность не были качествами ограниченными лишь элитой войска или аристократии, а были распространены на уважение к родителям; солидарность между родственниками или друзьями; практику добродетельности; уважение к законам; гармонию в супругах в контексте правильной иерархии взаимоотношений между полами; производительность в экономическом секторе; работу и обучение; выработку своего характера; сбережение крови и расы. Всё сводится к «верности» и, в конце концов, к верности императорской семье. В этом контексте любое антисоциальное, аморальное, преступное или девиантное поведение не является нарушением абстрактного правила или более или менее значительного или общепринятого социального «закона»; это скорее олицетворяет измену, неверность или позор, сопоставимый с тем, что испытывал воин, который дезертировал, или не выполнил своих обязанностей перед командованием. Не существует «виновных лиц», а есть «предатели» или люди без чести; отсюда и значение известного восточного выражения «потерять лицо», что воспринимается как невыносимый опыт.

Это касается общей атмосферы в традиционной Японии. Теперь я рассмотрю доктрину, которая конкретно была внутренней душой всей варны самураев, знатной феодально-воинской аристократии; я обращаюсь к дзен-шу, или проще говоря, дзен. Формирующая сила такой доктрины является общепризнанной.

Истоки дзен выходят из буддизма. Буддизм стал делиться на школы так называемой «Малой колесницы» (Хинаяна) и «Большой колесницы» (Махаяна). Первая имела более эмпирический и аскетический характер; вторая – более метафизический уклон. Дзен можно рассматривать как особое проявление Махаяны. Он возник в северных районах Индии, а позднее попал сначала в Китай, а потом в Японию, где он крепко укоренился с 1190 года н.э. С того времени дзен не перестаёт влиять на японскую душу в общем, а особенно – на слой воинов. Такое влияние усилилось во время русско-японской войны. Оно возросло настолько, что ещё несколько лет тому назад трудно было бы найти человека благородного происхождения, который не был бы под влиянием взглядов дзен. Также хорошо известно, что аскетическая подготовка, плотно пронизанная взглядами дзен, полагалась естественной подготовкой для тех, кто хочет стать офицером Императорской армии.

Вспомнивши о связи дзен и буддизма, кто-то может прийти в смущение, поскольку на Западе буддизм полагают синонимом отчуждения от жизни. На Западе люди также считают, что буддийская нирвана – это наивысший образ уклониться или убежать от мира, который ассоциируется в буддизме со страданием, и спрятаться в какой-то безформенной трансцендентности. Нет необходимости на этом этапе подробно описывать суть буддизма. Довольно будет лишь сказать, что ранний буддизм, отбрасывая абстрактные спекуляции и ритуализм, которыми оперировала варна индуистских брахманов, сосредоточивался просто на вопросе «освобождения». Истина, которая была известна ещё в древнем римском мире через слова Саллюстия: «omnia orta occidunt et aucta senescunt» («любая вещь движется к падению, или усиливается, чтобы разрушиться» - Пер.), является отправной точкой оригинальной буддийской доктрины. Согласно этой истине, миром правит впечатлительность и непостоянство. Однако можно убежать из этого мира и принять участие в высшем

существовании, которое находится вне жизни и смерти. Будда всегда избегал разговоров и «философствования». Он обозначил это высшее существование термином нирвана, что не является положительным описанием, а скорее апофатичным выражением. Термин нирвана означает *conditio sine qua non* – для достижения конкретного состояния нужно уничтожить привязанность, жажду, желание и нетерпимость, которые предопределяют человеческое «беспокойство». Слово *vana* охватывает все эти значения, тогда как префикс *nir* обозначает отсутствие этого условия. Таким образом, сказать, что это условие отсутствующее, не означает, что человек растворился в «ничто». Это ошибочная мысль, характерная для людей, которые привыкли отождествлять жизнь с этими качествами, которые напротив те, кто знает и владеет высшим пониманием, считают лихорадкой и одержимостью.

Доктрина дзен по сути снова берёт эту ориентацию и применяет её в надлежащем контексте. Дзен не побуждает к спекуляции вокруг священных писаний или канонических текстов. Этим объясняется его краткий и чрезвычайно лаконичный стиль. Согласно известному выражению, каждая теория верна лишь в той мере, в какой она указывает на путь, которым надо идти, опираясь лишь на собственные силы. Самодисциплина, почти в аскетическом, но активном аспекте (хотя и не самоубийственная), представляет собой основной элемент дзен, который был признан особенно привлекательным самураями. Эта самодисциплина, однако, очень тонкая и преимущественно направленная вглубь. В этой дисциплине можно выделить такие степени.

Во-первых, нужно овладеть внешними объектами, а именно впечатлениями и стимулами, которые вытекают из них, и заменить пассивное отношение к ним – активным, динамическим отношением. Ученику предлагают осознать: каждый раз, когда желание влечёт его к чему-то, он не руководит внешним объектом, а наоборот, объект контролирует его. «Тот, кто любит алкоголь, обманывает себя, думая, что он

пьёт алкоголь; правда в том, что алкоголь пьёт его». Итак, цель заключается в том, чтобы отстраниться, найти в себе единственного Учителя. Западная этика стоиков не различается от этого. Однако, дзен прибавляет к сему отстранённое отношение, – это учения Махаяны об «пустоте», согласно которой все внешние проявления с метафизической точки зрения (с точки зрения вечности) являются ничем иным, как иллюзорными проекциями. Этим проявлениям предоставляется видимость реальности и могущества лишь через наши собственные страсти.

На втором этапе нужно овладеть телом и утвердить власть над своим физическим организмом. Было сказано: «Представьте своё собственное тело как что-то другое, чем вы сами. Если оно плачет, немедленно замолкните, как это делает суровая мать со своим ребёнком. Если оно капризное, руководите им так, как всадник руководит своим конём через уздечку. Если оно больное, дайте ему лекарство, так же, как врач делает с пациентом. Если оно не слушается вас, подвергните наказанию его, как учитель ученика». Это должно стать дисциплиной, затвержденной привычкой, а не оставаться просто теорией. Это должно стать практикой. Довольно часто на этом уровне духовные упражнения дополняются военной подготовкой. В давние времена существовали «соревнования решительности», которые определяли, кто из учеников знает, как дольше выдержать самую ожесточенную жару летом и наиболее суровый ледяной холод зимой.

Вообще для дзен характерно рассматривать разные «боевые искусства» вместе с другими искусствами как определённые аспекты духовности и даже неотъемлемую часть инициации. Дзен даже рассматривает мастерство овладения искусством как внешний признак соответствующей внутренней реализации.

Третий этап состоит в контроле над страстями и эмоциями и в достижении внутреннего равновесия. Нужно осознать иррациональность и бесполезность всех страхов, ожиданий и

волнений, и наконец – «взять сердце под контроль». По этому поводу есть интересная история о О-Йо-Мея, главнокомандующего армии, который упорно боролся против попыток узурпации. Во время военной кампании он не пренебрегал практиковать дзен в собственной штаб-квартире. Когда ему сообщили, что его солдаты разгромлены, его штаб впал в панику, то О-Йо-Мей не огорчился, а дал несколько коротких приказаний. Чуть позже поступила весть, что в дальнейшем развитии битвы добыта победа. О-Йо-Мей оставался спокойным, как и раньше, не перерывая своей практики дзена. Нужно подчеркнуть, что дзен не содействует жёсткой безчувственности, а скорее старается отстранить любое ненужное чувство и напрасные страдания. Другой пример показывают камикадзе, пилоты, которые принимали участие в самоубийственных миссиях во время Второй мировой войны. Эти люди, почти все из которых практиковали дзен, были способны исполнять свои обязанности и даже развлекаться, зная, что в любой момент им могли поручить миссию без надежды на возвращение.

Четвёртый этап предусматривает «отбрасывание Эго». Нужно не только перестать ощущать себя «важным», но и перестать верить в реальность индивидуального существования человека. Привязанность к Эго – это сложнейшая связь, которую надо разомкнуть; только тогда можно достичь порога «просветлённого сознания», что является синонимом состояния наиндивидуальности и активной безличности. На самом деле это высшее измерение, которое в определённом смысле также можно охарактеризовать как «созерцание», не ассоциируется с замкнутым и уединённым житием, а лучше понимается как состояние сознания, которое должно быть постоянным и затем пронизывать всякий опыт или деятельность. Существует выражение:

«Не быть привязанным ни к какой вещи – это созерцание; если ты это понимаешь, ты никогда не перестанешь созерцать, даже когда идёшь, стоишь, сидишь или лежишь».

С другой точки зрения, различают пять степеней дисциплины, так называемых Ко-kun-go-i, а именно «пять степеней достоинства». Первая степень – это «уровень отвращения», который отвечает последователю, который обращается к дисциплине – от внешнего к внутреннему міру, **убегая от господства первого**. Используется особая аллегория: это высшее Я, к которому стремится человек, представленное как суверен, которому служит субъект. Второй – это «уровень службы», что характеризуется верностью этому внутреннему Учителю и постоянным «служением», что проявляется как послушание, благосклонность, страх навредить, так же, как это можно ожидать от личного слуги короля. Дальше идёт «уровень доблести», что должно проявляться в борьбе, разгроме и покорении повстанческой армии страстей и инстинктов, которая возсталла против своего короля. На этом уровне последователь продвигается от личного слуги к генералу. Четвёртый уровень – это «уровень сотрудничества». Субъект не просто борется и «защищает Центр», но пополняет ряды тех, кто консультирует «суверена» по вопросам государственных дел и социального порядка. Последний уровень называется «уровнем сверхдостоинства» (Ко-ко), и это чертоги самого суверена, с которым человек идентифицирует себя. На этом уровне все действия завершаются, а духовный суверенитет и состояние сознания, которое характеризуется высшей свободой, наконец реализуются.

Символическая или аллегорическая репрезентация разных стадий духовной дисциплины, как это практикуется в дзен, является очень важной, поскольку она может выступать как связующее между внутренними владениями и внешним міром; другими словами, это показывает, как дзен удалось интегрировать с официальной синтоистской религией Японии, которая, как я уже сказал, имеет краугольным камнем культ Императора. Можно сказать, что самурай проектировал на императора свой собственный духовный идеал; в императоре самурай увидел символического «суверена», которого я

только что описал в аллегории пяти степеней достоинства. Таким образом, установился параллелизм между духовной и политической дисциплиной элиты. Этот параллелизм смог предоставить высший смысл активной преданности, служению, борьбе, жертвенности, знаниям и мудрости – ради благосостояния и силы общества, на вершине которой стоял Император (Тенно).

Всё это приобрело «ритуальное» значение для самураев, а также для ценностного внутреннего пути реализации. Таким образом, даже высшая жертва, жизнь одного ради нации, рассматривалась самураями как жертва эфемерной и ограниченной части себя в пользу «Высшего Я», что принимает участие в так называемом «Великом Освобождении».

Эти примеры могут, надеюсь, пролить свет на смысл пути самурая. Внимательный читатель заметит некоторое соответствие принципам, которые когда-то знал также Запад, хотя и в разных формах. Здесь будет достаточно упомянуть об аскетическо-воинском идеале средневековых рыцарских орденов; ценность, которую в Средние века придавали «верности», настолько, что она стала своеобразным таинством, а также критерием онтологической дискриминации между людьми. Из этого имперского идеала вытекали трансцендентные и священные оправдания, которые провозглашали гибеллины, ссылаясь на таинственную «королевскую религию Мелхиседека».

Некоторое время тому назад, Япония возникла в современном мире как уникальный и замечательный пример цивилизации, в которой ревностное сохранение традиционных вековых идей сосуществовало с высокой степенью модернизации внешних структур. К сожалению, после поражения Японии во Второй мировой войне это равновесие было поколеблено, и энергия расы Ямато, то есть японцев, была вложена в восстановление внешнего благосостояния. Результатом стало «экономическое чудо», которое поставило Японию среди основных промышленных и экономических сверхдержав; тем вре-

менем, особенно в больших городах, жизнь и обычаи были загрязнены в значительной мере западными влияниями, без особого сожаления Запада, особенно со стороны американцев. Эти загрязнения можно легко увидеть в художественных фильмах и в многочисленных документальных.

Кровавый поступок Юкио Мисимы, его харакири, должен был бы заострить значение призыва «Проснись, Япония!», аналогичного призыву «Германия, вставай!», что громово прозвучал в Центральной Европе после Первой мировой. К сожалению, жест Мисимы ныне расценили как чудачество, а некоторые даже назвали его «театрализованным». Если современные события будут разворачиваться по этому курсу, смерть Мисимы будет лишь далёким воспоминанием о прошлом и никогда не будет рассматриваться в надлежащем свете, а именно как образцовый пример достоинства. Но опять же, это ещё один признак общего процесса неудержимого наступления эпохи, которую предвидели ещё в Древности и описывали в терминах «тёмного века»: **Кали-Юга**.

[1] Эта вековая вера, глубоко укоренённая в японском народе, была поколеблена лишь после поражения, которое Япония потерпела во Второй мировой войне.

Перевод – Роман Раскольников

ЮКИО МИСИМА: «КНИГА САМУРАЯ»

Особое место во всём творческом наследии Юкио Мисимы занимают его комментарии к «Хагакурэ», практические советы японскому воину, выведенные из разговоров с Ямамото Дзёте, волей своего правителя не совершившим самоубийства после его смерти, как того требовала самурайская этика. Двадцать последних лет своей жизни бывший самурай клана Набэсимы посвятил монашеской практике в горах, ушёл в буддизм. Практический опыт Ямамото и лёг в основу своеобразного кодекса самурая, где даны советы, манера поведения на все случаи жизни. Особую популярность наставления Ямамото получили во время Второй Мировой войны, рекомендовались солдатам японской армии, став для них своеобразной духовной подпиткой перед лицом смерти. После же войны «Хагакурэ» моментально стала устаревшей и вредной книгой для резко модернизовавшегося образа японского человека, подвергалась непосредственному уничтожению, должна была так и забыться как анахронизм ушедшей эпохи, неприменимым в новых условиях пособием. Но не для Юкио Мисимы. Именно такая книга, как отмечает сам японский писатель, и необходима была ему в качестве некоего жизненного, духовного ориентира, стала опорой его морали, одобряла дерзновения юности. Считавшаяся устаревшей, подвергавшаяся забвению, полностью не соответствующая веянию активно меняющийся свой облик Японии, встающей на путь гуманизма, пацифизма, индивидуализма, всего спектра западных ценностей. Как и любая великая книга, она должна была засиять по-особому во мраке настоящего времени.

Мисима настолько сросся с «Хагакурэ», что может считаться полноценным соавтором книги, оживившим её для нового времени, указав на то, как те далёкие советы бывшие-

го самурая из начала XVIII века могут быть применимы на практике спустя три столетия, показав непосредственную связь того, что говорил Ямамото, с процессами сегодняшнего дня, объяснив некоторые противоречия данного трактата, его нигилистическую основу, подвергши через неё критике общие процессы современности, заплутавшего в ней человека. Следование Мисимы кодексу самурая даёт разобраться не только с этической, моральной стороной совершаемых им поступков, такому чуждому для человека середины XX века образу жизни, той особой эстетике, которую он проповедовал, но и подобрать ключи к его творчеству. Сам Мисима указывает на важнейшее значение кодекса самурая для его литературной деятельности. На заре своего творчества Мисима долгое время не мог связать этические нормы поведения и искусство, разрывался между ними; ему казалось, что занятия литературой лишь прячут его малодушие. Влияние «Хагакурэ» поставило его на путь Бумпу рёдо, требующего от человека совершенствования как в искусстве, так и в военном деле. Данный принцип Мисима проповедовал всю свою жизнь. Его нельзя воспринимать только как великого писателя, он сторонился искусства ради искусства, литературные труды питались из самого образа жизни, основу которого как раз и составило следование кодексу самурая.

«Для меня смысл «Хагакурэ» заключается в том, что она открыла мне этот мир, и хотя влияние «Хагакурэ» чрезвычайно осложнило моё существование как художника, эта книга стала чревом, из которого появляются мои литературные труды, вечным источником жизненной силы. Она неустанно подстёгивает, подаёт команды, порицает. Это позволяет ей красота. Красота холодного льда», - Юкио Мисима.

Говоря о дне сегодняшнем, Мисима обращается к тому тезису, что политика Японии после Второй Мировой войны принесла ей экономическое процветание, полностью удовлетворила тем самым импульс молодого поколения к жизни, но импульс к смерти, высвобожденный во время войны

на все сто процентов, оказался полностью подавлен. Мисима же, следуя наставлениям «Хагакурэ»», указывает на непосредственную взаимосвязь жизни и смерти, их равную значимость. Ямамото отмечает первым пунктом своей программы, что путь самурая есть смерть. На первый взгляд звучит не очень оптимистично, но тут то и кроется двойственная основа «Хагакурэ». Данный тезис позволяет, как указывает Ямамото, проживать каждый день как последний, полностью погрузиться в самодостаточность каждого мгновения. Смысл жизни по кодексу самурая есть постоянное, каждодневное напряжение, «борьба, которую приходится вести в условиях повседневности». Постоянная готовность умереть позволяет держать человека в напряжении, поддерживать его в лучшей физической форме, быть исполненным жизненной силой на все сто процентов. По словам Мисимы, таким образом формула Дзёте трансформирует философию смерти в философию жизни. Всю свою жизнь Юкио Мисима провёл по данному Дзёте совету, существовал в постоянном напряжении, натренировал своё тело до возникшего в его в сознании идеала, прожив всего сорок пять лет, стал автором сорока романов (не забываем о пьесах, публицистике, о его режиссёрской деятельности), параллельно этому организовал правую студенческую организацию. Готовил себя к смерти, и когда пришёл момент, выбора уже не существовало, - фанатическая миссия японского писателя по организации военного переворота так и не завершилась успехом. Мисима принял героическую смерть, совершил обряд сеппуку.

Вся жизнь Мисимы и произрастающие из неё литературные плоды указывали на неразделимую взаимосвязь этики и эстетики, духовной и физической красоты, что в полной мере нашло своё отражение в эссе «Солнце и сталь». Вот и в «Хагакурэ» он находит не только практические указания, моральные установки, но и скрытую в ней эстетику. «Красивое, прекрасное должно быть мощным, живым, наполненным энергией. Это первейший принцип; второй - то, что

нравственно, должно быть прекрасно», - пишет Мисима, комментирую положение Дзёте о необходимости использования румянца перед боем, поддержания приличного внешнего вида самурая, в наши дни – человека после похмельного синдрома.

Что касается непосредственной взаимосвязи некоторых положений «Хагакурэ» и взглядов, ретранслированных в творчестве японского писателя, то тут в первую очередь ловится сознанием рассказ «Патриотизм», в нём Мисима полновесно раскрывает положения «Хагакурэ», касающиеся романтической любви. Встав на дорогу смерти, указывает Мисима, мужчина и женщина, которые до этого были заурядными городскими обывателями, обременёнными семейными и финансовыми проблемами, на глазах вырастают до гигантских размеров, превращаясь в героев трагедии. Герои рассказа «Патриотизм», безусловно, не городские обыватели, а японский лейтенант и его молодая жена, но они всё же в одном этом акте совместного обряда лишения себя жизни наполняют свою любовь дополнительным импульсом, возводят её до чего-то совершенного с духовной точки зрения, скрепляющего в вечности души молодых людей, сами таким образом возвышаются. В этом случае, скрепившись со смертью, любовь обретает свой абстрактный смысл, где самопожертвование выступает как действенный способ её обретения, что, конечно, чуждо её современному толкованию, где тайная любовь, как указывает Мисима, заменилась любовной игрой пигмеев.

О современном «толковании любви» стоит привести презрительный отзыв Ю.М. о модном психоанализе: «Психоанализ разрушает традиционную японскую культуру. Тёмная и густая идея фрустрации оскверняет простую и здоровую духовную жизнь японцев. Благоразумие этой культуры всегда избегало неосторожного проникновения в человеческое сердце. Напротив, грязная и вульгарная доктрина психоанализа, претендующая на освобождение от подавления путём

поиска сексуальных мотивов в любом поведении, - это мысль дегенеративного и низменного западного менталитета».

И, напоследок, возвышенное речение Ю.М. об антисовременной смерти: «Смерть, по «Хагакурэ», несёт в себе неопостижимую чистоту небесной лазури, быстро мелькнувшей в просвете между облаками».

ЮКИО МИСИМА: СОЛНЦЕ И СТАЛЬ

«Солнце и Сталь» - одно из программных эссе Мисимы. Оно вышло незадолго до создания «Общества Щита» - ультрапатриотической организации, у которой были две цели: отмена навязанной американцами «Мирной конституции», запрещающей Японии иметь собственные войска, и возрождение воинского духа страны.

Эссе построено на противопоставлении слова и действия. Слово – это всё вербальное. Задача слова – скрывать от человека приближение его смерти, маскируя её за переливами образов и метафор. Действие – это всё, что находится вне вербальной коммуникации, за пределом путаницы символов и ложных смыслов.

Действие доступно человеку прямо здесь и сейчас. Оно апеллирует к одинаковым для людей физическим чувствам, тем самым разрушая отчуждение. Слово – индивидуально. Для каждого человека оно порождает совершенно разную цепочку ассоциаций. Слово создаёт отчуждение.

Следующая мысль Мисимы: тело является воплощением действия. И только обладающий совершенным телом, может действовать совершенно.

А путь к совершенному телу лежит через Солнце и Сталь. Солнце покроеет его загаром, а Сталь - сделает идеальными мускулы.

«Мне невозможно было представить себе романтически благородную гибель без атлетического торса с рельефной мускулатурой. Хилое тело в объятиях смерти — что может быть комичнее и вульгарнее?»

Солнце и Сталь закаляют тело и готовят его к последнему пределу – смерти. Именно последний миг перед смертью,

чувство неминуемости собственной гибели – единственное доказательство того, что ты на самом деле жил.

«Идеал действия — испепеляющее стремление к смерти; но проявляется оно не в апатии и безволии, а в бьющей через край силе, расцвете жизни и бойцовском духе. Это и есть антипод литературы. Слово же использует смерть одновременно как двигатель и как средство сдерживания; вся сила уходит на строительство громоздких воздушных замков. Жизнь при этом тщательно оберегается, упаковывается для длительного хранения; её чуть-чуть приправляют смертью, вводят необходимые консерванты — и всё для того, чтобы создать неестественно долговечное произведение искусства».

Почему нужно прочитать эту книгу?

Потому что современный мир отвергает тело, как метод героического действия.

Этот мир - телесный, но телесный по-своему. Тело современного человека – это не идеальное оружие, в каждый миг готовое к смерти. Нет. Его тело – это машинка для переработки алкоголя, наркотиков и фастфуда. Он бежит от своего тела: в сериалы, в социальные сети, и виртуальные игровые миры.

Труд Мисимы обосновывает, почему тело должно быть совершенным. Он доказывает, что действие важнее слова.

Он утверждает, что вместо ночного мрака миром должны править Солнце и Сталь.

После этой книги ты пойдёшь в качалку...

ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ ПРЯМОГО ДЕЙСТВИЯ

Среди трагических героев последней четверти мрачного XX столетия Юкио Мисима (его подлинное имя – Кимитакэ Хираока) занимал совершенно особое положение, ибо был декадентом. Он рос балованным ребенком, но, повзрослев, открыл в себе садомазохистские склонности, гомоэротическую ориентацию (таких в Японии традиционно именуют «обладателями двух мечей») и, вполне закономерно, проникся любовью к западным авторам-декадентам вроде Томаса Манна - такого же бисексуала, как и сам Мисима. Но, то и дело, переодеваясь и меняя маски - киноактёра, фотомодели, короля поэтов, продолжателя традиций японского эстетизма и политического журналиста, он, тем не менее, следовал своему истинному призванию – неустанно свидетельствовать верность идее Вечной Японии в единственной ещё возможной форме - в форме чистого утверждения Вечного и Постоянного через смерть Временного и Преходящего.

Юкио Мисима родился 14 января 1925 года в семье крупного государственного чиновника Адзусы Хираоки и его супруги Сидзуэ. Отец Мисимы, с отличием закончив юридический факультет Токийского Императорского университета, блестяще сдал государственный экзамен на пригодность для работы в качестве чиновника самого высокого ранга, однако, вследствие личной предвзятости высшего начальства и закулисных интриг в кулуарах бюрократического аппарата, был, вместо Министерства финансов, зачислен на работу в другое, менее престижное, ведомство, носящее в настоящее время название Министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства. Коллегой отца Мисимы по работе был будущий премьер-министр Японии Нобосукэ Киси. После старшего сына, Кимитакэ, в семье родились другие дети: в 1928 году

- его младшая сестра Мицуко, а в 1930 году – его младший брат Тиюки. Дед Мисимы, Садатаро Хираока, был в 1908—1914 годах губернатором Южного Сахалина (по-японски: провинции Карафуто).

До двенадцати лет, когда он перешёл в первый класс средней школы, Кимитакэ жил и воспитывался в доме бабушки, Нацуко Нагаи. Даже с матерью он мог видеться только с разрешения бабушки. Совместная жизнь с Нацуко, которая забрала болезненного Кимитакэ у родителей и, оградив его от внешнего мира, воспитывала в строгих и утончённых аристократических традициях, оказала на формирование будущего писателя огромное влияние. Склонная к истерии Нацуко, несмотря на постоянные психологические стрессы, вызываемые её поведением у Кимитакэ, была тонким ценителем национального японского театрального искусства «Кабуки», созданного женщиной, переодетой в мужчину.

Ценила бабушка Юкио Мисимы и древний японский театр «Но». Именно она привила своему любимому внуку Кимитакэ любовь к прозе и театру.

Тяжелые болезни и постоянные недомогания, из-за которых Мисима не принимал участия в играх сверстников и часто пропускал школу, тоже наложили неизгладимый отпечаток на личность будущего знаменитого писателя. Мисима рос впечатлительным и одарённым ребенком, много времени проводившим за чтением книг. Привилегированную школу он закончил с отличием, получив в награду именные серебряные часы из рук самого божественного Тэнно, Небесного Владыки, Небесного Государя - Императора Японии Хирохито. Это событие врезалось в память юноши на всю оставшуюся жизнь, во многом предопределив его отношение к личности и сану Императора.

По воле властного отца, Мисима поступил, как в своё время и его родитель, на юридический факультет Токийского университета, где изучал германское право. К этому же периоду жизни будущего писателя относится его сильное

увлечение литературой немецкого романтизма, перешедшее впоследствии в интерес к сочинениям Томаса Манна и философии Фридриха Ницше. Глубокой душевной травмой для молодого человека, во многом предопределившей всю его будущую жизнь и судьбу, стало его признание негодным к службе в рядах японской Императорской Армии, ввиду крайней слабости здоровья.

Второй, еще более глубокой, душевной травмой стала для Мисимы, как и для подавляющего большинства японцев, капитуляция Императорской Японии 15 августа 1945 года, которой завершилась Вторая мировая война на Тихом океане и в Китае. Поток последовавшей за этим «черным днем японских Императорских Армии и Флота» чередой повальных самоубийств, продиктованных правилами самурайского кодекса чести «бусидо», ставшего к описываемому времени духовным достоянием значительной части японской нации, был захвачен и покончивший с собой 19 августа на территории Малайи лейтенант японских оккупационных войск (а в прошлом - известный литературный критик) Дзэммэй Хасуда, бывший в то время кумиром и духовным наставником Мисимы.

Кстати говоря, не всем известно, что объявленная 15 августа 1945 года Императором Хирохито в общенациональной радиопередаче, известной как «Трансляция Драгоценного Голоса», безоговорочная капитуляция Японии перед союзными державами, едва не сорвалась. Заявление Божественного Тэнно транслировалась не в прямом эфире, а в записи, сделанной предыдущей ночью. Кроме того, трансляция велась не из Императорского дворца. В ту же ночь, когда император Хирохито записал свое радиообращение, группа японских военных, отказавшихся сдаться врагу, попыталась совершить государственный переворот. Руководитель путчи-стов майор Императорской Армии Кэндзи Хатанака со своими сторонниками захватил Императорский дворец, который удерживал в течение несколько часов.

Хатанака намеревался сорвать «Трансляцию Драгоценного Голоса». Но, хотя его солдаты тщательно обыскиали весь дворец, они так и не смогли найти радиозапись объявления Императором капитуляции. Несмотря на то, что путчисты тщательно обыскивали каждого, кто выходил из дворца, запись удалось вынести наружу в корзине для белья. Но майор Хатанака не думал сдаваться. На своем велосипеде он поехал на ближайшую радиостанцию, намереваясь в прямом эфире объявить японскому народу, что в стране Ямато произошел переворот, что Япония никогда не капитулирует. Однако не смог выполнить свое намерение по техническим причинам. Вернувшись во дворец, Кэндзи Хатанака застрелился.

16 августа 1945 года вице-адмирал Японского Императорского Флота Такидзиро Ониси, разработчик операции «Камикадзе», в ходе которой японские пилоты-смертники врезались на своих превращённых в пилотируемые авиабомбы самолётах в военные корабли англосаксов, узнав о капитуляции, объявленной по радио Императором Хирохито, счёл свою миссию выполненной и покончил с собой традиционным самурайским способом «сэппуку». В своей предсмертной записке Ониси извинился перед «душами погибших и их безутешными семьями».

23 октября 1945 года от тифа, в возрасте всего семнадцати лет скончалась Мицуко, младшая сестра Мисимы. В это же время произошел разрыв Мисимы с его первой любовью Кунико Митани, дочерью государственного деятеля и дипломата Таканобу Митани и младшей сестрой Макото Митани, одного из самых близких друзей Мисимы. Кунико и Макото Митани послужили прообразами для Соноко и Кусано, персонажей написанного Мисимой впоследствии романа «Исповедь маски».

Третьей и, возможно, самой глубокой и болезненной, душевной травмой стало для Мисимы, как и для большинства японцев, сделанное Императором Хирохито под давлением американских оккупационных властей заявление, что он - не

бог, а простой человек, и что японцы, соответственно - не прямые потомки богов, а такой же народ, как и все остальные народы (которых «божественные сыны Ямато», «дети Солнца», традиционно привыкли считать «варварами», «дикарями», «заморскими чертями»).

В 1946 году Юкио Мисима совершил паломничество в богатый самурайскими традициями старинный город Камакуру к жившему там признанному классику японской литературы Ясунари Кавабате, показав ему рукопись своих рассказов «Сигарета» и «Средние века» с просьбой содействовать в их публикации. По рекомендации Кавабаты, занимавшего в то время административный пост в библиотеке Камакуры, рассказ Мисимы «Сигарета» был вскоре напечатан в журнале «Человек». Вступив, таким образом, благодаря протекции старшего мастера, в литературный мир, Мисима до конца жизни сохранил почтительное отношение к Ясунари Кавабате как к своему учителю (при этом, впрочем, никогда прямо не называя его собственно учителем, и ограничиваясь обращением «Кавабата-сан», «дорогой Кавабата»). В том же году в журнале «Гундзо» появился рассказ Мисимы «Повествование на мысе».

В январе 1947 года Юкио Мисима начал принимать участие в неформальных встречах, устраиваемых Осаму Дадзай и Кацуитиро Камэи. Известен случай, когда на одной из встреч, высказывая своё мнение о творчестве Дадзая, Мисима категорично заявил, что терпеть не может его произведений. По словам самого Мисимы, потрясённый Дадзай в ответ на это дерзкое высказывание заявил, что, раз Мисима, тем не менее, приходит на эти встречи, значит, он всё-таки не равнодушен к произведениям Дадзая. Любопытно, что присутствовавший при этом инциденте Кадзуо Нохара впоследствии передавал слова Дадзая, произнесённые тем с неприкрытой злостью, несколько иначе: «Раз не нравится, так больше не приходи сюда». Стремление к эпатажу, характерное для высказываний и действий Мисимы, на всю жизнь стало одной из его неотъемлемых черт.

В ноябре 1947 года Юкио Мисима с отличием закончил юридический факультет Токийского университета. Пытаясь устроиться на работу в «Японский промышленный банк», он успешно сдал соответствующий экзамен, но кандидатура Мисимы была отклонена по причине его неудовлетворительного здоровья (из-за которого, как уже говорилось выше, он не был в свое время призван в ряды Императорской армии, что мучило писателя всю жизнь, как свидетельство некоей «неполноценности» или «ущербности»). Однако, успешно сдав, после этого фиаско, государственный квалификационный экзамен, необходимый для работы чиновником высокого ранга (в списке результатов имя Мисимы значилось на сто тридцать восьмом месте из ста шестидесяти семи), Юкио Мисима некоторое время проработал в Министерстве Императорского Двора, после чего, по рекомендации отца, перешёл на службу в Министерство финансов. Совмещая работу государственного чиновника с активной литературной деятельностью, Мисима написал свое первое произведение крупной формы, озаглавленное «Вор». В это же время состоялось его знакомство с известным писателем Фусао Хаяси, отношения с которым у Мисимы испортились лишь в поздние годы (по его словам, из-за политической безпринципности Хаяси).

В 1948 году Юкио Мисима примкнул к литературному объединению «Современная литература». Получив от Кадзуки Сакамото, главного редактора издательства «Кавадэсё-босинся», заказ на написание романа, Мисима, пытавшийся вести двойную жизнь – государственного чиновника и писателя -, из-за крайней истощённости организма чуть было не погиб, упав с железнодорожной платформы и едва не попав под поезд. Этот инцидент способствовал тому, что в сентябре 1948 года Мисима уволился по собственному желанию из Министерства финансов и всецело посвятил себя литературной деятельности, с чем был вынужден, со временем, смириться и его властный отец.

В июле 1949 года был опубликован только что завершённый Мисимой роман «Исповедь маски», который получил высокую оценку литературных критиков, что позволило Юкио Мисиме занять почётное место среди видных представителей литературной элиты Японии. За «Исповедью маски» последовали «Жажда любви» (1950) и «Запретные цвета». По мотивам «Запретных цветов» известный театральный режиссер Тацуми Хидзиката поставил в 1959 году одноимённый спектакль, который принято отождествлять с моментом зарождения искусства танца «буто». Успех многочисленных произведений Мисимы вывел его в лидеры японской послевоенной литературы. В декабре 1951 года Мисима, не без протекции отца, отправился, в качестве специального корреспондента газеты «Асахи симбун», в кругосветное путешествие, вернувшись на родину в августе следующего года.

В результате кругосветного путешествия Юкио Мисима, по его собственным словам, заново открыл для себя солнечный свет, телесность и ощущения, что оказало огромное влияние на его дальнейшую литературную деятельность. Вернувшись в Японию, он, от рождения худой, болезненный и слабый, начиная примерно с 1955 года, принялся за радикальную перестройку собственного тела, всерьёз занявшись бодибилдингом. В то же время стиль писателя стал меняться под влиянием японской классической литературы. Это нашло своё выражение в написанном им в 1956 году, под влиянием эстетики Мори Огая и Томаса Манна, романе «Золотой храм» о сожжении молодым монахом храма Кинкакудзи. «Золотой храм» стал одной из творческих вершин молодого писателя и самым популярным в мире произведением не только Юкио Мисимы, но и японской литературы вообще.

После выхода в свет «Золотого храма» читательская аудитория восторженно воспринимала каждое новое сочинение Мисимы. Сначала написанный на фоне идиллического пейзажа острова Камисима (префектура Миэ), по мотивам известной античной пастушеской идиллии (считающейся

первым в истории пасторальным романом) греко-римского сочинителя Лонга о Дафнисе и Хлое, роман «Шум прибора» (1954), а затем - романы «Долгая весна» (1956) и «Пошатнувшаяся добродетель» (1957) стали бестселлерами. Многие из его произведений были экранизированы. Мисима превратился в одну из виднейших фигур японского литературного мира. В это же время, Мисима обратился к драматургии и написал сборник пьес для театра «Но», а затем, примкнув к театру «Бунгакудза», успешно дебютировал в качестве актера.

В 1959 году вышел в свет его роман «Дом Кёко», на создание которого ушло около двух лет и который, по замыслу автора, был своеобразной антитезой «Золотому храму»: если «Золотой храм» представлял собой глубокий анализ внутреннего мира отдельного человека, то в «Доме Кёко» центральное место заняло отображение современной эпохи в целом. Мнения литературных критиков разделились: Такэо Окуно назвал роман шедевром, в то время как Кэн Хирано и Дзюн Это единодушно оценили «Дом Кёко» как полный провал. Реакцию читательской аудитории, склонявшейся, в целом, к мнению Хирано и Это, также нельзя было назвать положительной. В результате Юкио Мисима, дотоле избалованный успехом, впервые в своей литературной деятельности испытал действительно сильное разочарование, что сказалось на всей его дальнейшей карьере.

Тем не менее, последовавший за публикацией «Дома Кёко» период оказался весьма плодотворным для не утратившего своей популярности Мисимы. В эти годы он написал романы и повести «После банкета» (1960), «Красивая звезда» (1962), «Шёлк и проницательность» (1964) и новеллу «Сэмбэй (вид японского рисового крекера - В.А.) за десять тысяч иен» (1960)».

За «Сэмбеем за десять тысяч иен» последовали новеллы «Патриотизм» (1961), «Меч» (1963), пьесы «Розы и пираты» (1958), «Тропические деревья» (1960), «Кото (японская цитра - В.А.), приносящее радость» (1963) и другие сочинения.

В личной жизни Юкио Мисимы также произошли немало-важные изменения. В 1958 году он женился на Ёко Сугияме, дочери известного мастера классической японской живописи Ясуси Сугиямы. Вместе с молодой женой Мисима поселился в новом особняке, построенном в викторианском стиле (проектирование и строительство особняка было осуществлено известной японской строительной компанией «Симидзу кэнсэцу»). Однако вслед за долгожданным завершением строительных работ начался период разного рода неприятностей и неурядиц. В их числе были скандал и судебный процесс, затеянный дипломатом Хатино Аритой, обвинившим Мисиму в 1961 году в том, что писатель в своем произведении «После банкета» нарушил право Ариты на неприкосновенность частной жизни (процесс был прекращён лишь со смертью Ариты в 1965 году). Кроме того, в том же 1961 году Мисима начал получать послания, содержащие угрозы физической расправы, от правых радикалов. Недовольство японских правых Юкио Мисимой было вызвано широко известной поддержкой, оказанной Мисимой молодому писателю Ситиро Фукадзаве, включившему в свой роман «Необыкновенный сон» шокирующую, антипатриотическую и кощунственную, с точки зрения приверженцев традиционных японских ценностей и представлений, воображаемую сцену. Убийство коммунистами наследного принца Акихито и принцессы Митико (будущих Императора и Императрицы Страны Восходящего Солнца), приводящее в восторг японцев. Это оскорбило японских патриотов-традиционалистов и побудило их к совершению террористического акта, получившего в прессе известность как «Скандал с Накадзимой» (по имени директора издательства «Тюокорон», выпустившего кощунственный по отношению к Императорской Семье и оскорбительный для японского народа роман; дом и семья Накадзимы подверглись нападению правых радикалов). В результате всех этих событий резиденция особняк Мисимы в течение нескольких месяцев находилась под охраной поли-

ции. Младший брат писателя – дипломат Тиюки Хираока – впоследствии утверждал, что характер взглядов и поступков «зрелого» Мисимы изменился именно под влиянием шока и страха перед правыми экстремистами, впервые испытанного им в период «скандала с Накадзимой». Однако это объяснение, данное дипломатом «задним числом», скорее всего, было продиктовано соображениями пресловутой «политкорректности».

К 1962 году у Юкио Мисимы созрел замысел написать тетралогию «Море изобилия». В 1963 году разразился новый скандал, на этот раз вокруг его пьесы «Кото, приносящее радость».

Руководство театра «Бунгакудза» категорически отказалось ставить пьесу «Кото, приносящее радость» ввиду её излишней «политизированности». В результате скандала Мисима и четырнадцать ведущих актёров театра демонстративно покинули «Бунгакудза». Однако, несмотря на то, что «Кото, приносящее радость» и некоторые другие сочинения Мисимы во многом соответствовали духу того времени, когда на волне беспрецедентного по своему масштабу гражданского протеста против японско-американского договора безопасности вторжение политики в искусство стало повсеместным, «излишняя (по меркам 1963 года) политизированность» Мисимы была ещё весьма и весьма далека от той, которая стала характерной для него во второй половине 1960-х годов. В этот период Мисима, наряду с бодибилдингом, превратившим его из довольно щуплого, слабосильного и худосочного, каким он был в начале своего литературного и жизненного пути, в человека с необычайно красивой мускулатурой, начал усердно заниматься «кэндо» (самурайским искусством владения мечом, известным в древности под названием «кэндзюцу»). Снявшись в главной роли в художественном фильме Ясудзо Масумуры «Караккадзэ яро» (продюсер Масайити Нагата, киностудия «Дайэй», 1960), позируя известному мастеру художественной фотографии Эйко Хосозэ для фотоальбома, оза-

главленного «Форма розы» (1963), Мисима стал целенаправленно создавать и пропагандировать в средствах массовой информации культ своего тела, сильного и преображённого в ходе изнурительных тренировок, желая дать пример для подражания японской молодежи, да и вообще всем японцам.

На данный период жизни и творчества Юкио Мисимы пришлось многочисленные инсценировки его пьес и популяризация его творчества в Европе и Америке, благодаря начавшим появляться в печати переводам на европейские языки. Именно в эти годы произведения Мисимы получили всемирную известность, удостаиваясь высокой оценки критиков на Западе.

В 1965 году началась продолжавшаяся до 1967 года серийная журнальная публикация романа «Весенний снег», первой части посвящённой интерпретации буддийской концепции круговорота человеческого существования тетралогии «Море изобилия», задуманной Мисимой как главный труд всей его жизни. Над этой тетралогией, состоящей из четырех романов: «Весенний снег», «Несущие кони», «Храм на рассвете» и «Падение ангела», Мисима работал с 1965 по 1970 год. В том же 1965 году вышла пьеса «Маркиза де Сад». В этот последний период жизни и творчества Мисимы его кандидатура несколько лет подряд выдвигалась на соискание Нобелевской премии по литературе, но безуспешно.

В эти годы Юкио Мисимой была написана и экранизирована (с самим автором в главной роли) его знаменитая новелла «Патриотизм» (1965) о самоубийстве молодого офицера японской Императорской Армии и его супруги в знак солидарности с обреченными на поражение и казнь участниками военного мятежа «молодых офицеров» во имя «освобождения Божественного Императора из-под влияния дурных министров» (многие из которых были убиты путчистами) и торжества «чистой Императорской идеи» в мае 1932 года. Им были также опубликованы «Голоса духов героев» (1966), и вторая часть тетралогии «Море изобилия», получившая

название, «Несущие кони» (1968). В «Несущих конях» Мисима продолжил линию героев «Весеннего снега». Рационалиста и законника Сигэкуни Хонду в зрелом возрасте жизнь сводит с девятнадцатилетним юношей, в котором он вдруг видит типичную для буддийских представлений реинкарнацию, то есть перевоплощение, своего горячо любимого друга Киёаки Мацугазэ. В новой жизни (как и в прежней) столкновение мечты друга с реальностью заканчивается смертью, трагической, но завораживающей в своем величии и своей красоте.

Исао — новое воплощение Киёаки — доблестный юноша, достигший совершенства (как и его создатель Юкио Мисима) в боевом искусстве владения мечом — «кэндо». Он горячо любит свою страну и для того, чтобы возродить ее славу и величие, замышляет государственный переворот силами тайной организации «Союз возмездия».

Доказательством чистоты своих помыслов Исао полагает принятое им решение — как в случае неудачи, так и в случае удачи покончить с собой единственным способом, достойным истинно доблестного мужа — вспоров себе живот самурайским мечом.

В романе «Несущие кони» Юкио Мисима во многом детально описал будущую собственную смерть — принятое у японских самураев ритуальное самоубийство «сэппуку».

Наряду с романом «Несущие кони», Мисима создал многочисленные произведения, также воспевающие героическую смерть и подчёркивающие неразрывность связи между эстетической красотой и политическими действиями.

В декабре 1966 года Юкио Мисима познакомился с редактором правого националистического журнала «Ронсо» («Спор»). Между Мисимой и группой активистов журнала завязались тесные отношения, натолкнувшие его на идею создания собственной военизированной группы единомышленников, придерживающихся, как и он сам, взглядов, не просто откровенно монархических, но и считающихся крайне пра-

выми в современной Стране Восходящего Солнца. Первыми шагами к реализации этой идеи стали вступление Юкио Мисимы в состав японских Сил самообороны и совершение им полёта на истребителе Локхид Ф-104 «Старфайтер», а также начало формирования на базе группы авторов и читателей журнала «Ронсо» крайне правой ультрамонархической организации «Татэ-но-Кай» («Общество Щита»). В это же время Юкио Мисима сблизился с Главнокомандующим японскими Силами самообороны Киёкацу Ямамото. Вышли в свет политически ангажированные «Солнце и сталь», «Моё Хагакурэ», «В защиту культуры» и другие известные публицистические произведения Мисимы.

В 1968 году началась публикация романа Мисимы «Храм на рассвете», третьей части тетралогии Мисимы, а также вышла его вызвавшая очередной скандал пьеса «Мой друг Гитлер» (посвященная драматическим коллизиям взаимоотношений между Адольфом Гитлером и командиром его партийных штурмовых отрядов - СА - Эрнстом Рёмом, завершившихся «Ночью Длинных Ножей»).

В 1969 году Мисима обратился к написанию пьес для театра «Кабуки» и опубликовал несколько драматических произведений в этом жанре. Во время студенческих волнений Мисима посетил захваченный левыми студентами Токийский университет, где принял участие в яростной дискуссии о роли Императора и государственном устройстве; главным оппонентом Мисимы выступил Масахико Акута. Мисима в очередной раз снялся в кино, сыграв роль в поставленном известным режиссером Хидэо Гося фильме «Убийство». Из-за разногласий, связанных с финансированием военных расходов общества «Татэ-но-Кай», Мисима прекратил сотрудничество с журналом «Ронсо», однако в составе «Общества Щита» остался активист «Ронсо» и член Японской Студенческой Лиги Масакацу Морита, которому было суждено сыграть ключевую роль в последовавших далее событиях, закончившихся самоубийством Мисимы.

В сущности, Юкио Мисима был, в сущности, запоздалым романтиком, сумевшим, однако, доказать не только Японии, но и всему миру свою способность подняться до высот подлинного героизма. Познание принципов, лежащих в основе Порядка, Традиции и Патриотизма, обязывает познавшего их к последовательности действий. Трусливые оправдания иных людей, что они, дескать, «вылеплены из другого теста, чем герои», представляются нам совершенно безосновательными. В знаменитом сборнике самурайских наставлений «Хагакурэ» («Сокрытое в листве», или «Скрытое под листьями»), вершине самурайской философии, записанном в начале XVII века Тасиро Цурамото со слов своего учителя Дзётё Ямамото (Ямамото Цунэтомо) по прозвищу «Дзохо» (ставшего буддийским монахом-отшельником после того, как его господин и сюзерен Мицусиги Набэсима, уходя из жизни, категорически запретил своему верному вассалу и слуге покончить с собой), сказано: «Самурай клана Набэсима не нуждается ни в духовности, ни в таланте; попросту говоря – ему достаточно иметь волю к тому, чтобы нести дом своего Государя на своих плечах».

В своем сборнике избранных цитат из «Хагакурэ» Юкио Мисима комментирует эти слова в следующих выражениях:

«Дзохо указывает на то, что здесь речь идет о великой, первозданной силе, побуждающей человека к совершению подвигов. Если нормальная жизнь ограничивается добродетелью скромности, то на основе ежедневных упражнений идея не может вырасти в деяние, превышающее по силе эти упражнения. Она нуждается в высокой степени уверенности в себе и одновременно в убеждении, что ты сам и один должен нести дом на своих плечах. Как и грекам, Дзохо были хорошо известны чары, блеск и ужас, исходящие от того, что именуют «хюбрис»» (Юкио Мисима. «К этике подвига»).

Именно этого «хюбриса» (одно из значений данного слова у древних греков – «олицетворение возвышенного духа») всем нам сегодня не хватает, уважаемый читатель. Всякий

человек, вообще еще способный осознать происходящий вокруг нас всеобщий распад, похоже, полагает, что не лично он, а кто-то другой должен что-то сделать, что-то предпринять против этого распада, или, что, пока этот другой ничего не делает, его собственные действия бессмысленны, что нужно сначала собрать под свои знамена тысячу, потом десять тысяч, потом сто тысяч единомышленников, и уж тогда..., а пока что не делается ровным счетом ничего.

25 ноября 1970 года Юкио Мисима - первый писатель послевоенного поколения японцев, после долгого перерыва заговоривший о воинской доблести («бутоку») - в сопровождении всего четырех спутников - студентов в военной форме бывшей Японской Императорской Армии – направился в Штаб-квартиру японских Сил самообороны в Итигая. Утром, перед поездкой в Итигая, Мисима отослал своему редактору Тикако Кодзима текст романа «Падение ангела» - последней части тетралогии «Море изобилия» и вообще последнего сочинения Юкио Мисимы.

Штабная охрана беспрепятственно пропустила их внутрь по приказу генерала Маситы Канэтоси, приятеля Мисимы и ценителя его литературного таланта. По просьбе генерала, Юкио Мисима показал ему извлеченный из ножен клинок своего старинного самурайского меча. Когда генерал наклонился, чтобы полюбоваться драгоценным мечом, один из спутников Мисимы схватил его сзади. Генералу связали руки и затолкали ему в рот кляп. Юкио Мисима и его спутники, сняв фуражки, повязали себе головы белыми лентами с красным солнечным кругом и чёрной надписью «Отдай все твои семь жизней Императору».

Такие повязки надевали перед совершением своего жертвенного подвига японские воины-смертники – «банзай-самоубийцы», бросавшиеся с боевым кличем «Банзай!» - «Десять тысяч лет (Императору)!» - в безнадежные (с точки зрения личного выживания) штыковые атаки на неприятельские укрепленные позиции в годы Русско-японской войны

1904-1905 годов, взрывавшие себя вместе с неприятельскими танками добровольцы с противотанковыми минами на бамбуковых шестах (честь мужеству которых воздал даже советский поэт-фронтовик Константин Симонов в поэме «Далеко на Востоке»), экипажи начиненных взрывчаткой скоростных катеров, самодвижущихся морских и воздушных торпед «бака» и, конечно же, лётчики-смертники («камикадзе», буквально: «Божественный Ветер») времен Второй мировой. Спутники Юкио Мисимы, взявшие в заложники генерала Маситу, забаррикадировались в его рабочем кабинете и отбили атаку штабных офицеров. Затем Мисима вышел на балкон здания Штаб-квартиры японских Сил самообороны. По требованию писателя, под балконом, выходявшим на плац перед Штаб-квартирой, собрался весь гарнизон, чтобы выслушать его.

Юкио Мисима был не только блестящим публицистом, но и выдающимся оратором. Не раз – с непоколебимым мужеством и с риском для собственной жизни! - выступая перед многотысячной студенческой аудиторией в диспутах с самыми буйными и языкастыми представителями левых организаций и сил, он всегда выходил из споров победителем. Многие из членов учрежденного Мисимой «Общество Щита» были в прошлом сторонниками идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Мао-Цзэдуна и даже Ким Ир Сена, которых Юкио Мисиме удалось переубедить и «обратить в самурайскую веру». И теперь он выступил с последним в этой своей жизни «литературным докладом» в форме обращенного к собравшимся внизу военнослужащим японских Сил самообороны призыва к государственному перевороту во имя восстановления полновластия Императора.

Однако обстоятельства были против него. Над зданием штаба Сил самообороны роем железной саранчи кружили многочисленные вертолёты с телевизионщиками и репортёрами на борту. Рокот их моторов заглушал его зычный голос. Мало кому удавалось расслышать его слова. В результате

призывы Юкио Мисимы отказаться от действующей в Японии с послевоенных времен, навязанной ей победителями, Конституции, совершить в стране государственный переворот и реставрировать власть Императора, не нашли отклика у большинства его слушателей.

Впрочем, он несколько не смутился этим обстоятельством и подтвердил верность своим принципам высшей формой жертвенного свидетельства - покончив с собой согласно традиционному для самураев ритуалу «сэпсуку», вспоров себе живот кинжалом. Верный соратник (и возлюбленный) Мисимы, лейтенант Морита Масакуцу, чтобы облегчить предсмертные страдания своего господина, вождя и учителя, взяв на себя традиционную роль добровольного «помощника», или «секунданта» («кайсяку»), попытался обезглавить его самурайским мечом. После нескольких неудачных попыток обезглавить Юкио Мисиму, Морита передал меч своему соратнику Коге, который и отсек голову Мисиме. После гибели учителя Морита и Кога также покончили с собой.

Вслед за Юкио Мисимой, добровольно ушел из жизни его старший друг, наставник и учитель - классик японской литературы, лауреат Нобелевской премии Ясунари Кавабата. По свидетельству очевидцев, многие солдаты японских Сил самообороны после самоубийства открыто высказывали сожаление, что не прислушались к призыву Мисимы-сэнсэя и не примкнули к нему...

«Вернём Японии её истинный облик - и умрём. Или вы хотите сохранить свою жизнь и дать умереть своей душе? Сердцем истинного, Имперского образа Японии является Император – Тэнно. Он есть посредник между Небом и Землей, Он есть сердце японского народа. Пусть даже Его властные прерогативы ограничены, но он действует самим Своим существованием, самим Своим бытием, представляя, как человек, людей перед лицом богов, а, как бог - богов перед лицом людей. Именно в силу того, что Тэнно не действует, а лишь присутствует, Он нуждается в организациях защит-

ников, мужских союзах, воинских братствах, позволяющих ему полновластно править своей Империей» - провозглашал «последний самурай».

Такую организацию («Кадетский корпус») Юкио Мисима и основал 3 ноября 1968 года из активистов-читателей журнала «Ронсо». Как уже было сказано выше, организация Мисимы официально называлась «Обществом Щита» и состояла из нескольких десятков (по другим сведениям – пяти сотен) студентов, обмундированных в военную форму, разработанную для них лично Мисимой (напоминавшую – особенно фуражки – военную форму германского вермахта и СС).

В названии организации, основанной Мисимой, содержался двойной смысл. С одной стороны, оно восходило к овеянной легендами героической фигуре раннего японского Средневековья - доблестного витязя Ёруцу, верно служившего Божественному Тэнно в VI столетии и прозванного современниками «Щитом Императора» за непоколебимую преданность своему Государю. С другой стороны, название «Общество Щита» в переводе с японского языка на английский звучало как «Шилд Сосайети» («Shield Society») - то есть, сокращённо, SS.

Юные «SS-овцы» Юкио Мисимы приходили военно-спортивную подготовку на учебных полигонах японских Сил самообороны у подножия священной горы Фудзи. Они хранили верность не только и не столько самому Мисиме (игравшему в «Обществе Щита» роль средневекового «сёгуна» - военного диктатора, повелевавшего самураями и всей Японией от имени Императора), сколько, через него, самому Тэнно!

Этих современных самураев, подобно их древним предшественникам, объединяло не стремление к добродетельной жизни, но возможность добродетельной смерти; а таковой, как учил их Мисима-сэнсэй, является смерть во имя японской Нации и самое яркое проявление ее – добровольная

смерть за Божественного Тэнно. Поэтому, в соответствии с древней японской традицией, смысл и предназначение подобных боевых союзов, существовавших на всем протяжении долгой и бурной истории Страны Восходящего Солнца, заключается не в достижении каких-либо политических целей, а в совместной смерти. Политические последствия – а свои государственно-философские представления, естественно, были и у Юкио Мисимы! – являются, в свете этой самурайской традиции, не более, чем побочным продуктом чистого действия. Чистое действие есть наивысшая форма приближения к чистой сущности бытия Тэнно.

Поскольку, с точки зрения Юкио Мисимы и его молодых единомышленников-«неосамураев», в насквозь проникнутом западным духом, демократизированном, упадочническом мире современной Японии подлинных традиций больше не осталось, акт «сэппуку» одновременно являет собой аспект жертвоприношения, которое может и должно повлечь за собой Возвращение, новый Восход Японского Солнца. Этот внутренний Восход Солнца Юкио Мисима пророчески описал в одном из своих последних произведений – в романе «Хомба», или «Несущие кони», второй части его тетралогии «Море изобилия» (над тетралогией «Море изобилия», состоящей из четырех романов - «Весенний снег», «Несущие кони», или «Под богом бурь», «Храм рассвета» и «Падение ангела» - Юкио Мисима работал до последних лет своей жизни, с 1965 по 1970 год – В.А.):

«Исао глубоко вздохнул, провел рукой по животу, закрыл глаза. Приставил острие кинжала, зажатого в правой руке, к животу, пальцами левой руки определил место и правой рукой с силой вонзил кинжал.

И в тот момент, когда кинжал проник внутрь, за закрытыми веками с ослепительным блеском вспыхнул солнечный круг» (Юкио Мисима «Несущие кони»).

К моменту своего «прямого действия», Мисима не был горячим юнцом, склонным к необузданным поступкам и по-

рываю. За его плечами была солидная карьера плодовитого писателя, хотя и начатая, в соответствии с духом времени, упоминавшейся выше скандальной книгой с гомоэротической окраской - пресловутой «Исповедью маски». Он неустанно работал над развитием и укреплением своих тела и духа, но, в то же время, любил эпатировать «добропорядочное общество» и наносить «пощечины общественному вкусу» - например, при всем честном народе танцевать в паре с мужчинами - и, случалось, поколачивал свою жену (хотя, несмотря на свои гомоэротические склонности, был примерным мужем и отцом, любил своих детей). Нельзя сказать, что все эти действия никак не были связаны с его философией и, в конечном итоге, с избранной им формой смерти. Со всем наоборот, в них явственно отражались его настойчивые и неустанные попытки приблизиться к Красоте, Силе и Смерти. Однако земными средствами их можно только показать, но не осуществить. В Смерти же самурай может воплотить вечные принципы, если он предварительно пережил внутреннюю трансформацию, разделённую в свое время итальянским «консервативным революционером» бароном Юлиусом Эволой на четыре фазы:

1. Сделать господином внешних впечатлений и инстинктов (мужская аскеза);

2. Добиться подчинения организма собственному авторитету – стойкость (соответствующая военной подготовке в собственном смысле этого слова);

3. Установить контроль над своими страстями и чувствами, правда – в форме внутреннего равновесия (не впадая, однако, при этом в состояние отупения);

4. Отказаться или отрешиться от собственного «Я».

(Барон Юлиус Эвола. «Путь самурая»).

Только отказавшись или отрешившись от собственного «Я», только перестав придавать ему какое бы то ни было значение, мы становимся готовыми к героической смерти в бою или к «сэппуку». Не всякий человек, избавляющийся-

ся от своей жизни через самоубийство, тем самым обручается со смертью. Бракосочетание со Смертью должно быть тщательно подготовлено и являться предметом свободного, осознанного выбора. Только в этом случае мы можем быть гарантированы от неудачи, как это явствует из приведенного ниже краткого диалога между студентом-путчистом Исао и лейтенантом Хори, взятого из книги Юкио Мисимы «Несущие кони»:

- И тебя не смущает, что восстание «Союза возмездия» потерпело поражение?

- Это не было поражением.

- Ты так считаешь? Во что же ты веришь?

- В меч, - ответил Исао одним словом.

Лейтенант немного помолчал. Словно обдумывал следующий вопрос.

- Ладно. Задам еще один вопрос. А чего ты больше всего хочешь в жизни?

На этот раз какое-то время молчал Исао... Подбирая слова, но без колебаний он выговорил:

- Солнечным... На крутом обрыве при восходе солнца, молясь на встающий сияющий круг... глядя на блистающее внизу море, у корней благородной сосны... умереть от своего меча.

Так, успев перед смертью воскликнуть: «Тэнно хэйка банзай!», закончил свою жизнь и сам Юкио Мисима, прозванный многими из своих современников «последним самураем».

ОБРАЗ ЯПОНИИ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В 1938-1939 гг.

Пропаганда - это целенаправленное распространение в обществе определённых идей, ценностей, норм и программ поведения [5]. 1938-1939 гг. - важное время в истории отношений СССР и Японии. В эти годы на фоне начинающейся Второй мировой войны враждебность между странами резко обострилась. Приграничные конфликты в районе озера Хасана и у реки Халхин-Гол добавили общей напряжённости [6]. По отношению к дальневосточному соседу требовалось создать образ врага для достижения определённого результата в области политических действий. Правительство СССР на протяжении многих лет осуществляло мобилизацию ресурсов на границах, видя угрозы от империалистических стран, в том числе и от Японии. Для защиты государственной идеологии в Советском Союзе наращивали систему пропаганды. Пресса создавалась как инструмент власти, с помощью которого можно было влиять на население и контролировать его мышление.

Вначале следует описать, как в целом представляли Японию в советской прессе того периода. Информации немного, в газетах нет очерков людей, побывавших в Японии, отсутствует также объективная экспертная оценка. Единственное исключение - это статья в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда» от 4 июля 1938 г. под заголовком «В Плелу», рассказ очевидцев с судна «Рефрижератор № 1», который был задержан японцами. В материале описаны ужасные условия проживания японцев: «Вакканай - небольшой грязный городишко. В нем нет ни одного приличного здания... Судя по наружному виду, люди этого города не знают весёлости, живут в большой нужде» [11, с. 1]. Отмечалось применение пыток к захваченным морякам.

Ознакомительные статьи про внутреннее положение Японии носят социально-классовый характер. Главной темой фигурируют бедность населения и безчинства японской буржуазии / военщины. Например, «Японские капиталисты с жиру бесятся», - читаем в читинской газете «На боевом посту», - тогда, когда граждане Японии, угнетаемые капиталистами, находятся в бедственном положении» [3].

Статья «Кто и как управляет Японией» явно создана для населения в агитационных целях из-за провокации на Хасане и на озере Буир-Нур (Халхин-Гол). Лейтмотив статьи: «Не от хорошей жизни японские милитаристы идут на такие провокационные вылазки. Японский народ не желает войны. Возможность войны с СССР вызывает у японцев ужас» [9]. Также всегда подчёркивались ослабление Японии и невозможность продолжения войны в Китае. Показать Японию слабой страной, которая только ведет войны и совершенно не заботится о своем народе, - действенный способ очернения образа вражеской страны.

Не менее интересно, как отзывались о японских солдатах в период приграничных конфликтов советские солдаты. Для формирования нужного отношения к противнику нужно было создать нужные стереотипы.

В газетных статьях синонимом слова «японцы» употреблялось слово «самурай». Самурай - основная характеристика японцев того периода времени.

Однако нам важен смысл, который вкладывался в это понятие. Если мы заглянем в словарь, мы увидим, что «самурай - это член привилегированной феодальной военной касты Японии» [15]. В советской же пропаганде самурай был приравнен к бандитам и мародёрам. При этом в текстах классовая принадлежность самурая отходит на задний план. Стоит отметить, что пропаганда при создании образа опиралась на знакомый в народе образ жестоких и диких азиатов.

Часто по отношению к японцам применяли слово «provokator». Данная лексема показывает врага безчестным, пы-

тающимся вызвать своего противника на нежелательные для него действия. Использование конструкции характеризует врага ещё и как достаточно слабого, неспособного на масштабные военные действия.

Встречается идея интеллектуальной несостоятельности врага, при этом авторы прибегают к эмоциональным характеристикам: «Провокация войны со стороны беспокойного и далеко не умного соседа... Японская военщина, ущемив свой хвост в Китае, решила, как вообще полагается сумасшедшим, ущемить и голову» [12].

Карикатуры пользовались особой популярностью, их добавляли к новостям, чтобы информация становилась простой и лёгкой, проще усваивалась аудиторией. Японских солдат изображали физически слабыми и фанатично преданными вояками, часто описывали пьяными, тем самым объясняя их храбрость в бою. Это видно и на карикатурах, и в статьях. Например, в статье «Как мы били самураев»: «Самураи с пьяным криком “банзай” шли на нас в атаку» [7]. В другой статье написано, что советские солдаты обратили внимание на огромное количество бутылок в японских окопах [4, с. 13]. В журнале «Крокодил» имеются карикатуры, изображающие пьяных японских солдат. Под одной из картинок подпись: «Не сколь высокий, сколь крепкий дух самураев» [8]. Имеется в виду, что дух самураев зависит от крепости напитка.

По горячим следам появилось множество публикаций про хасанские бои: воспоминания солдат, анализ боевых действий, брошюры про партийную работу в условиях боевых действий, например, «Бои на озере Хасан: Документы советского патриотизма». Часть заметок целиком печатались в газетах. Негатив определяется в самом обращении: наглые грабители, наглые провокаторы, японо-маньчжурские бандиты.

Среди этих публикаций выделим книгу капитана Стеженко: «Что произошло в районе озера Хасан». Данная брошюра была написана в 1938 г. и была полностью напечатана во всех газетах, сохранившихся в архивах. Интересно, что в ней

градус пропаганды явно снижен. Более того, даже встречается такое выражение как «господа японцы» [4, с. 14]. Лишь пару раз используется ссылка на негативное определение японцев - «самураи».

Образ Японии отличался от образа Польши и Финляндии. В советской печати были представлены «хорошие» и «плохие» финны и поляки. Для японцев подобного раздвоения не было, но фиксировался акцент на социально-политическом строе страны, где уточнялось, что сам японский народ - не враг СССР. В статье «Рассказ японского летчика» делается акцент на словах пилота, что «только японские милитаристы несут всю ответственность за войну. Японский народ не хочет войны и должен заставить военщину прекратить войну» [13]. Такие статьи редко, но тоже попадались в газетах тех лет.

Выход различных мемуаров, описывающих сражения на границе, начался в 1938 г. Воспоминания военнослужащих содержали в основном описание боевых действий и героизма советских солдат, отношение к японцам часто не выражалось. Кроме того, солдаты почти ничего не знали о жизни противника. Обычные солдаты могли судить о быте японцев только по захваченным вещам. У разведчиков было больше возможностей, один из них вспоминает, что увидел выступление гейш. Для него это было необычным зрелищем, он ничего не знал о них [14]. Образ Японии создавался с вполне конкретной целью: она - враг, и советская пропаганда в этом преуспевала.

Образ японского солдата в сознании красноармейцев периода в 1938-1939 гг. носил собирательный характер. Некоторые отмечали фанатическое упорное сопротивление японских солдат, которые в безвыходных ситуациях делали характерные выкрики. Выделяли хорошую подготовку японцев, особенно в ближнем бою, и отсутствие у них перебежчиков. Среди черт выделяли хитрость, фанатизм и упорство японцев.

Будущий генерал танковых войск Иван Шкадов участвовал в хасанских событиях простым лейтенантом и так вспо-

минал те дни: «Сравнивая бои у озера Хасан с многочисленными боями Великой Отечественной войны, в которой я принимал участие, могу отметить, что были они из числа самых ожесточённых» [1].

А.И. Килан рассказывает, как пленного японца пришлось привязать к носилкам, так как он кусался, плевался и изо всех попытался вырваться [10].

Из речи Ф.М. Некрасова, старшего политрука дивизии, перед солдатами: «Враг не прост, воюют умело. Нужна бдительность и воинское умение, чтобы самурайские хитрые приемы нас врасплох не заставляли» [10].

Среди примеров японской военной хитрости были как шаблонные, часто повторяющиеся, так и весьма неожиданные, например, тактика безшумных ночных атак. Из рассказа рядового Акинова: «Знаете, какую тактику применяют самураи в ночной разведке? Они ползут, извиваются, как змеи, безшумно и незаметно подкрадываясь к своей жертве. Против такого врага нужно чутьё особое, сноровка и смекалка. Вот и приходится приспосабливаться, чтобы не дать себя обмануть» [2].

Об одном из таких нестандартных эпизодов вспоминает ветеран боев на Халхин-Голе, бывший командир батареи Н.М. Румянцев:

«В воскресенье 13 августа [боец] Елифанов, наблюдая в стереотрубу, доложил:

- Товарищ лейтенант, вдоль японских окопов прогуливается раздетая женщина.

Я подошел к стереотрубе. Действительно, по брустверу японской траншеи взад и вперед неторопливо и вызывающе-нагло прохаживалась молодая нагая женщина. Она ходила минуты две-три, затем исчезла в траншее. За это время с японской стороны прозвучало несколько одиночных выстрелов. Через полчаса позвонил командир батальона.

- Видели приманку? - и, не дожидаясь ответа, продолжал.
- В седьмой роте от огня снайперов погибли два бойца, в восьмой - один.

Высунулись посмотреть и поплатились жизнью. Это был очередной трюк японцев, предвидеть который было трудно. Выпустив раздетую женщину, японские снайперы ловили на мушку любопытствующих зевак» [14].

В воспоминаниях участников боев встречаются стандартные пропагандистские лексемы для обозначения японцев: «провокаторы», «бандиты», «подлые самураи» и «гады». Также встречается множество сведений о подлости японцев и о нарушениях ими определённых правовых норм.

Отмечали, что мораль у японских солдат была высокой, но воевать они не хотели. Например, описается случай, что в сбитом самолете обнаружили привязанного к креслу пилота [2]. На фоне таких примеров противопоставлялся советский солдат - добровольный защитник и преданный боец своей родины.

Во многих воспоминаниях приводятся примеры того, что японская армия и сами японцы были храбрые и умелые воины. Однако в воспоминаниях также встречались противоположные сведения. Б.С. Батавин, редактор дивизионной газеты, вспоминал следующую фразу артиллериста после отражения атаки: «Неточно бьют! Глаза косятся у японцев. Это у них от расширенных зрачков на чужую собственность» [10].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что советские военнослужащие и гражданские не полностью разделяли представления о японцах, главенствовавшие в официальном общественном сознании. Часть солдат описывали японцев храбрыми и сильными воинами, другие же писали в пределах официальных представлений. Это говорит о том, что пропаганде не удалось полностью подчинить мнения людей.

В то же время пропаганда смогла мобилизовать людей для отражения скорого нападения Японии. Это могут подтвердить, например, воспоминания Марии Яковлевны Старчуковой: «Страна развивалась, и мы вместе с ней, при этом все были большими патриотами, готовились к войне. Прои-

зошли события на озере Хасан в 1938-м году, бои в районе Халхин-Гол в 1939-м. У нас всё время чувствовалась угроза со стороны милитаристской Японии. Регулярно появлялись новости о том, что пограничники ловили вражеских диверсантов, прятавшихся в тайге. Так что мы были подготовлены к труду и обороне» [16].

Пропаганда в прессе способствовала формированию нужной государственной идеологии представлений, создав из японцев образ врага. Люди считали, что война скорее будет с Японией, а не с Германией. Японию продолжали рисовать жестокой империалистической и милитаристской страной, со слабой армией грабителей.

Тотальная пропаганда сработала на продолжительное время. Советский человек не имел возможности составить личное мнение, образ Японии складывался у него из общего представления, даваемого в СМИ. Успешная работа с информацией с использованием методов пропаганды позволила сделать это направление политики СССР успешным и достичь нужного контроля над массами. Даже сейчас старшее поколение во многом пользуется советскими клише.

Список литературы

1. Волынец А. Война в дни цветения лотоса [Электронный ресурс] // ТАСС Дальний Восток. URL: <https://dv.land/history/voina-v-dni-tcveteniya-lotosa> (дата обращения: 06.04.2020).
2. Воротников М.Ф. Записки адъютанта. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 117 с.
3. Гончаров В. Японские капиталисты с жиру бесятся // На боевом посту. 1939.
4. Капитан Стеженко. Что произошло в районе озера Хасан?. М.: Воениздат, 1938. 16 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 681 с.
6. Кошелев А. Советско-японские войны, 1937-1945: сб. воспоминаний. М.: ЭКСМО, 2009. 413 с.

7. Красноармеец Стреколов. Как мы били самураев // На боевом посту. 1939. 6 авг.
8. Крокодил. 1939. № 21.
9. Леснов М. Кто и как управляет Японией // Красная звезда. 1939. 10 июля.
10. Неволин П.А. Герои Халхин-Гола: [сб.]. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1976. 149 с.
11. Никулин А. В Плену // Тихоокеанская звезда. 1938. 4 июля. С. 1.
12. Полит. упр. РККА. Документы советского патриотизма (в дни боев у озера Хасан). М.: Воениздат, 1939. 96 с.
13. Рассказ японского лётчика // Тихоокеанская звезда. 1938. Июль.
14. Румянцев Н.М. На Халхин-Голе. Воспоминания ленинградцев-участников боев с японскими милитаристами в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Л.: Лениздат, 1989. 250 с.
15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007. 752 с.
16. Я помню [Электронный ресурс] // Интернет портал, где собираются интервью ветеранами ВОВ. URL: <https://iremember.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).

Источник: журнал «Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Серия: Studis historica juvenum», 2020

18 В САМУРАЙСКОМ КИМОНО

Несколько лет назад была обнаружена редчайшая и сенсационная фотография Адольфа Гитлера, на которой Фюрер одет в японское кимоно. Это не подделка и не современный фотешоп, снимок вероятно был сделан около 25 ноября 1936 года во время подписания пакта между национал-социалистической Германией и императорской Японией.

На кимоно отчётливо видны символы Орла с венком из дубовых листьев со Свастикой внутри (Reichsadler). Почему фотография стала доступна только сейчас? Фюреру не всегда нравились его образы на фотографиях. Так в своё время он запретил выпускать в СМИ снимок, на котором он запечатлён в лесу в шортах и в гольфах. Гитлер сказал, что на нём он выглядит как «позорище».

Некоторые комментаторы выразили сомнение, что кимоно сделано в Японии, из-за присутствия на нём символа Орла. О том, что кимоно для Фюрера – японской выделки, писалось в тогдашних японских газетах (о чём – ниже). Но сначала – о символике орла в Европейской и Японской культурах.

Орёл с распростёртыми крыльями – в арио-европейской традиции – символ Власти. Величавый орёл, как символ власти, известен в Европейской культуре с Античности. Древние греки и римляне отождествляли его с верховными богами: Зевсом и Юпитером. Он олицетворение активной солнечной энергии, мощи и недостижимости. Часто он становился олицетворением небесного бога: если небожитель перевоплотился в птицу, то только в одну – Орла. В качестве своего знамени Орла использовали едва ли не все Династии Европы, а также великие Вожди европейского человечества, как Наполеон Бонапарт, Бенито Муссолини, Адольф Гитлер. Орёл также символизирует победу высшего духа над земной природой: парение в небе — не что иное, как стремление к высотам,

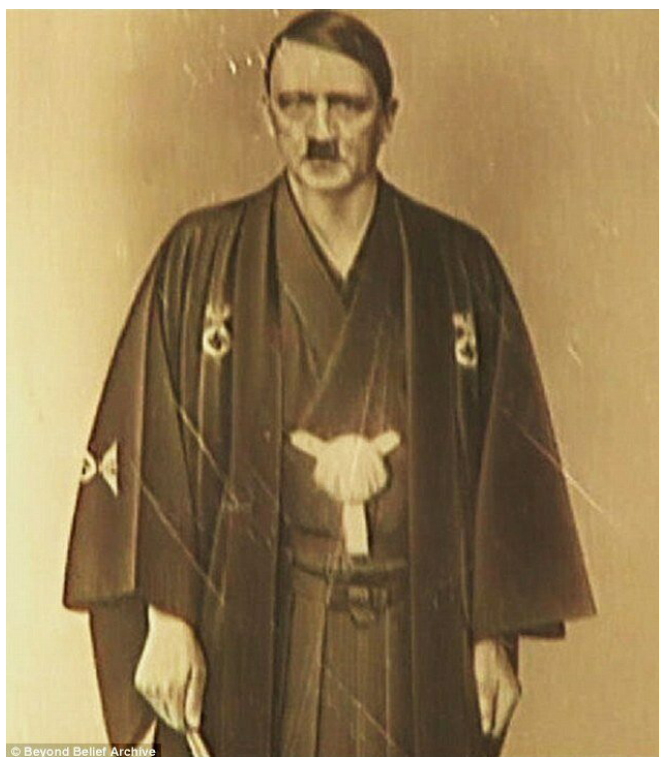
покорение своих слабостей и страстей; воля оставить след — остаться в вечности.

Священные птицы в синто: В синтоистской храмовой практике за некоторыми зверями (обезьяна, волк, лошадь) и птицами закрепились функции т.н. оцукаи («посланцев богов»), но, фактически, эти священные существа просто «принадлежат божеству». Происхождение «посланцев» самое разное: здесь и письменная традиция, и народные верования, связавшие «посланца» с божеством местного храма на том основании, что данный зверь или птица часто встречается в его округе. Среди оцукай много птиц... Один из самых распространенных случаев почитания птиц в синтоизме - это орел (васи, иногда просто тори - «птица»); по всей Японии известно около пятидесяти Оо-тори-дзиндзя, большинство которых сосредоточено в районе Канто. Центральный из них - Васи-дзиндзя (Храм орла) в Токио (Асакуса); согласно легенде, Ямато-такэру, возвращавшийся из военного похода, посетил это святилище в средний день птицы по лунному календарю (в ноябре) и поклонился божеству Амэ-но-хи-васи-но микото (Орёл небесного солнца). Поэтому в этом и других храмах орла с ноября проводятся (установлено, что, по крайней мере, с сер. XVIII в.) празднества под названием Тори-но ити (Птичьи базары), которые еще называют «Праздником грабель», что объясняется не только одинаковым произношением тори - слов «птица» и «брат, загребать» (подразумевается, что «загребают» деньги и счастье), но и сходством этого инструмента с лапой орла» (проф. Евгений Бакшеев. См. подр.: <https://ru-shinto.livejournal.com/24080.html>).

Впервые увидев этот крайне редкий снимок, на котором Гитлер позирует в необыкновенном кимоно, можно, пожалуй, и засомневаться в его подлинности и происхождении. На снимке заметна ретушь, однако, подлинность косвенно подтверждается событием, предшествующим ему. Как оказалось, эта фотография была сделана в 1936 году, в ознаменование подписания международного соглашения между Тре-

тым Райхом и Японией. Данное кимоно было специально изготовлено для Фюрера и подарено японским послом.

Этот же снимок можно найти в японской газете того времени. Газета «Asahi Shimbun» в выпуске от августа 1936 содержит статью с заголовком: «Улыбка в японском кимоно, радость Фюрера Гитлера. Кимоно выполнено из льняного полотна с изображением Свастики и символа города Токио». Ещё один снимок демонстрирует дарение кимоно Гитлеру послом Японии. Фюрер осматривает подарок. Есть ещё два снимка, демонстрирующие изготовление кимоно японскими мастерами (данные снимки можно посмотреть тут: https://t.me/neues_europa/1350).

ИМПЕРАТОР ХИРОХИТО: «АЗИАТСКИЙ ГИТЛЕР»

Хирохито – японский император, чья фигура до сих пор вызывает много споров и вопросов среди историков и политиков. Он правил самый длительный период: 62 года. И именно при нём была утрачена божественная природа японских императоров. Он первый провозгласил себя смертным человеком. При нём была известная атака на Пёрл-Харбор и атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки. Он единственный в мире глава государства, дважды принимающий Олимпийские игры у себя в стране. Многие в мире считают его виновником Второй мировой войны, а в Азии его называют «азиатским Гитлером», тогда как японцы считают, что именно Хирохито сумел сохранить их нацию.

Детство наследного принца

Рос будущий Император в крайне суровых условиях. Воспитанием его и других мальчиков, отпрысков из знатных семей воспитывал Кавамура Сумиеси, адмирал, человек суровый и жёсткий. Он знал, что именно этот ребенок в будущем займёт престол, поэтому не жалел его. Условия были просто спартанские: подъём в 6 утра, скудная еда, холод, тяжёлые физические испытания, умственная нагрузка. На ночь няни рассказывали страшные сказки.

Вскоре оказалось, что Хирохито слаб здоровьем: у него развивалась близорукость и искривление позвоночника. Оба недуга лечили одним способом. Привязав ребенка к специальному креслу прямо, оставляли его на берегу моря смотреть вдаль. Тогда у будущего ребенка появилась любовь ко всему морскому. Изучение морских водорослей и поиск ракушек – этим он мог заниматься подолгу.

Император-учёный

Когда императором стал отец Хирохито, принца отправили в Европу на полгода. А вскоре и женили, выбрав одну из благородных японок Нагако. Семья получилась на удивление дружной, они оба увлекались гольфом, лыжным спортом и книгами. Постепенно, один за другим рождались дети. Хирохито мог завести себе наложницу, но он принципиально от всех отказался, храня верность только Нагако.

Хирохито стал профессионально увлекаться морской биологией, изучал с помощью микроскопа живые морские организмы. Сколиоз тоже развивался, Император стал почти горбатым и в результате походил на чудаковатого профессора, а никак не на главу императорского двора. При дворце работала целая биологическая лаборатория, Император написал несколько научных трудов.

Диктатор или марионетка?

Биологией он занимался в перерывах между совещаниями с генералами и адмиралами, на которых решались военные вопросы. Япония вела войну с Маньчжурией и Китаем, объявила войну Британии и США, а затем атаковала Пёрл-Харбор. Кстати, сегодня некоторые историки считают, что Император был всего лишь марионеткой в опытных руках военных. Эту же мысль утверждал и легендарный генерал Макартур, воевавший в этой войне на стороне США.

Вскоре ситуация поменялась, и уже американские бомбы летели на японские города. Императора Хирохито на Западе сравнивали с Гитлером и называли военным преступником. Поэтому, все были удивлены, когда он неожиданно объявил о капитуляции. Причём он это сделал, не посоветовавшись со своими военными министрами. Народу свое решение он объяснил желанием спасти нацию.

Американцы сохранили жизнь диктатору, но внесли свои изменения в политическое устройство страны. Японцы получили новую конституцию и демократию. Император остался лишь номинально, утратив свою божественную природу. До

этого, на протяжении многих столетий императоры в Японии приравнивались к живым божествам. Это превращение Хирохито составляло часть процесса отречения Дай Ниппон тэйкоку — Великой Японской империи в пользу Нихон коку — просто Японии с её конституцией, лишившей Императора официальных полномочий. Эту конституцию Хирохито именовал «благодатным поражением».

Вообще, от корня «благо» происходят очень многие смыслы, заложенные в понятие «кодо» — «путь императора». Само имя Хирохито восходит к древнекитайскому изречению: «Когда общество процветает, народ доволен». Благо народа в понимании Императора сильно менялось в зависимости от времени и обстоятельств, но само понятие «народ» всегда оставалось для него священным и, главное, первичным.

Жизнь Хирохито после войны стала жизнью обычного земного человека. Он всё также увлекался наукой, занимался земледелием. Его дети ходили в обычные японские школы. Но при этом сохранил привычки богатого человека: коллекционировал элитные автомобили (предпочтение отдавал немецким маркам). Был большим фанатом «фашиста» Диснея, а его любимым мультгероем был Микки-Маус.

Умер император тоже, как простой земной человек — от рака поджелудочной железы. На похороны, стоившие бюджету страны 80 миллионов долларов, приехали представители почти всего мира.

ИЛИ... НЕ СОВСЕМ «ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК»

Как можно представить себе наглядно «японский фашизм»?

Если мыслить образами, то Фашизм — это цветок, сердцевина — идея, лепестки — способы и методы.

Приглядитесь к двум «цветкам» тридцатых-сороковых — германскому и японскому, и вы найдёте у японской «хризантемы» все те же лепестки, кроме одного — сочной, звучной, харизматической личности национального вождя. Но божественный Император — се есть нечто «высшее», нежели «на-

циональный вождь» (такowymi можно считать представителей тогдашней «японской военщины», навроде ген. Садао Араки и т.п.). В Китае, Корее, на Тайване, в Хирохито видели «азиатского Гитлера». И навроное «неспроста», ибо Гитлер также был «большим-нежели-вождь», он **de facto был Императором Запада** (да и **de jure** также, приав после «аншлюсса» Австрии императорские инсигнии Священной Римской Империи германской нации).

Приведём выразительный пример. Октябрь 1941 года. На совещании, посвящённом окончательному решению о начале военных действий, Император стремится убедить рвущихся в бой начальников штабов дать ещё некоторое время дипломатам и делает это при помощи... стихотворения в стиле танка (как определяют справочники: танка (яп. «короткая песня») основной вид японской феодальной лирической поэзии; поэзии, «корни которой — в человеческом сердце» (как определяет Ки-но Цураюки, один из «сандзю роккасэн», «тридцати шести бессмертных», согласно составленному в Средние века списку величайших поэтов Японии).

Итак, Император произносит танка:

Четыре моря нас разделяют,
Но все мы братья,
Мир прекрасен!
Отчего так бушуют волны?
Зачем безчинствует ветер?

Начальники штабов с поклоном встанут со своих мест и дают заверения, что готовы уступить дорогу дипломатам.

В этой сцене нет ничего фальшивого или выделанного. Просто это другой мир. Мир, который слишком ценил себя и, не надеясь на полное понимание со стороны Белой расы, завоевал её уважение тем, что сам научился понимать и принимать её. В этот путь Япония отправилась со своим Императором, в чём его великая заслуга.

РАСОВЫЙ ТИП

Император Сёва (Хирохито) – 124-ий Император Японии, правивший с 25 декабря 1926 года вплоть до своей смерти

7 января 1989 года божество у синтоистов (яп. □□□□ сё:ва тэнно:, девиз правления, букв. — «просвещённый мир», прижизненное имя Хирохито (яп. □□)[5]; 29 апреля 1901 — 7 января 1989). Генералиссимус японских войск. Во время Второй мировой войны вступил в союз с Германией, однако сохранил власть после поражения стран Оси. В 1979 году после Исламской революции в Иране стал единственным в мире монархом с титулом «император».

Этническое происхождение: Японское

Цефальный индекс: Мезоцефалия ($\approx 78,1$)

Высотный индекс: Ортокrania ($\approx 73,6$)

Лицевой индекс: Лептопросопия ($\approx 90,5$)

Носовой индекс: Лепториния ($\approx 54,1$)

Форма спинки носа: Прямая

Высота лба: Средняя ($\approx 32,3\%$ от общей высоты лица)

Форма лба: Наклонённый

Наклон глазной щели: Горизонтальный

Скулы: Средние

Челюсть: Широкая

Подбородок: Невыраженный

Форма затылка: Округлая

Цвет глаз: Тёмный оттенок, №2 по шкале Бунака

Посадка глаз: Средняя

Цвет волос: \approx у по шкале Фишера-Саллера

Цвет кожи: ≈ 16 по шкалой Лушана

Толщина губ: Умеренно толстые

Строение тела: Долихоморфное

Рост: Средний (165 см)

Расовый тип: Северный синид с влиянием палеомонголоида

(Примечание: Синиды - предложенная в классификации фон Эйкштедтом разновидность монголоидной расы, характеризующая антропологический тип китайцев, корейцев и японцев).

Вера в Меч

Уроки «Нации Самураев»

Формат 60 х 90 1/16 (148х210)
Объём 16 печ. л. Печать офсетная
Тираж 100 экз. Заказ №271